This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 06703074 6

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

13
35

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

Д. Н. Мамин-Сибирякъ.

5 67

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ОГНИ.

Повѣсти и разсказы.

(Рождественскіе огни. — „На Теплой горѣ". — Около нодьи. — Медвѣдица. — Темное время. — Въ каменномъ колодцѣ. — Богачъ и Еремка. — Темные люди).

Со многими рисунками художниковъ: Андронова, Кучеренко, Андреева, Хохрякова и др.

1905

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ
„Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ".
Москва, Б. Молчановка, д. № 24,
Д. И. Тихомирова.

Digitized by Google

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. И. ТИХОМИРОВА.

(Москва, Б. Молчановка, д. № 24)

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Аленушкины сказки. Съ 45-ю рисунками художниковъ Аоанасьева, Андреева, Гугунавы и Литвиненко. 104 стран., 6-е роскошное изданіе. Ц. 1 р. **Содержаніе:** I. Сказка про храбраго зайца—длинныя уши, косые глаза и короткій хвостъ. II. Сказочка про козявочку. III. Сказка про медвѣля. IV. Ванькины именины. V. Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселаго трубочиста Яшу. VI. Сказка о томъ, какъ жила-была послѣдняя муха. VII. Сказочка про Воронушку—черную головушку и желтую птичку канарейку. VIII. Умнѣе всѣхъ. Сказка. IX. Притча о молочкѣ, овсяной кашкѣ и сѣромъ котишкѣ Муркѣ. X. Пора спать—Роскошное изданіе на плотной бумагѣ.

Въ шестомъ изданіи книга **допущена** У. К. М. Н. П. для ученич. библ. **начал. народныхъ** училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. (Отношеніе № 2803, отъ 22 января 1904 г).

ЕГО-ЖЕ. Сказка про славнаго царя Гороха и его прекрасныхъ дочерей царевну Кутафью и царевну Горсшинку. Съ 23 оригинальными рисунками въ текстѣ художника П. Д. Бартрамъ. Съ 4 литографированными въ 12 красокъ картинами на отдѣльныхъ листахъ. Въ роскошной обложкѣ-переплетѣ съ рисунками въ краскахъ. Роскошное изданіе на плотной бумагѣ Верже Ц. 1 р. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 2811, отъ 30 ноября 1904).

ЕГО-ЖЕ. Изъ далекаго прошлаго. Воспоминанія.—Отрѣзанный ломоть.—Казнь Фортунки.—Исторія одного пильщика. Ц. 1 р. Главн. Управл. Военно-Учебн. Завед. книга **рекомендована** для чтенія кадетамъ III, IV, V классовъ. (П. Сб. № 16—902.

ЕГО-ЖЕ. Разсказы и сказки. Первый томъ. Съ рисунками художниковъ Андреева, Аоанасьева, Праотцева и друг. **Содержаніе:** I. Старый Воробей. Разсказъ. II. Пріемышъ. Изъ разсказовъ стараго охотника. III. Постойко. Разсказъ. IV. Сѣрая Шейка. V. Упрямый козелъ. Сказка. VI. Медвѣдко. Разсказъ. VII. На пути. Изъ разсказовъ стараго охотника. VIII. Елка. Сказка. IX. Зеленая война. Сказка. X. Лѣсная сказка. XI. Емеля-Охотникъ. XII. Ужасный случай. XIII. Скверный день Василія Ивановича. 7-е изданіе. Ц. 1 р. 1904 г. Въ 6-мъ изданіи книга **допущена** Уч. Ком. М. Н. Пр. для ученич. библіотекъ низшихъ училищъ. (Отношеніе № 17349, отъ 9 іюня 1904 г.).

ЕГО-ЖЕ. БЫЛИНКИ. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунками художниковъ: **В. В. Спасскаго, А. А. Кучеренко и др.** Ц. 40 коп. **Содержаніе:** Букапъ. Гостья. Признанія кота Васьки. Лучшій другъ.

Каталоги высылаются безплатно.

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ОГНИ.

Повѣсти и разсказы.

Со многими рисунками художниковъ Андронова, Кучеренко, Андреева, Хохрякова и др.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ
„Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“
Москва, Б. Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

МОСКВА.
Типо-литографія П. К. Прянишникова, Цвѣтной бульваръ, домъ № 21.
1905.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
532427
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1911 L

Дозволено цензурою. Москва, 27 Ноября 1904 г.

Digitized by Google

Рождественскіе огни.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Павелъ Егорычъ Ивановъ, горный инженеръ, волновался съ утра, волновался радостно и хорошо, потому что сегодня кончалъ свою работу и долженъ былъ уѣхать.

— Сергѣй, у насъ все готово?—спрашивалъ онъ своего человѣка еще съ утра.

— Точно такъ-съ, Павелъ Егорычъ...—бойко отвѣчалъ разбитной „человѣкъ Сергѣй“, курносый и рябоватый отставной солдатикъ.—Чемоданъ-съ, подушка-съ, мѣховое одѣяло-съ...

— Хорошо, хорошо...

Digitized by Google

Человѣкъ Сергѣй тоже былъ радъ вырваться изъ этой трущобы хоть на пять дней, повидаться со своими и погулять на Святкахъ. Въ сущности, онъ ничего не дѣлалъ и, какъ всѣ лѣнтяи, вѣчно мечталъ объ отдыхѣ. Да и какая была его служба, когда онъ просто „состоялъ при молодомъ баринѣ“.

— Да, такъ все готово, Сергѣй?—спросилъ Павелъ Егорычъ, отправляясь въ послѣдній разъ на фабрику.

— Чемоданъ-съ, подушка-съ, мѣховое одѣяло-съ, папиросы-съ...

— Теперь восемь часовъ, а въ двѣнадцать подадутъ лошадей... Понимаешь?

— Очень просто, баринъ... Сорокъ-то верстъ до Тукайскаго завода въ три часа живой рукой доѣдемъ. Стриженная дѣвка не успѣетъ косы заплести... Да-съ.

Хорошо, хорошо.

Разговоръ происходилъ въ холостой квартирѣ Иванова, состоявшей изъ трехъ комнатъ и кухни. Женской прислуги не полагалось, потому что хозяинъ дома только пилъ чай, а завтракалъ и обѣдалъ у механика Моргулисъ, семейнаго человѣка. „На случай гостей“ дѣлался заказъ разныхъ закусокъ, какъ сардинки, кильки, сыръ и т. д., но, когда приходили гости, обыкновенно, никакихъ закусокъ не оказывалось, потому что человѣкъ Сергѣй, какъ всѣ лѣнтяи, отличался замѣчательной прожорливостью и наѣдался до тошноты.

Утромъ, какъ всегда, Павелъ Егорычъ сходилъ на

Digitized by Google

фабрику и въ заводскую контору. Вездѣ кипѣла предпраздничная лихорадочная работа, особенно въ конторѣ, гдѣ нужно было закончить расчеты съ рабочими, подрядчиками и другими лицами, такъ или иначе прикосновенными къ заводскому дѣлу. Павлу Егорычу казалось, что, не смотря на эту рабочую спѣшку, у всѣхъ тоже хорошо и весело на душѣ, какъ и у него. Даже суровый старикъ бухгалтеръ Семенъ Гаврилычъ и тотъ радовался, хотя и скрывалъ свои чувства, чтобы не давать поблажки своимъ подчиненнымъ канцеляристамъ или по заводски—служителямъ. Павелъ Егорычъ посидѣлъ у его стола. Ему хотѣлось съ кѣмъ нибудь подѣлиться своимъ настроеніемъ.

— Ѣдете, Павелъ Егорычъ? — глухимъ голосомъ спросилъ старый заводскій служака, не поднимая головы отъ своей работы.

— Ѣду, Семенъ Гаврилычъ...

Пауза. Бухгалтеръ что то отмѣтилъ ногтемъ на полѣ громадной расчетной книги, перебросилъ нѣсколько костяжекъ на счетахъ и, поднявъ на Иванова добрые сѣрые глаза, проговорилъ уже другимъ тономъ:

— Къ невѣстѣ ѣдете, Павелъ Егорычъ? Да? Вотъ, поди, ждетъ-то...х-хе!.. Ахъ, молодость, молодость... Только вотъ крылышекъ не хватаетъ, чтобы вспорхнуть и улетѣть. А тамъ невѣста часы считаетъ да въ окошечко поглядываетъ, не ѣдетъ-ли суженый—ряженый?

Павлу Егорычу сдѣлалось даже совѣстно. Вѣдь онъ

Digitized by Google

сейчасъ счастливѣйшій человѣкъ въ цѣломъ мірѣ, и старый бухгалтеръ навѣрно ему завидуетъ, — нѣтъ всѣ завидуютъ до конторскаго сторожа включительно. Англичанинъ Грей, главный управляющій заводами, посасывая коротенькую трубочку, на прощанье замѣтилъ съ какой-то особенной суровостью:

— А вы, мистеръ Ивановъ, вполнѣ надѣетесь на свою доменную печь?

— О, совершенно, мистеръ Грей.

— Не забудьте, что русскіе рабочіе имѣютъ скверную привычку напиваться по праздникамъ... да... Они забываютъ свои обязанности, именно, въ такіе праздники, а у васъ въ Россіи полтораста праздниковъ въ году. Да... А доменныя печи не желаютъ знать никакихъ праздниковъ. Вы знаете, что если не досмотрѣть за ней хотя одинъ день, то это можетъ обойтись заводу въ десять тысячъ рублей... да.

Очевидно, бѣдняжка Грей завидовалъ Павлу Егорычу, потому что ему некуда было ѣхать, и его никто не ждалъ, кромѣ мистрисъ Грей.

— Доменный мастеръ Спиридонычъ человѣкъ вполнѣ надежный—отвѣтилъ Павелъ Егорычъ, про себя жалѣя мистера Грея, какъ жалѣлъ стараго бухгалтера.

— Старый пьяница вашъ Спиридонычъ. Впрочемъ, я ничего не имѣю противъ вашей поѣздки. Мой привѣтъ вашей невѣстѣ...

Вышла проститься мистрисъ Грей и тоже просила передать свой сердечный привѣтъ будущей мистрисъ

Digitized by Google

Ивановой. Сегодня всѣ точно сговорились быть добрыми. Да, рѣшительно всѣ такіе хорошіе и добрые, даже заводскій кучеръ, по прозванію Волкъ, только притворялся, какъ всегда, суровымъ, и никакъ не могъ скрыть внутренней доброты, переполнявшей его кучерское сердце.

Итакъ, Павелъ Егорычъ отправлялся, и теперь время считалось уже не часами, а минутами. Человѣкъ Сергѣй проявлялъ изъ усердія совершенно ненужную суетливость, что выходило тоже очень трогательно, и Павелъ Егорычъ про себя пожалѣлъ, что могъ подозрѣвать этого славнаго человѣка въ кражѣ табаку, чаю и сахару... Онъ, вернувшись домой, спросилъ человѣка Сергѣя, стараясь придать голосу короткую нѣжность:

— Все готово, Сергѣй?

— Точно такъ-съ, баринъ... Въ лучшемъ видѣ!

Даже лошади и тѣ, казалось, заразились общимъ настроеніемъ и такъ весело фыркали и били копытами. Имъ, очевидно, очень хотѣлось, какъ можно, скорѣе довезти Павла Егорыча въ завѣтный уголокъ, гдѣ его ждали съ такимъ нетерпѣніемъ... Не даромъ говорится, что лошадь—лучшій другъ человѣка.

Было очень холодно, около двадцати градусовъ, но начиналъ падать мягкій, пушистый снѣжокъ, что обѣщало перемѣну погоды. Впрочемъ, для далекаго сѣвера Уральскихъ горъ такая сравнительно низкая температура даже не являлась холодомъ, а такъ, про-

Digitized by Google

сто свѣжая погода. Все дѣло привычки, особенно для людей, у которыхъ такія теплыя шубы, какъ у Павла Егорыча. У него была великолѣпная сибирская доха на подкладкѣ изъ лисьяго мѣха.

— Въ такой-то шубѣ человѣка изъ пушки не прошибешь,—говорилъ человѣкъ Сергѣй не безъ гордости.—Эхъ, хорошо господамъ жить на свѣтѣ: ѣдятъ сладко, спятъ мягко, одѣваются тепло...

— Зависть у человѣка Сергѣя являлась только естественнымъ дополненіемъ къ его лѣности и прожорливости. Онъ всѣмъ завидовалъ и считалъ себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ.

II.

Павелъ Егорычъ сѣлъ въ кошевую. Человѣкъ Сергѣй укуталъ его сверху мѣховымъ одѣяломъ съ такимъ усердіемъ, точно это былъ новорожденный младенецъ. Волкъ подтянулся на козлахъ и подобралъ вожжи. Пристяжная, ежившаяся отъ холода, приготовилась ринуться впередъ, коренникъ нетерпѣливо встряхивалъ дугой, заставляя дребезжать колокольчики, человѣкъ Сергѣй уже приготовился прыгнуть на облучокъ и на ходу крикнулъ:

— Трогай, Волкъ!..

Но Волкъ не шевельнулъ вожжами, а только мотнулъ головой по направленію къ фабрикѣ. По улицѣ

Digitized by Google

бѣжалъ какой-то человѣкъ, махалъ шапкой и что-то кричалъ. Очевидно, что случилось что нибудь на фабрикѣ. Это былъ фабричный коморникъ Евсей.

— Павелъ Егорычъ... не ладно... задыхаясь отъ бѣга, кричалъ онъ еще издали. — Оказія вышла... Спиридонычъ...

— Что такое? Говори толкомъ... недовольнымъ голосомъ спрашивалъ Павелъ Егорычъ, предчувствуя непріятность.

— А чугуномъ обварило Спиридоныча на выпускѣ... лежитъ за-мертво... Отливку дѣлали, онъ нагнулся поглядѣть въ форму, а оттуда какъ прыснетъ чугуномъ... Надо полагать, песокъ сырой попалъ... За фердшеломъ побѣжали... къ управляющему... А спиридонычъ лежитъ на бочку и не дышетъ...

— Экъ его угораздило...—ворчалъ человѣкъ Сергѣй, почесывая въ затылкѣ.—Не нашелъ другого времени...

— Ступай на фабрику,—проговорилъ Павелъ Егорычъ.

До фабрики было совсѣмъ близко. Она залегла своими горбившимися длинными корпусами подъ заводской плотиной. Тутъ же дымили три доменныхъ печи, желѣзныя и кирпичныя трубы. На плотинѣ Иванова обогналъ заводскій фельдшеръ Ѳедоръ Максимычъ. Онъ что-то крикнулъ, но трудно было разобрать.

Павелъ Егорычъ спустился по деревянной лѣстницѣ подъ плотину и быстро зашагалъ къ средней домен-

Digitized by Google

ной печи, гдѣ Спиридонычъ состоялъ главнымъ доменнымъ мастеромъ. У входа въ доменный корпусъ толпились рабочіе. Въ корпусѣ всегда было темно, и только въ дальнемъ концѣ, гдѣ производились чугунныя отливки, неровнымъ пятномъ выдѣлялся колебавшійся свѣтъ отъ зажженнаго пука лучины. Около мѣста происшествія толпилась небольшая кучка доменныхъ рабочихъ, давшая дорогу Павлу Егорычу. Спиридонычъ лежалъ на формовочномъ пескѣ и слабо стоналъ. Ѳедоръ Максимычъ стоялъ около него на колѣняхъ и старался разсмотрѣть окровавленное лицо.

— Ничего, останется живъ,—проговорилъ онъ.

— А глаза?—спросилъ Павелъ Егорычъ.

— Цѣлы. Ничего, слава Богу... Ну, ребята, давайте носилки и понесемъ его въ больницу.

Когда больного унесли, Ѳедоръ Максимычъ, небольшого роста сѣденькій старичекъ, досталъ лаковую табакерку, понюхалъ и проговорилъ:

— Собственно говоря, сущіе пустяки... да отъ воображенія... Если-бы Спиридонычъ переломилъ себѣ ногу—онъ бы и не охнулъ, а тутъ, какъ увидалъ кровь—и конецъ.

— Не притворяется-же онъ, Ѳедоръ Максимычъ?

— Нѣтъ, я не говорю этого. А только главное: испугъ. Вотъ пойду, вымою его, онъ и успокоится. Дня черезъ три, посмотрите, выпишется. Легкій ожогъ съ поврежденіями нѣкоторыхъ покрововъ... Обыкно-

Digitized by Google

венно думаютъ, что нервностью отличаются только интеллигентные люди, а, по моему убѣжденію, гораздо нервнѣе самые простые мужики.

Все это было хорошо, но для Павла Егорыча служило плохимъ утѣшеніемъ. Доменную печь безъ мастера нельзя было оставить, и приходилось отказаться отъ поѣздки. Послѣдняя мысль его точно придавила, но больше ничего не оставалось дѣлать.

Осмотрѣвъ доменную печь и прислушавшись опытнымъ ухомъ къ шумной работѣ фурмъ, нагнетавшихъ въ домну воздухъ, онъ отправился къ Грею. Тотъ уже зналъ о случившемся и, по обыкновенію, сохранялъ свою англійскую невозмутимость.

— Да, я вамъ говорилъ о Спиридонычѣ,—спокойно цѣдилъ онъ сквозь зубы, посасывая свою трубочку.— Спиридонычъ пилъ волка, Спиридонычъ ждалъ праздника... Вся Россія состоитъ изъ праздниковъ и водки. О, yes...

Павелъ Егорычъ не сталъ спорить съ мистеромъ Грей на тему о русскихъ праздникахъ и русской водкѣ, а только сказалъ, что ему придется остаться на праздники на фабрикѣ.

— Конечно,—спокойно согласился мистеръ Грей.— Доменная печь не невѣста, которая можетъ и подождать... Надѣюсь, она не умретъ въ два—три дня.

— Да, но войдите и въ мое положеніе, мистеръ Грей... Она меня ждетъ, она можетъ подумать, что со мной случилось какое-нибудь несчастье...

Digitized by Google

Мистеръ Грей зашагалъ по кабинету, пуская синія струйки табачнаго дыма.

— Все можетъ быть...—проворчалъ онъ. —Женщины способны все преувеличивать и не понимаютъ одного, именно, что у ихъ жениховъ, мужей, братьевъ и отцовъ есть свои обязанности. Да, обязанности... Особенно этого не понимаютъ ваши русскія женщины. А у каждаго человѣка есть свои обязанности... Телеграфный чиновникъ, почтальонъ, типографскій наборщикъ, машинистъ на паровозѣ, наши рабочіе у домны, всѣ это отлично понимаютъ. Вы только представьте себѣ, молодой человѣкъ, что вы самый простой рабочій у домны, и тогда ваша невѣста проститъ васъ... Я въ этомъ убѣжденъ, и вы потомъ согласитесь со мной. Конечно, непріятно, я это понимаю, но долгъ прежде всего.

— Непріятность, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что я лишенъ даже возможности извѣстить мою невѣсту о случившейся катастрофѣ...

— О, это мы сейчасъ устроимъ, молодой другъ... Садитесь къ столу и пишите письмо вашей невѣстѣ, а мы его отправимъ съ вашимъ человѣкомъ Сергѣемъ, на вашихъ-же лошадяхъ.

Человѣкъ Сергѣй сидѣлъ на облучкѣ кошевой и старался какъ можно чувствительнѣе обругать Спиридоныча.

— Ну, не идолъ-ли? а?.. Ну, кто его заставлялъ наклоняться надъ фурмой? а?..

Digitized by Google

Волкъ былъ необщительный человѣкъ и угрюмо молчалъ.

— Это онъ сдѣлалъ просто на зло намъ!—рѣшилъ, наконецъ, человѣкъ Сергѣй.—Вотъ, молъ, вамъ, поздравлю васъ съ праздничкомъ... Не стало ему, што-ли, время послѣ праздниковъ? Хоть облейся чугуномъ... Однимъ словомъ, самый вредный человѣкъ, хрѣнъ ему въ голову!.. И Павла Егорыча подвелъ до смерти: того невѣста, напримѣрно, ждетъ и всякое прочее, а онъ морду свою суетъ въ чугунъ...

Выскочилъ камердинеръ Грея и пригласилъ человѣка Сергѣя въ пріемную, гдѣ его ждалъ Павелъ Егорычъ съ письмомъ въ рукѣ.

— Ты передашь письмо Евгеніи Петровнѣ... понимаешь?

— Слушаю-съ...

— Да смотри, не потеряй его дорогой!..

—И не напейся съ радости,--прибавилъ Грей.

— И непремѣнно привези отвѣтъ... Понимаешь?

— Слушаю-съ.

Человѣкъ Сергѣй получилъ еще нѣсколько самыхъ трогательныхъ совѣтовъ и даже вспотѣлъ отъ усердія... Онъ нѣсколько разъ пытался уйти, но Павелъ Егорычъ возвращалъ его отъ дверей, припоминая еще что нибудь, точно, по меньшей мѣрѣ, снаряжалъ человѣка Сергѣя куда-нибудь въ экспедицію къ сѣверному полюсу.

— А ты куда письмо положишь?

— А за пазуху... Можно и за голенище засунуть.

Digitized by Google

— Оно будетъ вонять потомъ...

— Ну такъ въ шапку положу...

— А гдѣ нибудь въ ухабѣ потеряешь шапку? Развѣ у тебя нѣтъ кармана?

— Какіе у насъ карманы, Павелъ Егорычъ... Нечего намъ класть въ карманы то.

Наконецъ, человѣкъ Сергѣй былъ отпущенъ съ миромъ. Онъ былъ счастливъ, что поѣдетъ бариномъ. Послѣднее возмутило Волка до глубины души.

— Всю жизнь прожилъ, а такого страму еще не принималъ,—ворчалъ онъ, подбирая вожжи.

— Какого страму?

— А вотъ такого... Чтобы, значитъ, тому подобныхъ оболтусовъ вмѣсто господъ возить.

— Ну, не разговаривай. Я этого не люблю...Трогай.

Человѣкъ Сергѣй съ важностью настоящаго барина сѣлъ въ кошевую и закурилъ папиросу.

III.

Когда человѣкъ Сергѣй уѣхалъ, въ глазахъ Павла Егоровича точно все потемнѣло. И зимній день показался ему унылымъ, а всѣ люди точно сдѣлались другими. А мистеръ Грей просто былъ отвратителенъ... Чему онъ улыбался и чему радовался?

— Да, молодой другъ, долгъ прежде всего—повторялъ мистеръ Грей.—Долгъ и терпѣніе... Приходите

Digitized by Google

къ намъ обѣдать, у меня припрятана бутылочка добраго стараго винца, мистрисъ Грей сама сегодня готовитъ рождественскій плумпуддингъ—все будетъ отлично!

И эта старая англійская обезьяна продолжала улыбаться и радовался... Павелъ Егорычъ пробормоталъ что-то довольно несвязное и постарался поскорѣе уйти. Обѣдъ, бутылка какого-то дурацкаго вина, плумпуддингъ—ну, къ чему все это? Глупо было итти и домой, гдѣ теперь было обидно пусто, а приготовленныя въ дорогу вещи будутъ напоминать о несостоявшейся поѣздкѣ. Постоявъ у воротъ, Павелъ Егорычъ зашагалъ къ фабрикѣ.

Да, прежде всего долгъ,—повторялъ онъ про себя слова мистера Грея.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ рабочихъ, но они сегодня имѣли какой-то подозрительный видъ, т. е. казались угрюмыми и недовольными, какъ люди, которые еще пока не успѣли сдѣлать ничего дурного, а непремѣнно сдѣлаютъ. И самая фабрика казалась другой, а густой дымъ валилъ изъ печей и трубъ ужъ совсѣмъ какъ-то глупо.

Подъ домной тоже было какъ-то не такъ, какъ обыкновенно, а рабочіе смотрѣли на него, какъ на чужого человѣка, и точно удивлялись, зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Въ сущности, подъ домной сейчасъ рѣшительно нечего дѣлать, вплоть до 12 часовъ ночи, когда дѣлался второй выпускъ чугуна. Павелъ Егорычъ заглянулъ въ другіе корпуса, поговорилъ съ плотин-

Digitized by Google

нымъ, съ уставщикомъ, съ дозорными и кончилъ тѣмъ, что отправился въ заводскую больничку, гдѣ въ комнатѣ Ѳедора Максимовича привѣтливо свѣтился огонекъ. Короткій зимній день уже кончился.

— А, это вы, Павелъ Егорычъ!—обрадовался старичекъ фельдшеръ, суетившійся около стола, на которомъ весело кипѣлъ только что поданный самоваръ.—Вотъ и отлично... А у меня есть малиновое вареньице... хе—хе!

— Благодарю... Ну, а что Спиридонычъ?

— А ничего... Сдѣлалъ ему перевязку и уложилъ въ постель. Опаснаго ничего нѣтъ...

— А водкой отъ него не пахнетъ?

— Нѣтъ, не замѣтно, чтобы водкой отдавало... Спитъ онъ сейчасъ съ перепугу. Неосторожность... Можетъ быть, желаете взглянуть?

— Нѣтъ, не желаю...

— Очень, оченъ радъ, что вы заглянули къ старику,—не унимался Ѳедоръ Максимовичъ.—Вотъ чайку попьемъ, покалякаемъ—время то и пройдетъ, а тамъ и спать пора. Ха хе...

Прихлебывая горячій чай, Ѳедоръ Максимычъ что-то такое разсказывалъ, добродушно улыбался и не замѣчалъ, что гость его совсѣмъ не слушаетъ. Дѣйствительно, Павелъ Егорычъ думалъ совсѣмъ о другомъ и, вынимая поминутно часы, соображалъ, гдѣ теперь ѣдетъ человѣкъ Сергѣй! Навѣрно, онъ теперь уже проѣхалъ половину дороги... Странная вещь; съ одной стороны, Павлу Егоровичу казалось, что время тя-

Digitized by Google

нется ужасно медленно, а съ другой, что оно летитъ стрѣлой! Если бросить все, взять пару хорошихъ лошадей—черезъ три часа онъ былъ бы уже тамъ, гдѣ сейчасъ билось его сердце.

— Теперь Сергѣй уже подъѣзжаетъ къ Тукайскому заводу,—проговорилъ онъ наконецъ.—Какъ вы думаете, Ѳедоръ Максимовичъ?

— Навѣрно, подъѣзжаетъ... Лошадь хорошая, дорага—тоже. Да, подъѣзжаетъ...

Павла Егорыча немного покоробило, что Ѳедоръ Максимовичъ такъ равнодушно соглашается съ нимъ, совсѣмъ равнодушно. А онъ еще считалъ его такимъ добрымъ и хорошимъ старикомъ...

— А если нападутъ волки? — замѣтилъ Павелъ Егорычъ.

— Помилуйте, Павелъ Егорычъ, нашъ лѣсной волкъ даже совсѣмъ не страшенъ, потому какъ у него пищи достаточно: и зайца слопаетъ, и глухаря, и рябчика. Вотъ ежели въ открытомъ полѣ, гдѣ ему ѣсть нечего—ну, тамъ другая статья.

Было ясно, какъ день, что старикъ поглупѣлъ отъ старости, какъ и мистеръ Грей. Павелъ Егорычъ только тутъ припомнилъ о любезномъ приглашеніи обѣдать и отправилъ извинительную записку, что не могъ быть.

Было уже совсѣмъ темно. Въ эти часы фабрика была всегда какъ-то особенно красива, красива бодрымъ трудовымъ весельемъ. Кругомъ тьма, холодъ, а здѣсь весело вырываются снопы искръ, весело свѣ-

Digitized by Google

тятся горны, пламя доменныхъ печей поднимается какими-то всполохами, и далеко—далеко несется тяжелая работа машинъ, лязгъ желѣза, окрики рабочихъ и шумъ невидимой воды, которая приводила въ движеніе сотни колесъ и валовъ.

Онъ еще разъ обошелъ свой доменный корпусъ и прислушался къ бурной работѣ фурмъ. Все было хорошо. Онъ поднялся на верхъ доменной печи, гдѣ производилась засыпка угля, обожженной и мелко раздробленной руды. На домну Павелъ Егорычъ всегда поднимался съ нѣкоторой гордостью, потому что, вѣдь, это была его первая работа.

Верхъ доменной печи представлялъ собой желѣзную квадратную коробку съ узенькими окошечками. Сейчасъ съ этой высоты открывалась картина на всю фабрику съ ея тысячью огней. Въ ней чувствовалось что-то такое доброе и хорошее, такъ что Павелъ Егорычъ на время даже забылъ о своей сегодняшней неудачѣ, потому что былъ у себя дома, т. е. у своего дорогого дѣла. Какъ это ни странно, но онъ любилъ вотъ эту самую доменную печь, выстроенную по послѣднему слову науки.

Доменные рабочіе встрѣчали Павла Егорыча какъ своего хозяина, что до извѣстной степени льстило его самолюбію. Мистера Грея не долюбливали, потому что онъ всегда молчалъ и всегда имѣлъ какой-то недовольный видъ.

— Павлу Егорычу... здоровались рабочіе.

Digitized by Google

— Здравствуйте... Ну, что, какъ дѣла?

— А ничего, славу Богу...

— Не скучно вамъ? Завтра праздникъ...

— То завтра, Павелъ Егорычъ, а сегодня у насъ до вечерней звѣзды не пьютъ и не ѣдятъ...

Павлу Егорычу сдѣлалось немного совѣстно, что онъ забылъ объ этомъ народномъ обычаѣ... Въ раннемъ дѣтствѣ и онъ не ѣлъ до звѣзды, потому что не желалъ огорчать бабушку.

— Сергѣй уже теперь въ Тукайскомъ заводѣ,—думалъ Павелъ Егорычъ, усаживаясь на деревянную скамейку около самаго жерла доменной печи, гдѣ было и тепло и свѣтло?

Отъ работы фурмъ слышался подавленный шумъ, точно кто-то раздувалъ огонь въ доменной печи. На поверхности горѣвшей массы угля, подернутой синеватымъ пламенемъ, время отъ времени вырывались красивые огненные языки и улетали вверхъ, гдѣ крыша кончалась сквознымъ желѣзнымъ фонаремъ. Чувствовалось что-то живое и въ работѣ этой печи, точно дышала могучая грудь.

Сидя у огня, Павелъ Егорычъ припомнилъ то недалекое время, когда на мѣстѣ настоящей фабрики была дикая пустыня. Да, это была настоящая сѣверная глушь, гдѣ не было даже селеній. Но нашелся человѣкъ, который разыскалъ здѣсь богатую желѣзную руду, продавалъ это мѣсторожденіе цѣлыхъ тридцать лѣтъ и, вѣроятно, умеръ бы въ нищетѣ, еслибы

Digitized by Google

не нашлась иностранная компанія, которая пріобрѣла эту далекую глушь и выстроила цѣлый рядъ желѣзныхъ заводовъ. Мѣсто было глухое, далекое отъ всякихъ бойкихъ центровъ, но умъ и энергія человѣка оживляютъ пустыни. Павелъ Егорычъ гордился тѣмъ, что явился сюда однимъ изъ первыхъ. Положимъ, что этими богатствами завладѣли иностранцы, но не все ли равно, кто оживитъ мертвый край. Сейчасъ на новыхъ заводахъ работала тысяча рабочихъ, дѣло развивалось, и впереди предвидѣлось блестящее будущее.

У Павла Егорыча вдругъ сдѣлалось отрадно на душѣ. Да, онъ, какъ солдатъ, стоялъ на посту, а когда его не будетъ—другой займетъ его мѣсто.

IV.

Время не шло, а ползло. Чѣмъ чаще Павелъ Егорычъ смотрѣлъ на часы, тѣмъ оно медленнѣе двигалось, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ началъ приходить въ молчаливое отчаяніе. Истекли всѣ сроки, которые онъ расчитывалъ по минутамъ. Было очевидно, что человѣкъ Сергѣй сошелъ съ ума, лошади передохли, знаменитый заводскій кучеръ Волкъ мертвецки пьянъ и т. д. Самое лучшее—не думать обо всемъ этомъ, а думать о выпускѣ чугуна изъ домны. Это послѣднее оказалось самымъ лучшимъ средствомъ, чтобы сократить ненавистное время.

— Это, вотъ оно что...—вслухъ проговорилъ Павелъ

Digitized by Google

Егорычъ, когда часы показали половину двѣнадцатаго.—Такъ-то будетъ лучше...

Пора было итти подъ домну. Передъ каждымъ выпускомъ чугуна дѣлалась проба. Если получался темный, зернистый въ изломѣ чугунъ—хорошо, потому что это легко-плавкій и мягкій сортъ, а если получался „бѣлый“, т. е. блестящій, съ раковистымъ изломомъ—плохо. На этотъ разъ получился первый сортъ, и Павелъ Егорычъ облегченно вздохнулъ. И рабочіе были тоже довольны, точно это зависѣло отъ нихъ.

— Въ лучшемъ видѣ, Павелъ Егорычъ, оборудуемъ... Даже вотъ какъ стараемся.

Это было, конечно, хвастовство, но Павелъ Егорычъ и самъ былъ радъ, что все идетъ удачно.

Когда до выпуска оставалось всего нѣсколько минутъ, подъ домной появился камердинеръ Грея.

— Васъ баринъ требуетъ къ себѣ,—объявилъ онъ довольно грубо Павлу Егорычу.—Баринъ велѣлъ, чтобы вы сейчасъ шли къ нему...

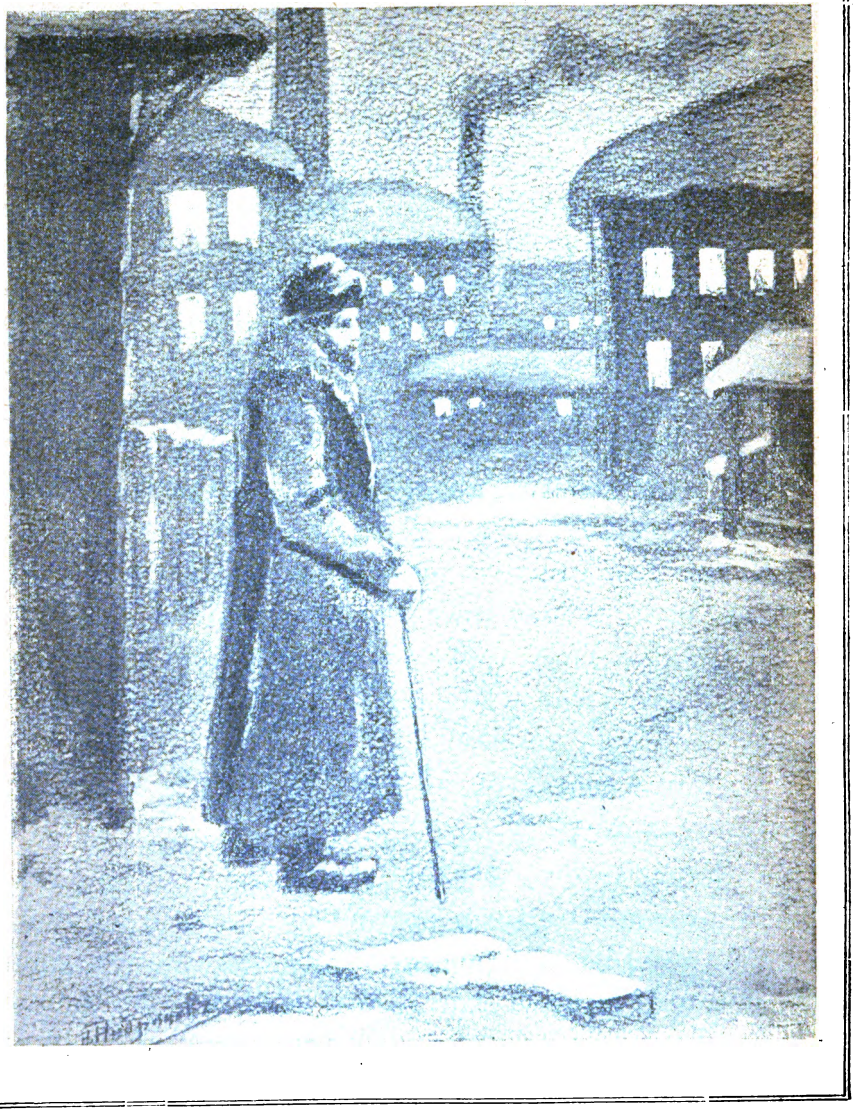
— Скажи своему барину, что сейчасъ я занятъ, а приду послѣ выпуска...

— Баринъ очень велѣлъ!

— Хорошо, хорошо, ступай!

Павлу Егорычу пришлось провести подъ домной больше получаса, и онъ даже забылъ о человѣкѣ Сергѣѣ, который провалился сквозь землю. Всѣ сроки для его возвращенія уже истекли...

Digitized by Google



Digitized by Google

Покончивъ съ выпускомъ чугуна и еще разъ осмотрѣвъ домну, Павелъ Егорычъ, не торопясь, зашагалъ къ квартирѣ главнаго управляющаго, которая еще издали блестѣла своими освѣщенными окнами.

Когда Павелъ Егорычъ снималъ въ передней свою доху, кто-то обнялъ его сзади, и чьи-то маленькія, теплыя руки закрыли его глаза:

— Угадайте, кто...

— Женя, неужели это ты?!. Да какъ ты сюда попала?

— Да, вѣдь, ты-же самъ послалъ за мной лошадей?

— Я?.. Я послалъ только письмо...

— Ахъ, да... Но я получила еще другое письмо, отъ мистрисъ Грей, которая просила меня непремѣнно пріѣхать...

Павелъ Егорычъ не вѣрилъ собственнымъ глазамъ. Нѣтъ, это была Женя, его невѣста...

— И тебѣ не страшно было ѣхать?

— Да, вѣдь, я ѣхала къ тебѣ, милый! Мы теперь вмѣстѣ встрѣтимъ праздникъ, а то я проплакала-бы цѣлую ночь.

Молодые люди были счастливы, какъ никогда. Оба говорили заразъ, не слушали другъ друга и чему-то смѣялись безъ всякой причины.

— Мама тебѣ кланяется...

— А какая хитрая эта мистрисъ Грей!?.

— У насъ была уже приготовлена елка, и только ждали тебя...

Digitized by Google

— Мнѣ и въ голову не пришло, чтобы пригласить тебя...

— А папа разсердился, когда вмѣсто тебя пріѣхалъ твой Сергѣй... Онъ не хотѣлъ даже читать твоего письма, а только хлопнулъ дверью и заперся въ своемъ кабинетѣ. Онъ всегда такъ дѣлаетъ, когда сердится...

— А какая добрая эта мистрисъ Грей...

Молодые люди совершенно забыли, что они стоятъ въ передней, и что добрая мистрисъ Грей ждетъ ихъ въ гостиной.

— А твой Сергѣй очень хорошій человѣкъ,—сообщала Евгенія Петровна послѣднюю новостъ. — Онъ тоже добрый... И лошади хорошія...

— И тоже добрыя... проговорилъ за спиной Евгеньи Петровны мистеръ Гей, которому надоѣло ждать своихъ „молодыхъ друзей?“—О, yes...

Мистрисъ Грей ждала сначала въ гостиной, а потомъ ушла въ столовую, гдѣ уже все было приготовлено къ ужину. Когда пришли молодые люди, она взяла Евгенію Петровну, подвела къ окну, изъ котораго отлично была видна вся фабрика, освѣщенная огнемъ доменныхъ печей, и проговорила:

— Милая моя дѣвушка, вотъ твои рождественскіе огни... Въ нихъ заложено много труда, а гдѣ трудъ— только тамъ счастье. Будьте счастливы, дѣти мои... именно такимъ трудовымъ счастьемъ.

Digitized by Google

На „Теплой“ горѣ.

I.

аринъ, а, баринъ? Гора-то и въ самомъ дѣлѣ выходитъ теплая...—съ усмѣшкой проговорилъ Спиря, вытирая вспотѣвшее лицо рукавомъ пестрядиной рубахи.

— А долго еще подниматься?—спросилъ я, начиная чувствовать самую предательскую усталость.

— А еще немного подымемся, пройдемъ осинникомъ, обогнемъ Отвальный камень, тутъ тебѣ и окончаніе.

Спиря уже цѣлый часъ утѣшалъ меня этимъ окончаніемъ, а „Теплой“ горѣ, казалось, не было предѣла,—мы поднимались узкой горной тропой уже болѣе часа, что, въ переводѣ на разстояніе, означало верстъ пять. Тропа шла не прямо въ гору, а вилась по обочью, гдѣ можно было бы проѣхать и верхомъ. Ноги у меня въ буквальномъ смыслѣ слова подкашивались, точно были налиты свинцомъ, въ ушахъ начинало шумѣть, глаза

Digitized by Google

отъ прилива крови застилало, точно паутиной. Слѣдовало бы сдѣлать въ срединѣ горы небольшую передышку; но этому, съ одной стороны, мѣшала гордость, а съ другой—только охотники знаютъ, что необходимо идти до конца, и что остановка только усиливаетъ усталость. Оставалось—продолжать подъемъ...

Мой пріятель по охотѣ, Спиря, увѣрялъ меня клятвенно, что на „Теплой“ горѣ всякой дичи „неочерпаемое множество“. Стояла вторая половина іюля, когда выводки уже подровнялись, и, по словамъ Спири, копалята были съ курицу. На Уралѣ глухарку называютъ копалухой, а глухарятъ—копалятами, какъ тетерева-березовика называютъ косачемъ. Мнѣ почему-то

Digitized by Google

казалось, что и мой Спиря походилъ именно на такого косача, особенно, когда къ чему-нибудь прислушивался, вытянувъ тонкую, жилистую шею. У него и лицо было какое-то птичье: сплющенное въ вискахъ, съ длиннымъ носомъ, почти безъ подбородка, съ удивленно приподнятыми густыми бровями и какими-то особенными, точно у птицы, не мигающими глазами. Онъ и смотрѣлъ по-птичьи, безащитно и вопросительно, съ затаенной недовѣрчивостью. Костюмъ Спири состоялъ изъ пестрядиной синей рубахи, такихъ же штановъ и рваной куртки. За плечами у него болталась берестяная пайва, т.-е. сдѣланный изъ бересты коробокъ, который называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплечникомъ. Тульское ружьишко представляло для меня загадку. Это была старая кремневка, стрѣлять изъ которой могъ только Спиря: кремневка то правила, то лѣвила, то низила, то вершила—однимъ словомъ, попасть изъ нея въ какую-нибудь дичь являлось своего рода подвигомъ. Между тѣмъ Спиря ухищрялся попадать, если не происходилъ „запалъ“, т.-е. когда Спиря спускалъ курокъ, то получалась вспышка пороха на полкѣ замка, а затѣмъ ружье шипѣло нѣкоторое время, и только потомъ происходилъ выстрѣлъ. На видъ вихлястый и сгорбленный, съ разбитой походкой, какъ у опоенной лошади, Спиря отличался изумительной выносливостью, чѣмъ не мало огорчалъ меня. И сейчасъ онъ шагалъ, шмыгая громадными сапогами, какъ ни въ чемъ не бывало, а я едва дышалъ.

Digitized by Google

— Только-бы намъ выйти на Евстигнеевъ покосъ, а тамъ шабашъ,—бормоталъ Спиря, шагая впереди меня.—Тамъ этой самой дичины—пропасть... Хоть ее руками бери, потому какъ она, первое дѣло, не пуганая, а второе дѣло, на ягодникѣ наѣстся, ей и летѣть-то отъ тебя лѣнь. Такъ, для прилику, помашетъ крыльями, только и всего.

Мы вышли съ Ключевскаго завода въ три часа утра. До „Теплой“ горы считалось двѣнадцать верстъ, но, какъ мнѣ сейчасъ казалось, и верстъ было больше, и самыя версты длиннѣе. Однимъ словомъ, по поговоркѣ, баба мѣрила клюкой да махнула рукой. По тому же счету подъемъ на „Теплую“ гору равнялся пяти верстамъ. Сейчасъ было уже около семи часовъ утра, и лѣтнее солнце начинало припекать. Мнѣ дѣлалось обидно, что, благодаря усталости, я не могъ въ достаточной степени наслаждаться красотами окружавшей меня природы. А было чѣмъ полюбоваться... Подошва горы была покрыта глухимъ, дремучимъ ельникомъ, какой можно встрѣтить только въ глуши Уральскихъ горъ. Но чѣмъ выше мы поднимались, лѣсъ точно раздвигался, давая намъ дорогу. Появились сосны, березы, рябины, черемухи, осины. Такой смѣшанный лѣсъ имѣетъ свою особенную прелесть, благодаря тому, что свѣжая лѣтняя листва красиво вытѣняетъ траурные тоны вѣковой хвои. А еще лучше были горные „елани“; еланями на Уралѣ называютъ горныя поляны. Это—татарское названіе, какъ по-

Digitized by Google

татарски же лѣсъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Урала называютъ „урманомъ“. На такихъ горныхъ еланяхъ трава въ ростъ человѣка. Весной здѣсь цвѣтутъ огненными цвѣтами піоны (по-уральски Марьинъ корень), а лѣтомъ красавицы-лиліи розоваго цвѣта съ коричневыми крапинками, по мѣстному „саранки“. Удивительно красивы такъ-называемыя медвѣжьи дудки, достигающія саженнаго роста. Это—зонточное растеніе, съ красивыми, бѣлыми шапками своихъ цвѣтовъ-корзинокъ. Изъ живой зеленой волны горныхъ травъ по опушкамъ вырывались розовыя стрѣлки Иванъ-чая, распускавшія при первомъ вѣткѣ шелковый бѣлый пухъ своихъ сѣмянъ.

Да, все было чудно хорошо, а всего болѣе мнѣ нравился старый осинникъ, забравшійся въ гору цѣлой семьей. Изъ зеленой травы сѣровато-фіолетовыми колоннами поднимались стволы деревьевъ, а вверху трепетавшимъ покровомъ раскинулась сѣро-зеленая листва, точно въ воздухѣ бились крылышками милліоны бабочекъ-листьевъ. Въ такомъ осиновомъ лѣсу всегда стоитъ какой-то таинственный шопотъ, а воздухъ напоенъ горьковатымъ ароматомъ. Красивѣе такого осинника въ яркій солнечный день ничего не можетъ быть.

— А вотъ и Отвальный камень, — проговорилъ Спиря, когда черезъ сѣтку деревьевъ въ сторонѣ нашей тропы показалась громадная скала сѣраго цвѣта. — Въ немъ есть пещера, гдѣ прежде жили разбойники.

Digitized by Google

— А теперь?

— А сейчасъ и разбойниковъ нѣтъ. Въ жары сказываютъ, медвѣди любятъ въ нее залѣзать, потому какъ прохладно...

Отвальный камень стоялъ, какъ сторожъ, караулившій самую вершину горы, которая скоро и показалась изъ-за рѣдкаго и низкаго лѣска, какой растетъ на горныхъ верхахъ и прикрутостяхъ.

— Эвонъ и шиханъ, показалъ Спиря влѣво, гдѣ обрисовалась группа островерхихъ и угловатыхъ скалъ.—А направо, вонъ, гдѣ кедрикъ, тутъ тебѣ и покосъ Евстигнея.

Шиханомъ на Уралѣ называется самый верхъ горы, если онъ состоитъ изъ скалъ.

Странно, что, когда подъемъ кончился, я не почувствовалъ особенной усталости. На этой высотѣ и „воздухъ былъ легкій“, какъ объяснялъ Спиря, и подкрѣпляло сознаніе, что главная трудность миновала.

II.

Въ средней и южной Россіи не имѣютъ даже приблизительнаго понятія о тѣхъ ягодныхъ богатствахъ, какими изобилуетъ русскій сѣверъ. Получается прямо сказочная картина, когда на свѣжихъ порубяхъ живымъ, яркимъ ковромъ раскидываются земляничные ягодники и малинники, а на вершинахъ горъ — ягод-

Digitized by Google

ники черники и брусники. Именно, по такому ягоднику мы и шагали съ Спирей къ кедрику, за которымъ спрятался въ лиственичной заросли покосный балаганъ Евстигнея.

— И ягоды нынче уродилось страсть! — говорилъ Спиря, напрасно стараясь шагать такъ, чтобы не давить ягоду.—Коверъ ковромъ... Наши бабы рукамито ягоду не берутъ, а совкомъ черпаютъ. Такъ, въ родѣ гребенки сдѣланъ, она имъ махнетъ по кусту и прямо ягоду ссыпаетъ въ кузовъ, а дома ужъ разберутъ по ягодкѣ. Доски наложутъ катушкой, а по нимъ ягоду и сыплютъ. Ну, соръ разный да листья и останутся на доскахъ, а настоящая ягода скатится внизъ. Другая баба въ день-то очень просто ведра три черники наберетъ. А брусники и побольше того, потому какъ она твердая и легко забирается совкомъ. Ну, сейчасъ-то только черника поспѣла, а бруснику надо еще обождать. Каждая ягода вотъ какъ свое время знаетъ. Теперь взять опять и мѣсто: лѣсная малина крупная, а вкусу въ ней настоящаго нѣтъ, какъ въ горной, которая по розсыпямъ растетъ.

Намъ пришлось оставить шиханъ въ сторонѣ и спуститься направо, къ кедрику. Сейчасъ за ягодниками, занимавшими солнечные угрѣвы и припеки, начиналась полоса чудныхъ горныхъ покосовъ, гдѣ густая, сочная трава была по-поясъ. Въ одномъ мѣстѣ виднѣлись издали мѣрно двигавшіеся шеренгой косари, оставлявшіе за собой ровныя грядки скошен-

Digitized by Google

ной травы, отливавшей на солнцѣ шелковымъ блескомъ. Это и былъ покосъ Евстигнея.

— Вонъ и самъ старикъ въ головѣ идетъ, — объяснялъ Спиря, показывая на передняго косаря. — Ловко поворачиваетъ...

Между прочимъ, почему-то считается, что идти въ „головкѣ", т.-е. первымъ, труднѣе, чѣмъ послѣднимъ за нимъ. Это примѣняется даже въ простой ходьбѣ; а особенно въ обозной ѣздѣ, когда впередъ пускаютъ самую сильную лошадь.

Евстигней, лысый, бородастый и сутулый мужикъ лѣтъ за пятьдесять, не обратилъ на наше появленіе ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ свою работу, мѣрно, съ красивой натугой размахивая косой.

— Богъ на помочь! — здоровался Спиря, любуясь дружной работой.

Работала одна семья. Евстигней вывелъ на покосъ трехъ сыновей и двухъ снохъ. Женщины не отставали въ работѣ отъ своихъ мужей, хотя косы у нихъ и были поменьше. Надъ бабьей работой хотя и подшучиваютъ, но уральскія бабы, особенно съ горныхъ заводовъ, почти не уступаютъ въ ловкости и выносливости мужикамъ, какъ было и въ данномъ случаѣ.

— Э-э, да и главнокомандующій здѣсь! — обрадовался Спиря, поворачиваясь къ концу шеренги. — Здравствуй, Якуня...

По первому впечатлѣнію я принялъ Якуню за бабу, потому что онъ былъ въ длинной синей рубахѣ ниже

Digitized by Google

колѣнъ, а голову повязалъ по-бабьи платкомъ. Сходство усиливалось еще тѣмъ, что у Якуни не было ни бороды, ни усовъ. Онъ при каждомъ взмахѣ косы покряхтывалъ, но не отставалъ отъ другихъ. На привѣтствіе Спири онъ тоже ничего не отвѣчалъ, какъ и Евстигней, не желая насъ замѣчать. Такое отношеніе, повидимому, сконфузило Спирю, и онъ, молча повернувшись, зашагалъ къ кедрику, подъ которымъ былъ устроенъ покосный балаганъ. Я покорно послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, ихъ...—ворчалъ Спиря, досадливо подергивая плечомъ.—Точно у всѣхъ языки присохли...

Балаганъ Евстигнея походилъ на всѣ другіе покосные балаганы.—Это была врытая въ землю низкая изба, которую издали даже трудно было замѣтить. Вмѣсто крыши потолокъ былъ засыпанъ землею и обложенъ дерномъ. Окно замѣняла входная дверь, вмѣсто печки былъ устренъ изъ камня-дикаря небольшой очагъ, а вмѣсто трубы въ потолкѣ была продѣлана дыра, куда и выходилъ дымъ. Больше половины балагана было занято деревянными полатями, гдѣ всѣ и спали вповалку.

— Ну, вотъ мы и дома,—объяснялъ Спиря, отмахиваясь ружьемъ отъ бросившейся на насъ собаки, добросовѣстно сторожившей балаганъ.—Цицъ, проклятая!.. Вотъ я тебя... изничтожу.

Въ балаганѣ и около него разложенъ былъ разный хозяйственный скарбъ, какой было можно привез-

Digitized by Google

ти на лошади верхомъ. Надъ потухшимъ костромъ висѣлъ почернѣвшій отъ дыма желѣзный котелокъ. Гдѣ-то слышались методичные звуки мѣднаго ботала-колокола, какой привязываютъ на шею пущенной на пастбище лошади. Черезъ десять минутъ костеръ уже весело горѣлъ, пуская клубы темнаго, кудряваго дыма прямо въ густо-зеленую, изумрудную хвою гиганта-кедра. Кедръ — красавецъ среди всѣхъ остальныхъ лѣсныхъ уральскихъ хвойныхъ породъ. Онъ достигаетъ громадной высоты и отличается отъ сосны своей мягкой, длинной хвоей и темной корой на стволѣ. Въ среднемъ Уралѣ кедры встрѣчаются отдѣльными экземплярами, а настоящая ихъ родина — сѣверный Уралъ, гдѣ они встрѣчаются сплошными насажденіями. Мѣстечко, занятое балаганомъ Евстигнея, такъ и просилось живьемъ на картину,—ни прибавлять, ни убавлять ничего было не нужно.

Сидя на корточкахъ передъ огонькомъ, Спиря встряхивалъ головой и издавалъ неопредѣленные звуки, напоминавшіе ворчаніе. Я понималъ причину его мрачнаго настроенія и замѣтилъ:

Вотъ бы теперь, Спиря, хорошо было сварить похлебку изъ твоихъ копаляхъ, которыхъ ты обѣщалъ...

Спиря вскочилъ и началъ отплевываться. Я невольно обидѣлъ его до глубины его охотничьей души.

— Мои копалята?—съ азартомъ заговорилъ онъ.— Да сколько угодно, хоть руками ихъ бери... Подъ Отвальнымъ камнемъ каждый разъ штуки по три за-

Digitized by Google

лобую (убью), подъ осинникомъ—тоже да на ягодникахъ...

— Отчего же сегодня мы ни одной птицы не видали?

— Сегодня? Эхъ, баринъ, баринъ... А когда мы выходили съ Ключевскаго, намъ дорогу старушонка перешла,—вотъ и вся штука. Она намъ глаза отвела... Очень просто! А птицы на „Теплой“ горѣ сколько угодно, хоть руками бери... Ужъ я бы эту старушонку живьемъ бы, кажется, растерзалъ. Вѣдь видитъ, что на охоту идемъ, ну, и обожди,—такъ нѣтъ, прямо черезъ дорогу перешла. Тутъ медвѣдя на самый носъ посади, и того не увидишь. Ужъ я это, баринъ, вотъ какъ знаю... Кабы не ты, такъ непремѣнно бы возвратился домой, потому какъ все равно никакого толку не будетъ. Очень даже хорошо все можемъ понимать...

Мнѣ, конечно, было смѣшно слушать это оправданіе Спири, желавшаго свалить нашу неудачную утреннюю охоту на какую-то неизвѣстную старушку, тѣмъ болѣе, что я даже не помнилъ, чтобы какая-нибудь женщина переходила намъ дорогу. Это окончательно взбѣсило Спирю, и онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, набросился уже на меня:

А ты, баринъ, ничего не понимаешь, а еще смѣешься... да! Видѣлъ Якуню-то?

— Видѣлъ что же изъ этого?

А вотъ это самое... Якуня-то почище старушонки

Digitized by Google

будетъ, потому какъ есть настоящій колдунъ. Онъ и кровь заговариваетъ, и глаза отводитъ, и что хочетъ, то и сдѣлаетъ съ человѣкомъ. Однимъ словомъ, колдунъ... Ему больше ста лѣтъ, а онъ изъ бани выскочитъ зимой, да и давай кататься по снѣгу. Онъ всякія такія слова знаетъ...

— Какія слова?

— А вотъ такія, особенныя... Можетъ присушить одного человѣка другому, можетъ тоску такую напустить, что мѣста себѣ не найдешь.

Спиря даже оглянулся и понизилъ голосъ, точно боялся, что колдунъ Якуня можетъ насъ услышать.

III.

Было часовъ одиннадцать. Вмѣсто похлебки изъ копалятъ пришлось довольствоваться однимъ печенымъ въ золѣ картофелемъ и чаемъ.

— А у меня, какъ на грѣхъ, вотъ какъ зубъ на ѣду разыгрался,—жаловался Спиря и на этомъ основаніи еще разъ обругалъ старуху, которая перешла дорогу.

У Спири былъ маленькій расчетъ на то, что Евстигней съ семьей будетъ въ одиннадцать часовъ обѣдать, и ему перепадетъ чего-нибудь горяченькаго, но и эта сладкая надежда не сбылась.—Евстигней на скорую руку въ сухомятку пообѣдалъ на мѣстѣ работы, и тутъ же всѣ полегли отдохнуть.

Digitized by Google

— Этакой жадный на работу мужикъ! — сердился Спиря, почесывая въ затылкѣ. — Всю семью заморитъ на работѣ безъ варева...

— Съ каждой минутой дѣлалось жарче. Раскаленный зноемъ воздухъ струился. Все какъ-то стихло помертвому. Даже не слышно было лошадиныхъ боталъ, а Евстигнеева собака, напрасно дожидавшаяся отъ насъ какой-нибудь подачки, завалилась спать въ тѣни балагана, высунувъ языкъ. Намъ оставалось только послѣдовать ея примѣру.

— Ужо, вотъ жаръ свалитъ, тогда мы...— бормоталъ Спиря, укладываясь на нарахъ въ балаганѣ.— Ужъ эта мнѣ старушонка: кажется, взялъ-бы да и перекусилъ ее пополамъ.

Въ прохладномъ балаганѣ спать было отлично, и мнѣ казалось, что Евстигней изъ-за насъ остался на покосѣ. Съ этой мыслью я и заснулъ, а когда проснулся, было уже часа два,—самый разгаръ лѣтней жары. Даже въ балаганѣ дѣлалось душно. Я вышелъ, сходилъ умыться въ студеномъ ключикѣ, сочившемся изъ-подъ корней столѣтняго кедра и, захвативъ, на всякій случай, свою двустволку, отправился къ шихану, чтобы полюбоваться картиной горъ при полномъ солнечномъ освѣщеніи. Я нарочно обошелъ стороной работавшую на покосѣ семью Евстигнея и замѣтилъ Якуню, который работалъ попрежнему вмѣстѣ съ бабами. Можно было только подивиться изумительной выносливости этого столѣтняго колдуна...

Digitized by Google

До вершины „Теплой“ горы казалось, какъ говорится, рукой подать, но это былъ оптическій обманъ, благодаря изумительной чистотѣ горнаго воздуха. Пришлось идти довольно долго по ягодникамъ, какъ показались первыя розсыпи.. Розсыпью на Уралѣ называютъ гряды камней, которыя спускаются отъ шихановъ, какъ результатъ ихъ разрушенія. Издали такая розсыпь походитъ на мостовую, а вблизи отдѣльные камни такой мостовой принимаютъ солидные размѣры, такъ что приходится перескакивать съ одного на другой, какъ акробату. Удобно только то, что эти камни покрыты разноцвѣтными лишайниками, и нога не скользитъ. По бокамъ такія розсыпи окаймлены живымъ кружевомъ изъ кустовъ малины, жимолости, шиповника, горнаго шалфея и Иванъ-чая. Изрѣдка между камнями выбиваются зеленыя прорѣзныя стрѣлки горной низкорослой ели, еще рѣже можно встрѣтить небольшой кедрикъ. Большому дереву трудно укрѣпиться между камнями, а еще труднѣе найти пищу и необходимую влагу. Малина, которая встрѣчается на розсыпяхъ, считается самой лучшей. Она меньше лѣсной и отличается отъ нея своимъ блѣдно-розовымъ цвѣтомъ. Вкусъ имѣетъ необыкновенно нѣжный и ароматный. Я полакомился висѣвшими гроздьями этой горной малины,—она, именно, висѣла цѣлыми кистями, и съ одного куста можно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрать чуть не ведро. Кстати, медвѣдь, какъ извѣстно, большой лакомка, и его частенько встрѣ-

Digitized by Google

чаютъ ягодницы именно на розсыпяхъ, гдѣ онъ сосетъ малину. Видимо, и онъ предпочитаетъ горную малину лѣсной.

Шиханъ на „Теплой“ горѣ не отличался особенной высотой, подъемъ на него былъ не изъ трудныхъ, и я скоро уже сидѣлъ на вершинѣ сѣрой, облѣпленной бѣлымъ мохомъ и узорчатыми лишайниками, скалы, съ которой открывался чудный видъ верстъ на двадцать кругомъ. Мнѣ приходилось десятки разъ подниматься на такіе шиханы, и каждый разъ мной овладѣвало какое-то особенное настроеніе, какое переживаешь только на такой высотѣ. Горы уходили изъ глазъ зелеными валами, какъ гигантское море. Кое-гдѣ на этомъ необъятномъ просторѣ выдѣлялись, точно заплаты, заводскіе дроворубные курени—старый Талый, новый Матюгинъ; по теченію невидимыхъ горныхъ рѣчекъ желтыми пятнами проржавѣли золотые и платиновые пріиски. Нашъ Ключевскій заводъ едва брежжилъ, и его можно было найти только по свѣтлому окну заводскаго пруда. А тамъ дальше, къ сѣверу, горы-валы поднимались все круче и пропадали окончательно въ глубинѣ горизонта, повитые синеватой мглой.

Несмотря на палящій лѣтній зной, на верху горы было не жарко, что зависѣло и отъ разрѣженнаго горнаго воздуха, и отъ какой-то особенной его тяги,— не вѣтеръ, а что-то въ родѣ сквозняка. Я просидѣлъ довольно долго и неохотно спустился къ розсыпи.

Digitized by Google

Надо было идти къ балагану, гдѣ ждалъ Спиря. Пробираясь по заросшему боку розсыпи, я неожиданно спугнулъ глухарный выводокъ. Копалята, дѣйствительно, были съ курицу и тяжело вырывались изъ густой травы. Я на-удачу выстрѣлилъ, но безъ результата. Въ отвѣтъ на мой выстрѣлъ сзади меня раздался отчаянный женскій крикъ:

— Ой, батюшки, убилъ!!! Ой, ой!..

Я совершенно опѣшилъ, потому что стрѣлялъ въ противоположную сторону. Когда я подошелъ на крикъ, моимъ глазамъ представилась такая картина: между камнями розсыпи, схватившись за голову, сидѣла какая-то молодая женщина. На мой окликъ, она было поднялась и сдѣлала попытку бѣжать, бросивъ берестяный кузовокъ съ малиной. Мнѣ съ трудомъ удалось ее успокоить.

— Что ты, матушка? я и стрѣлялъ-то совсѣмъ въ другую сторону...

Она продолжала смотрѣть на меня испуганными глазами, очевидно, плохо понимая мои объясненія. Это была худенькая женщина съ блѣднымъ, больнымъ лицомъ. Одѣта она была по-заводски въ сборчатый сарафанъ.

— Вотъ какъ ужахнулась я... — заговорила она, наконецъ, съ трудомъ переводя дыханіе.—Какъ—ты пальнулъ, у меня чуть душенька не выскочила.

На всякій случай она осмотрѣла себя, очевидно, отыскивая слѣды раны. Я сунулъ ей какую-то мелочь

Digitized by Google

за испугъ и просыпанную малину и отправился къ балагану. Въ общемъ получилась одна изъ неизбѣжныхъ охотничьихъ сценокъ. Когда я разсказывалъ поджидавшему меня у балагана Спирѣ о случившемся, онъ только покрутилъ головой и проговорилъ тономъ, не допускавшимъ возраженія:

— Якунькина работа, баринъ...

— Это какимъ образомъ?—удивился я.—При чемъ тутъ Якуня?

— А вотъ такимъ... Ужъ онъ устроитъ! Ты вотъ думаешь, что баба закричала послѣ того, какъ ты пальнулъ; а она крикнула раньше, подъ руку тебѣ... Да и откуда бабѣ подъ шиханомъ взяться? Якуня же ее и подвелъ... Вѣрно тебѣ говорю.

— Мало-ли ягодницъ ходитъ теперь въ горахъ.

— Ягодницы, по одной не ходятъ, а непремѣнно артелькой, потому какъ, неровенъ часъ, и бродяга подвернется, и медвѣдь. Молодая, говоришь? Вотъ-вотъ, онъ ее и подсунулъ... Ахъ, прокуратъ! То-то даве я здороваюсь съ нимъ, а онъ и не глядитъ на меня...

Все это выходило очень смѣшно, но я даже не пытался разувѣрить суевѣрнаго Спирю, потому что его, вообще, трудно было въ чемъ-нибудь убѣдить.

IV.

Когда свалилъ жаръ, мы отправились на охоту. Спиря все время встряхивалъ головой и какъ-то пугливо оглядывался назадъ, точно колдунъ. Якуня шелъ

Digitized by Google

за нами по пятамъ. Мы долго ходили по лѣснымъ опушкамъ безъ всякихъ результатовъ. Раза два гдѣ-то въ сторонѣ слышался шумъ поднимавшихся выводковъ,—и только.

— Ишь, ты... а? удивлялся Спиря, подмигивая мнѣ,—Якунькина работа...

Мы переходили съ одного покоса на другой, и я только любовался кипучей работѣ. Страдовали здѣсь исключительно заводскіе рабочіе, получавшіе спеціально для этого отпускъ отъ Петрова-дня до Успенья. Работа и не походила на работу, а на какой-то праздникъ. Народъ былъ все здоровый и радъ былъ отдохнуть послѣ фабрики на свѣжемъ воздухѣ. О сравненіи съ крестьянской страдой не могло быть и рѣчи. Съ нѣкоторыхъ покосовъ доносились пѣсни, — тамъ косцы кончали и сушили сѣно. Насъ вездѣ встрѣчали или молчаливымъ презрѣніемъ, или шуточками, какъ шелопаевъ, которые шатаются по горамъ, неизвѣстно зачѣмъ, когда добрые люди работаютъ отъ зари до зари. Мнѣ начинало дѣлаться совѣстно, а Спиря сердился все больше и больше и даже вступалъ въ перебранку. И дичи не было, да еще смѣются въ глаза,— хоть кого зло возьметъ.

— Это все Якунина работа,—подшучивалъ я надъ хмурившимся Спирей.

— Тьфу!—отплевывался Спиря.—Навяжется же человѣкъ... И чѣмъ, подумаешь, мы ему помѣшали? Злющій старичонка...

Digitized by Google

Солнце быстро клонилось къ западу. Изъ лѣсу потянуло сыростью. Кое-гдѣ надъ покосами ужъ крутились столбы дыма. Рабочіе шабашили и садились къ ужину. А у насъ ни одной птицы... Мы такъ и повернули обратно съ пустыми руками. Спиря шелъ въ молчаливомъ отчаяніи, тяжело шмыгая ногами. Мы были уже недалеко отъ балагана Евстигнея, какъ изъ-подъ куста тяжело выпорхнулъ тетеревиный выводокъ... Одинъ изъ копалятъ тяжело перевернулся въ воздухѣ и шлепнулся въ траву.

— Это я ловко его черканулъ,—хвалился Спиря.

— Нѣтъ, это я...

Спиря показалъ мнѣ дымившееся ружье.

— Да вѣдь ты никогда не стрѣляешь въ летъ, Спиря?

— Не стрѣляю, а тутъ на зло Якункѣ пальнулъ... Онъ мнѣ сидячую птицу заговорилъ, ну, я и сдѣлалъ ему наоборотъ. На тебѣ, старый хрѣнъ, коли на это пошло...

Мы, какъ оказалось, выстрѣлили разомъ, и вопросъ о томъ, кто убилъ, такъ и остался открытымъ. Спиря торжествовалъ. Онъ съ намѣреніемъ тащилъ за крыло убитую птицу, чтобы она казалась больше.

— Фунта съ два будетъ, — думалъ онъ вслухъ.— Вотъ какое варево заваримъ... Будемъ ѣсть, а Якунька гляди да облизывайся... Х-ха!..

Солнце уже скрылось за лѣсомъ, когда мы подошли къ балагану. Вся семья была въ сборѣ. Огонь ярко

Digitized by Google

горѣлъ, пуская, благодаря тихой погодѣ, прямо кверху густую струю дыма. Евстигней съ сыновьями, сидя на землѣ, доканчивали котелокъ съ какой-то похлебкой. Бабы варили себѣ кушанье въ другомъ котелкѣ. Я удивился, откуда взялись ребята, которыхъ на покосѣ я днемъ не замѣтилъ.

— Хитрыя эти бабы,—отвѣтилъ на мою тайную мысль Спиря.—Онѣ днемъ-то прячутъ ребятъ по травѣ ла подъ кустами, какъ копалухи, чтобы не мѣшали работать. А гдѣ же Якуня?

Старика не оказалось, что очень огорчило Спирю. Ему особенно хотѣлось похвастыться своей добычей, именно, передъ нимъ. Евстигней отнесся къ намъ довольно насмѣшливо, проговоривъ:

— Не даромъ говорится: рыбки да рябки—потеряй деньги.

— Ну, ужъ это не твоя забота,—огрызнулся Спиря.

— Не велика корысть одну птаху застрѣлить... Однихъ сапогъ сколько за день-то износили.

— Ничего ты не понимаешь, Евстигней,—сказалъ Спиря, огорченный этими замѣчаніями.—У тебя своя повадка, у господъ—своя.

Гораздо внимательнѣе мужиковъ оказались бабы. Онѣ окружили Спирю веселой гурьбой и заговорили всѣ разомъ.

— Спиря, да вѣдь это курица... Вотъ сейчасъ помереть, курица!..

— Въ самый разъ курица, только лѣсная,—согла-

Digitized by Google

сился Спиря.—Можете вы понимать это самое дѣло... Ну, не треплите птицу. Чему обрадовались-то?

Онъ едва отнялъ птицу у весело галдѣвшихъ бабъ. А тутъ еще незамѣтно подошла собака и чуть-чуть не лизнула сочившуюся по перьямъ свѣтлую кровь. Сразу бы испоганила дичину, хоть бросай ее!..

— А гдѣ Якуня?—спросилъ Спиря, отгоняя собаку ногой.

— А по малину (за малиной) пошелъ... Онъ ее варитъ и пьетъ замѣсто чая.

— Не умаялся, видно, за день-то.

— Умаешь его, какъ же... Онъ какъ каменный весь.

Отогнавъ еще разъ приставшую собаку, Спиря ушелъ подальше и, присѣвъ на корточки, принялся готовить добычу. Евстигней оказался теперь разговорчивѣе, чѣмъ днемъ. Мы сидѣли около огонька и „балагурили“ о разныхъ разностяхъ.

— А это Якуня твой родственникъ?—спросилъ я

— Какой тамъ родственникъ... Такъ, седьмая вода на киселѣ. Онъ вѣдь сегодня у насъ работаетъ, а завтра поминай, какъ звали. Съ покоса на покосъ переходитъ, гдѣ ему поглянется. Горохъ сухой любитъ: возьметъ горошину въ ротъ, сосетъ ее цѣлый день,—тѣмъ и сытъ.

Спиря занялъ освободившійся у мужиковъ котелокъ и принялся за стряпню, т.-е. вскипятилъ воду и опустилъ въ нее ощипанную птицу. Бабы дали ему луковку, крупы и нѣсколько картошекъ. Охотничья по-

Digitized by Google

хлебка получилась на славу. Говоря откровенно, меня начиналъ мучить охотничій, волчій аппетитъ. Спиря сидѣлъ передъ костромъ на корточкахъ и усердно подбрасывалъ въ огонь смолье, т.-е. смоляныя щепы отъ стараго пня. Евстигней съ улыбкой наблюдалъ за его работой и приговаривалъ.

— Изъ птицы немудрено похлебку сварить, Спиря, а ты вотъ изъ щепы свари...

— Это ужъ тебѣ Якуня сваритъ... Онъ мастеръ глаза отводить. Какъ разъ и щепу съѣшь у него...

Спиря не видѣлъ, какъ босой Якуня неслышными шагами подошелъ къ огню и сѣлъ противъ него. Кругомъ было темно, и онъ только сейчасъ замѣтилъ колдуна, когда Евстигней захохоталъ.

— Ахъ, ты... Ну, и человѣчина заведется!—ворчалъ Спиря, поднимаясь.—Да ты откуда взялся-то, Якуня?

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось,—какимъ-то дѣтскимъ голосомъ отвѣтилъ Якуня и какъ-то по-дѣтски хихикнулъ, закрывая беззубый ротъ рукой.

— Ты ему поворожи, Якуня,—шутилъ Евстигней,—чтобы онъ котелокъ съ похлебкой въ огонь выворотилъ...

— Ну, ну, ты ужъ тово...—умолялъ Спиря, защищая котелокъ рукой.—Отъ васъ все станется...

Около балагана бабы окружили давешнюю бабу, которую я напугалъ выстрѣломъ. Очевидно, она пришла вмѣстѣ съ Якуней.

— Да ты бы, Марья, чего-нибудь горяченькаго

Digitized by Google

закусила?—уговаривали ее бабы. — Вонъ картошка осталась... кашу можно подогрѣть.

— Ничего мнѣ не надо,—отказывалась Марья.— Не манитъ на ѣду нисколечко.

— Да ты на себя-то погляди: краше въ гробъ кладутъ.

Марья съ больной улыбкой только безнадежно развела руками. Евстигней прикрикнулъ на бабъ, чтобы шли спать. Завтра вставать чуть-свѣтъ, а велика ли короткая лѣтняя ночь! Въ балаганѣ расположились однѣ бабы съ ребятами, а всѣ мужики, въ томъ числѣ и я со Спирей, остались подъ открытымъ небомъ. Послѣднее не доставляло особеннаго удовольствія, потому что въ самое лѣтнее жаркое время горныя ночи отличаются холодомъ. Впрочемъ, Евстигней принесъ мнѣ изъ балагана свой татарскій армякъ.

— Ежели дождь пойдетъ, такъ все-таки не каждая капля мимо будетъ падать,—пошутилъ онъ.

Мы предложили ему нашей похлебки, но Евстигней великодушно отказался, и мы съ жадностью съѣли ее вдвоемъ.

V.

Спиря устроилъ мнѣ постель изъ Иванъ-чая, положилъ вмѣсто подушки конское сѣдло и проговорилъ:

— Ну, теперь въ томъ родѣ, какъ купецъ на перинѣ... Я вотъ еще огоньку прибавлю, баринъ.

Digitized by Google

Я легъ и сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

На разсвѣтѣ, когда небо заволоклось предразсвѣтной отбѣлью, я проснулся отъ холода и тихаго разговора около огня. Нашъ костеръ чуть дымился. Около него на обрубкѣ дерева сидѣлъ Якуня въ своей длинной женской рубахѣ, а передъ нимъ стояла, подперевъ рукой щеку, Марья.

— —Такъ, говоришь, помирать?—спрашивала она спокойно.

— А ты боишься помирать?

— Нѣтъ, а все-таки...

Въ ея голосѣ послышалась дрогнувшая нотка.

— Ахъ, ты глупая, глупая...—покачивая своей лысой головой, походившей на страусовое яйцо, ласково заговорилъ Якуня.—А спать не боялась? Жить надо бояться, потому кругомъ тебя грѣхи-то, какъ лѣсъ дремучій... Во снѣ, въ другой разъ, и то согрѣшишь: такое приснится неподобное!...

Пауза. Якуня подбросилъ въ потухавшій костеръ нѣсколько смолевыхъ щепъ и на время исчезъ въ ѣдкомъ дымѣ.

— Такъ, говоришь, непремѣнно помирать?—повторила Марья свой вопросъ.

— Непремѣнно.

— А скоро?

— Не знаю, Марья... Можетъ, до заморозковъ и дотянешь. Главная причина, что у тебя — сердце, какъ гнилушка. Не дѣйствуетъ...

Digitized by Google

— Моченьки моей не стало... Ничего не могу дѣлать. Другіе работаютъ, а я за что ни взялась—и задохлась... Сердце-то такъ и затрепыхаетъ, точно птица... Это я, надо полагать, подъ Рождество застудилась. Бѣлье полоскала у проруби, ноги промочила... Съ тѣхъ поръ и маюсь.

Марья присѣла къ огоньку, закрыла лицо руками и тихо заплакала.

— Ахъ, глупая...—ворчалъ Якуня.—О чемъ ревешь? Всѣ помремъ... И чего бояться: каждый день помираемъ. Какъ легъ, такъ и померъ... Вѣдь не боишься заснуть? и тутъ сонъ. Ничего не надо, когда человѣкъ спитъ... Ну, помрешь, похоронятъ, и попъ, который будетъ хоронить,—тоже помретъ. Ну о чемъ воешь, глупая?

— Да я не о себѣ... Дѣвчонка махонькая у меня остается. Куда она дѣнется безъ матери?

— А Богъ-то?

Марья вытерла слезы и проговорила уже другимъ тономъ:

— Голубчикъ, Якуня, я, вѣдь, нарочно въ горы пошла, чтобы съ тобой посовѣтоваться... Можетъ, и есть какое средствіе... Полѣчи чѣмъ-нибудь, ради Христа.

— Какъ средствію не быть...

Старикъ взялъ горсть золы, поднесъ ее къ самому лицу Марьи и проговорилъ:

— Вотъ тебѣ и средствіе, Марья...

Digitized by Google

— Зола?

— Она самая... Только не простая зола, а ты возьми осиновую кору, сожги ее да съ водкой и принимай.

— Полегчаетъ, думаешь?

— Можетъ, и полегчаетъ... Какъ Богъ велитъ. Ты съ молитвой золку-то пей...

Этотъ простой докторскій совѣтъ, видимо, совершенно успокоилъ Марью. Розговоръ прекратился, потому что проснулся Евстигней и, взглянувъ на нихъ, быстро вскочилъ:

— Эхъ, чуть, было солнышка не проспалъ!..— весело проговорилъ онъ, почесывая въ затылкѣ.—Эй, вы, лежебоки, вставайте!..

Весь нашъ небольшой лагерь сразу зашевелился, какъ муравейникъ. Спиря долго сидѣлъ на своей зеленой перинѣ и, видимо, никакъ не могъ проснуться.

Поздней осенью я встрѣтилъ Марью на Ключевскомъ заводѣ. Она имѣла совсѣмъ здоровый видъ.

— Что, Марья, поправилась?—спросилъ я.

— А Якуня золкой вылѣчилъ. Какъ рукой все сняло,—весело отвѣтила она.

Digitized by Google

Около ноды.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Погода крѣпчала. По ровной поверхности снѣгового уровня рѣки тонкими струйками пробѣгалъ мелкій снѣгъ, заметавшій узкую проселочную дорогу. Небольшія сани, нагруженныя до-верха кожаными мѣшками „съ почтой“, едва тащились по этому сыпучему снѣгу, точно ѣхали по толченому стеклу. Небольшая мохнатая лошаденка останавливалась уже нѣсколько разъ, фыркала и оглядывалась. Ямщикъ Евстратъ передвигалъ свою мѣховую шапку съ одного уха на другое и ворчалъ:

— Эхъ, не въ хорошій мы часъ выѣхали съ тобой, Лука Иванычъ... Не пришлось бы заночевать въ лѣсу.

— Ничего не подѣлаешь: служба...

Лука Иванычъ, земскій почтальонъ, представлялъ изъ себя что-то въ родѣ ледяной сосульки. Изъ-подъ

Digitized by Google

надвинутой на лицо мѣховой оленьей шапки съ наушниками выглядывали одни глаза, а ниже глазъ кончался воротникъ старой волчьей шубы, присвоенной по штату всѣмъ русскимъ почтальонамъ. Свободнаго мѣста въ саняхъ, занятыхъ почтой, не оставалось, и онъ, какъ акробатъ, приткнулся какъ-то въ уголкѣ, рискуя вылетѣть изъ саней каждую минуту. Волчья шуба давно вылѣзла и плохо грѣла, и Лука Иванычъ, наученный горькимъ опытомъ, старался занять какъ можно меньше мѣста, т.-е. корчился, поджимая подъ себя руки и ноги, чтобы не терять живой теплоты. Онъ на практикѣ выполнялъ законъ физики, который гласитъ, что чѣмъ меньше поверхность нагрѣтаго тѣла, тѣмъ оно меньше выдѣляетъ собственной теплоты.

— Ничего, Евстратъ, какъ-нибудь доѣдемъ,—говорилъ Лука Иванычъ, стараясь не шевелиться,—каждое движеніе вызывало у него острую боль.—До Каменки всего верстъ пять осталось...

Евстратъ ничего не отвѣтилъ, а только передвинулъ шапку съ уха на ухо. Онъ былъ одѣтъ очень плохо и давно началъ коченѣть на морозѣ. Положимъ, для него мерзнуть было дѣломъ привычнымъ; но сегодня морозъ дѣлался нестерпимымъ,—было около сорока градусовъ, когда замерзала ртуть въ термометрѣ, и мерзла птица на лету.

Терпѣніе мохноногой лошадки, тащившей земскую почту, кончилось. Она остановилась и, несмотря на удары хлыста, не желала двигаться дальше.

Digitized by Google

— Ишь, тварь!—обругался Евстратъ.

Онъ, не торопясь, слѣзъ съ облучка, обошелъ кругомъ сани, отопталъ сгрудившійся подъ передкомъ снѣгъ, навалился плечомъ на оглоблю, дернулъ возжами,--лошадка сдѣлала судорожное усиліе, но сани точно замерзли въ снѣгу.

— Ишь, ты, какая штука вышла...—проворчалъ Евстратъ, передвигая шапку..

Онъ обошелъ лошадь, вытеръ рукавицей куржокъ, залѣпившій ей глаза и ноздри, и еще разъ передвинулъ шапку.

— Шабашъ, Лука Иванычъ... Нѣту намъ дальше съ тобой ходу.

Лука Иванычъ разсердился.

— Какъ нѣту ходу! Всего пять верстъ осталось... Не замерзать же на снѣгу?!...

— Зачѣмъ замерзать, Лука Иванычъ... А только лошаденка изъ послѣднихъ силовъ выбилась. Придется въ лѣсу отдохнуть.

Лука Иванычъ обругалъ ямщика. Онъ мечталъ провести ночь въ теплой избѣ, обогрѣться, закусить чего-нибудь горяченькаго, напиться чаю изъ котелка, а тутъ предстояла ночевка въ лѣсу. Другими словами,—приходилось замерзать. Въ головѣ Луки Иваныча промелькнулъ цѣлый рядъ самыхъ обидныхъ мыслей, а прежде всего то, что сегодня рождественскій сочельникъ, когда добрые люди сидятъ у себя по домамъ и ждутъ наступленія великаго дня.

Digitized by Google

— Какой у насъ сегодня день-то?!.—кричалъ онъ на ямщика.—А?.. Ну, какой?...

— Извѣстно какой!.. — спокойно отвѣтилъ Евстратъ.— Сочельникъ... Добрые люди до вечерней звѣзды не ѣдятъ.

Лука Иванычъ съ тоской посмотрѣлъ кругомъ. Дѣло уже шло къ вечеру. Солнца не было видно, по отраженію заката можно было опредѣлить его заходъ. Извилистая горная рѣчка огибала крутой каменный мысъ, за которымъ виднѣлась зубчатая стѣна хвойнаго лѣса. Напротивъ шла по берегу утесистая гряда, покрытая рѣдкимъ лѣскомъ.

— „Гдѣ же тутъ ночевать?“—съ тоской подумалъ Лука Иванычъ, вылѣзая изъ саней.

— А ничего, мы нодью устроимъ, — отвѣтилъ на его тайную мысль Евстратъ.—Въ лучшемъ видѣ переночуемъ... Еще вотъ какое тепло разведемъ. Ты не сумлѣвайся, Лука Иванычъ.,.

Лука Иванычъ молчалъ. Онъ чувствовалъ только одно, что замерзаетъ.

— Нодью устроимъ,—повторялъ Евстратъ, передвигая свою шапку.

II.

Лука Иванычъ больше ничего не говорилъ. Онъ слишкомъ усталъ и продрогъ, чтобы спорить съ ямщикомъ. Пусть его дѣлаетъ, что хочетъ... Евстратъ

Digitized by Google

побрелъ по снѣгу на правый берегъ, гдѣ гребнемъ каменнымъ врѣзался въ рѣку крутой мысъ. Начинало темнѣть. Погода все крѣпчала. По рѣкѣ тянулъ холодный вѣтеръ, какъ по корридору. Откуда-то издали донесся голосъ Евстрата: „А—у!..“ Было уже совсѣмъ темно, когда онъ вернулся.

— Насилу нашелъ,—объяснялъ онъ, едва переводя духъ.—Во какую сухарину *) обыскалъ... Настоящая еловая. На всю ночь хватитъ, и отъ насъ еще останется.

Лука Иванычъ ничего не отвѣчалъ. Евстратъ взялъ лошадь подъ уздцы и повелъ къ берегу, шагая по-колѣно въ снѣгу. Нѣсколько разъ лошадь останавливалась, и Евстратъ помогалъ ей тащить сани.

— Ну! Ну! богова скотинка!.. Не бойся...

У самаго берега лошадь остановилась. Она окончательно обезсилѣла и стояла, понуривъ голову.

— Вѣдь всего-то осталось саженъ пятьдесятъ,—думалъ Евстратъ вслухъ.—Ну, Лука Иванычъ, вылѣзай... Дальше-то уже, видно, на своихъ на двоихъ пойдемъ. Эхъ, грѣхъ-то какой вышелъ... Такъ ты того, Лука Иванычъ, значитъ, выходи...

— А какъ же, напримѣръ, почта?—говорилъ Лука Иванычъ, съ трудомъ вылѣзая изъ саней.

— Не безпокойся, Лука Иванычъ, рукой подать... Вотъ тутъ и есть. Вонъ сухарина-то стоитъ... А твою пошту я на спинѣ переволоку...

*) Сухарина—сухое дерево.

Digitized by Google

Дорожная истома, холодъ и безнадежность, вообще, привели Луку Иваныча въ такое состояніе, что онъ отдался безпрекословно въ полное распоряженіе Евстрата. Все равно, хоть въ медвѣжью берлогу веди... Подъемъ въ гору Лукѣ Иванычу показался вѣчностью, пока Евстратъ не остановился подъ „завѣсистой“ елью.

— Вотъ какое логово устроимъ, — говорилъ онъ, точно попалъ домой.—Изъ пушки насъ не вышебешь...

По какимъ-то никому невѣдомымъ законамъ, снѣгъ никогда не заносилъ корней деревьевъ. Евстратъ усадилъ Луку Иваныча къ самому дереву и въ нѣсколько минутъ развелъ костеръ изъ сухой хвои. Это былъ настоящій лѣсной человѣкъ, никогда не бывавшій въ городѣ, и въ лѣсу онъ былъ, какъ у себя дома. Одинъ видъ огня произвелъ на Луку Иваныча оживляющее впечатлѣніе. Есть тепло, значитъ, можно еще жить...

— Ты тутъ сиди, а я сейчасъ пошту переволоку,— объяснялъ Евстратъ.—Наше дѣло привышное. Въ лѣсу родились, въ лѣсу и помремъ... Мѣстечко-то хорошее, за вѣтромъ,—значитъ, въ теплѣ будемъ.

Обезсилѣвшій вконецъ Лука Иванычъ могъ только удивляться выносливости Евстрата, который по мѣшку перетаскалъ всю почту подъ елку, а потомъ распрегъ и привелъ къ огню лошадь.

— Тоже вотъ, какъ продрогла богова скотинка,— ласково говорилъ Евстратъ, смахивая съ лошади снѣгъ.—Пусть погрѣется малымъ дѣломъ... А я сейчасъ, Лука Иванычъ, сухарину разрублю для нодьи.

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо...

— А ты того, костеръ-то подкармливай, штобы не потухъ.

Скоро въ лѣсу раздались звонкіе удары топора, рубившаго твердое, сухое дерево. Лукѣ Иванычу сдѣлалось даже немного совѣстно, что онъ сидитъ у огня бариномъ, а Евстратъ работаетъ со всего плеча. Потомъ послышался трескъ рухнувшаго на землю дерева. А черезъ полчаса къ костру Евстратъ притащилъ два обрубка сухарины—одинъ аршина четыре длиной, а другой немного короче. Онъ такъ согрѣлся за работой, что отъ него валилъ паръ. Лука Иванычъ еще въ первый разъ видѣлъ, какъ устраиваютъ нодью, а Евстратъ удивлялся, что существуютъ на бѣломъ свѣтѣ такіе люди, которые не знаютъ такой простой вещи.

— Не замерзать же въ лѣсу, Лука Иванычъ... Костеръ-то пыхнулъ,—и нѣтъ его, а нодья погоритъ до самаго утра, и тепло отъ нея, какъ отъ хорошей печи. Прежде-то ясачилъ *) за Печерой, когда помоложе былъ. Ну, изъ дому уходили по первопутку мѣсяца на два... Разный харчъ **) везешь за собой въ нартѣ ***)... Тяжеленько доставалось, особливо, когда со студенаго моря закрутитъ сиверко. Спать-то приходилось все время въ снѣгу, ну, только и спаса-

*) Ясачить—охотиться, отъ слова ясакъ—плата податей мѣхами.

**) Харчъ—съѣстные запасы.

***) Нарта—легкія сани для ѣзды на оленяхъ или на собакахъ.

Digitized by Google

лись, что нодьей. Мать родная она для насъ... И по осенямъ около нодьи ночевали тоже. Ночи въ горахъ студеныя, самъ-то весь промокнешь на дождѣ, а спать приходилось на сырой землѣ... Охъ, всячины напринимался, когда ясачилъ.

Евстратъ потушилъ костеръ и на его мѣстѣ положилъ обрубокъ покороче, укрѣпивъ его по краямъ четырьмя кольями.

— Ну, а теперь ужъ ты мнѣ помоги, Лука Иванычъ, — говорилъ онъ, поднимая за конецъ второй обрубокъ.—Мы его сверху навалимъ...

Отогрѣвшійся Лука Иванычъ съ удовольствіемъ принялся помогать. Когда второй обрубокъ былъ положенъ, Евстратъ объяснилъ:

— Ежели плотно ихъ положить, бревешки, другъ къ другу, такъ не будутъ горѣть... Нужно забить между ними клинушки такъ, чтобы руку можно было просунуть. А въ пазъ-то моху набьемъ да головешку отъ костра сунемъ, да угольковъ подсыплемъ.

Нодья затлѣлась. Евстратъ, припавъ на колѣнѣ, долго раздувалъ огонь.

— Тоже, ей не полагается настоящимъ огнемъ горѣть,—объяснялъ онъ.—Пусть потихоньку тлѣетъ... Ежели положить сосновыя или березовыя бревешки, такъ никакого толку не будетъ: сразу вспыхнутъ и сгорятъ. Тоже и пихта не годится... А вотъ сухая елка самое разлюбезное дѣло. Ну, теперь готова вся музыка. До утра протлѣетъ.

Digitized by Google

Устроивъ нодью, Евстратъ принялся готовить „перину“, т.-е. надралъ изъ-подъ снѣга моху и обсыпалъ его мягкими пихтовыми вѣтками.

Нодья.

— Прямо, на зеленомъ пуху будемъ спать, Лука Иванычъ. Мы изъ снѣгу стѣнки сдѣлаемъ, чтобы не

Digitized by Google

поддувало съ боковъ. Отъ снѣгу тоже тепло идетъ, ежели за вѣтромъ. Мы-то къ этому дѣлу привычные люди...

Лукѣ Иванычу сдѣлалось окончательно совѣстно, когда онъ растянулся на устроенной Евстратомъ перинѣ. Дѣйствительно, было и тепло, и сухо и даже уютно. Отъ нодьи тянуло ровнымъ тепломъ, такъ что даже было жарко лежать. Евстратъ устроилъ себѣ такую же перину по другую сторону нодьи.

— А теперь животную обрядимъ, чтобы не дрогла на морозѣ,—думалъ вслухъ Евстратъ.

Онъ наломалъ мягкихъ пихтовыхъ вѣтокъ, сплелъ изъ нихъ что-то, въ родѣ коврика и накрылъ имъ дрожавшую отъ холода лошадь, а потомъ сходилъ къ оставленнымъ санямъ и принесъ небольшую охапку сѣна.

— Это животной будетъ замѣсто чаю...—шутилъ Евстратъ, устанавливая лошадь такъ, чтобы и на нее тянуло отъ нодьи тепломъ.

Когда было все устроено, Евстратъ присѣлъ около нодьи на корточки, раскурилъ деревянную трубочку и проговорилъ:

Ну, Лука Иванычъ, проздравляю съ новосельемъ... Вотъ только одна ошибочка вышла у насъ съ тобой... да. Закусить бы намъ съ тобой теперь въ самый разъ, а закусить-то и нечего.

— Забылъ взять хлѣба?

Евстратъ повернулъ свое загорѣлое лицо, оброс-

Digitized by Google

шее, точно болотнымъ мохомъ, жиденькой бороденкой песочнаго цвѣта, и отвѣтилъ съ какой-то больной улыбкой:

— А нѣту его, хлѣбушка-то!

— Какъ нѣту?—удивился Лука Иванычъ.

— А такъ: нѣту—и шабашъ. Голодуха у насъ прошла по всему чердынскому краю... Земля студеная, неродимая... Едва-едва сѣнцомъ сколотились для скотинки, да и то въ обрѣзъ. А ужъ сами-то кое-какъ...

— И у меня тоже нѣтъ съ собой ничего,— признался Лука Иванычъ. Эхъ, и жизнь только наша почтовая, настоящая каторжная... Хуже ея и не найти, Евстратъ. Лѣтомъ на солнцѣ жаришься, зимой на холодѣ мерзнешь, осенью дождемъ тебя мочитъ, вѣтромъ продуваетъ... А въ распутицу весной всю душу вымотаетъ по гатямъ да болотамъ. Въ прошломъ году у насъ одинъ почтальонъ такъ-то весной утонулъ на одной переправѣ черезъ рѣку. И рѣчонка-то не велика, а тутъ весной вотъ какъ разыгралась.

Разговорившись о своей почтовой службѣ, Лука Иванычъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Да, добрые люди сидятъ теперь въ теплѣ да ждутъ праздника, а онъ вотъ долженъ корчиться около нодьи. И ничего не подѣлаешь: почта не ждетъ...

— У тебя въ городѣ-то жена есть, Лука Иванычъ?

— Есть жена...

— И дѣтками Господь наградилъ?

Digitized by Google

— Есть и дѣтки... Старшей дѣвчонкѣ ужъ восьмой годъ пошелъ, а Ванькѣ четыре года исполнилось. У нихъ сегодня елка. Жена-то моя швеи жила у господъ и выучилась разнымъ господскимъ порядкамъ. Однимъ словомъ, баловство...

Евстратъ не слыхалъ никогда, какъ устраивается господскимъ дѣтямъ рождественская елка, и Лука Иванычъ объяснилъ ему.

— Такъ, такъ...— соглашался Евстратъ. — Экое житье, подумаешь, вашимъ городскимъ ребятамъ... У нашихъ, вонъ, и хлѣбушка нѣтъ для праздника. Моя старуха испечетъ ковригу хлѣба, такъ и раздѣлить ее не знаетъ какъ. Ну, ребятамъ въ первую голову нарѣжетъ, а глядишь, самой-то ничего и не осталось... Вотъ тебѣ и весь праздникъ.

Выкуривъ свою трубочку, Евстратъ отправился спать по другую сторону нодьи и долго что-то бормоталъ себѣ подъ носъ. Лука Ивановичъ начиналъ сладко дремать. Скверно было только то, что приходилось переворачиваться съ боку на бокъ, когда отъ нодьи слишкомъ ужъ нагрѣвалась одна половина тѣла. Онъ долго смотрѣлъ на усыпанное яркими звѣздами небо и думалъ о томъ, что теперь дѣлается дома. Елка ужъ кончилась, и ребята полегли спать. Жена что-нибудь работаетъ и, навѣрно, думаетъ о немъ. Добрая она, заботливая.

— Лука Иванычъ, ты спишь?

— Нѣтъ, а что?

Digitized by Google

— Да такъ... Лежу я и думаю, какое тебѣ житье-то издалось. Помирать не надо... Ей Богу! И самъ сытъ, и ребятки, и жена... Поди, и шти каждый день?

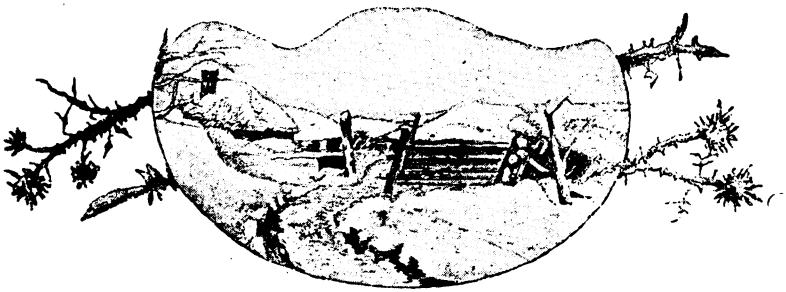
— Да.

— Вотъ, вотъ... Съ говядиной шти-то? Да еще каша, да каша-то съ маслицемъ?.. Хоть бы денекъ такъ-то пожить, Лука Иванычъ. Жалованья-то сколько получаешь?

— Пятнадцать рублей...

— Пятна-адцать? Масленица, а не житье тебѣ, Лука Иванычъ...

Лука Иванычъ проснулся только утромъ, когда кругомъ уже было свѣтло. Нодья догорала. Лука Иванычъ сѣлъ на своей „перинѣ“ и улыбнулся. Ложился онъ спать самымъ несчастнымъ человѣкомъ, а проснулся самымъ счастливымъ... Послѣ вчерашняго разговора съ Евстратомъ у него былъ праздникъ на душѣ.



Digitized by Google

Медвѣдица.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Когда Пелагея Тимоѳеевна проснулась утромъ, было еще совсѣмъ темно. Часовъ въ избѣ не было, но она отлично знала время по пѣтушиному пѣнію. Вчера она легла позднѣе обыкновеннаго, потому что все поджидала, не вернется-ли мужъ изъ города. Ему въ русской печи былъ оставленъ даже горшокъ со щами, чтобы онъ съ дороги похлебалъ горяченькаго. Стояла уже глубокая осень, и выпало нѣсколько очень холодныхъ утренниковъ съ инеемъ и перепадавшей снѣжной крупой.

— Вѣдь вотъ какой шатунъ!.. — ворчала Пелагея Тимоѳеевна, затопляя печь.—Какъ попадетъ въ городъ, такъ и замотается тамъ... А домой вернется и непремѣнно что-нибудь совретъ. Знаю все, вотъ какъ знаю и насквозь его вижу, непутеваго!

Digitized by Google

По утрамъ, спросонья Пелагея Тимоѳеевна иногда сердилась и любила поворчать, главнымъ образомъ,— на мужа, у котораго все выходило не какъ у добрыхъ людей, а черезъ пень-колоду.

— Развѣ хорошій мужикъ оставитъ свою бабу одну въ лѣсу?—думала вслухъ Пелагея Тимоѳеевна за растопкой.

Она часто думала вслухъ, потому что, живя въ лѣсу, рѣдко видѣла людей. Молчи да молчи,—этакъ и говорить по-человѣчески совсѣмъ разучишься. Особенно тяжело бывало зимой, когда на заимку не заглядывала ни одна живая душа. Лѣтомъ еще страдовали поблизости, по горнымъ еланямъ (елань—горный покосъ, вообще расчищенное мѣсто въ лѣсу), иногда забродили на заимку охотники; иногда наѣзжалъ самъ хозяинъ заимки, Евлампій Спиридонычъ, большой охотникъ до рыбной ловли. Заимками на Уралѣ и въ Сибири называются построенныя гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ полѣ промышленныя заведенія — салотопни, рыболовныя саймы, пчельники, а потомъ и всякое жилье гдѣ-нибудь „на отшибѣ“.

Заимка, въ которой жила Пелагея Тимоѳеевна, была простая изба, въ родѣ избушки на курьихъ ножкахъ, стоявшая на берегу горнаго озера Кара-Балыкъ. Ее выстроилъ городской купецъ Евлампій Спиридонычъ, арендовавшій озеро у башкиръ. Прежде въ немъ водилось очень много рыбы, и отъ аренды получался большой доходъ; но съ годами рыба какъ-то переве-

Digitized by Google

лась, и Евлампій Спиридонычъ сердился и много разъ даже грозилъ „отказать отъ мѣста“ мужу Пелагеи Тимоѳеевны.

— Что ты смотришь-то, Васька? Совсѣмъ нѣтъ рыбы въ озерѣ, кошку накормить нечѣмъ...

Моей тутъ причины нѣтъ,—оправдывался Васька, моргая слезившимися глазами.—Это ужъ отъ Бога, Евлампій Спиридонычъ... Божецкое произволенье, значитъ... вообче...

Васька былъ не рѣчистъ и путался въ собственныхъ словахъ, какъ рыба въ неводѣ. Евлампій Спиридонычъ, бойкій городской купецъ, часто смотрѣлъ на неказистую фигуру Васьки съ презрѣніемъ. Ну, какой это мужикъ?.. Если разобрать,—мусорный мужиченко, и вся ему цѣна. Дѣйствительно, Васька не отличался красотой: низенькій, сутуловатый, кривоногій, вообще, тщедушный. Пелагея Тимоѳеевна была полною противоположностью: рослая, широкая въ кости—то, что называется, сдѣлана изъ всего дерева. Ее всѣ называли Пелагеей Тимоѳеевной, а мужа—просто Васькой. Послѣднее ее обижало, особенно, когда называлъ мужа полуименемъ самъ хозяинъ.—Ну, гдѣ рыба?—приставалъ Евлампій Спиридонычъ.—Прежде то какія тони бывали: тыщу пудовъ налавливали, да!.. Караси были, какъ лапти, лещи—по полупуду, щуки, окунь, ершъ—всякаго сословія рыба, ѣшь—не хочу... Конечно, у меня, напримѣръ, такая зараза: пріѣхать на заимку и похлебать прямо на бережку, изъ котелка. При

Digitized by Google

нашихъ капиталахъ могу свой характеръ уважить... И давно бы я тебя прогналъ съ заимки, ежели бы не Пелагея Тимоѳеевна. Вполнѣ уважаю, потому какъ она есть правильная женщина...

Когда хозяинъ уѣзжалъ, Васька лукаво подмигивалъ женѣ и говорилъ:

— Ничего-то онъ не понимаетъ, каковъ я есть человѣкъ... Поищи-ка такого-то другого!.. Можетъ-быть, я побольше его понимаю... А что касаемо рыбы, такъ вѣдь ужъ я ли, кажется, не стараюсь. Изъ своей кожи готовъ вылѣзти, чтобы только хозяину потрафить и всякое уваженіе оказать. Да я... Господи, куда угодно поверни,—вездѣ устроюсь. Сдѣлай милость; какъ кошку, которую какъ ни брось, она всегда на всѣ четыре лапки встанетъ... Вотъ какой человѣкъ, можно сказать... Я не хвастаюсь, а только знаю свою плепорцію...

Пелагея Тимоѳеевна обыкновенно не обращала вниманія на болтовню мужа и дѣлала свое безконечное бабье дѣло. Безъ работы она никогда не оставалась, и день для нея былъ коротокъ.

И сейчасъ, растапливая печь, она передумала тысячу своихъ бабьихъ думушекъ. Вотъ надо хлѣбы замѣсить, потомъ приставить варево, когда печь истопится, потомъ коровушку подоить, курамъ задать корму, дочери Танькѣ починить шубенку, надвязать шерстяные чулки ей же, и т. д., и т. д. Смотришь, дня-то какъ и не бывало. А вечеромъ надо и прясть, и ткать и

Digitized by Google

шить, и за скотиной усмотрѣть. Да еще муженекъ-то изъ городу, можетъ, пьяненькій пріѣдетъ,—и его надо прибрать. Васька не былъ пьяницей, а случалось, что встрѣтитъ въ городѣ „хорошаго человѣка“,—и конецъ дѣлу...

Внутри заимка состояла изъ одной комнаты, треть которой была занята большой русской печью. Помѣщенія для троихъ было достаточно. Около стѣнъ шли деревянныя лавки, въ переднемъ углу стоялъ единственный столъ, по стѣнамъ была развѣшана разная одеженка, висѣла рыболовная снасть, а самое почетное мѣсто занимало ружье, очень длинное и тяжелое, изъ котораго Васька билъ и рябчика, и оленя. Около печки, на полкахъ разложены были горшки, чашки,—всякая бабья снасть. Единственное окошечко выходило на озеро. Изъ него можно было любоваться горной панорамой: лѣсистыя горы обошли озеро кругомъ и лѣзли одна на другую, какъ сгрудившееся стадо овецъ.

— Чтой-то какъ темно сегодня...—соображала Пелагея Тимоѳеевна. — И Танька дрыхнетъ, какъ зарѣзанная.

Она подошла къ окну и только покачала головой. Занимавшееся осеннее сѣрое утро было точно задернуто движущейся живой сѣткой медленно падавшаго мокрыми хлопьями снѣга. Вотъ отчего и Танька спитъ непробудно, и мужъ не пріѣхалъ,—у него къ снѣгу всегда ломитъ поясницу. Застуженный человѣкъ, ну, и чуетъ непогодь!.. Пелагеѣ Тимоѳеевнѣ сдѣлалось по-

Digitized by Google

нятно, почему корова Лысуха мычала ночью, а вѣрный песъ Культяпко все просился въ избу и долго скребъ дверь лапой.

— Тоже, всѣ учуяли... Зима-то, видно, не свой братъ.

Вымѣсивъ тѣсто и скатавъ хлѣбы, Пелагея Тимоѳевна поставила ихъ на деревянной доскѣ въ теплое мѣсто на печкѣ, чтобы отдохнули и поднялись. Поправивъ дрова въ печкѣ, она взяла подойникъ, перекрестилась и пошла на дворъ. Въ маленькихъ сѣнцахъ, замѣнявшихъ кладовую, ее встрѣтилъ съ ласковымъ визгомъ Культяпко, пестрая промысловая лайка.

— Что, не любишь?—пошутила Пелагея Тимоѳевна, отгоняя собаку, чтобы она, грѣшнымъ дѣломъ, не обнюхала подойника.—Ничего, у тебя шуба теплая... Не замерзнешь.

Умная собака повертѣлась около хозяйки, помахала круто загнутымъ на спину хвостомъ и бросилась къ воротамъ.

— Ужо вотъ тебя волки-то, Культяпко!..—разговаривала Пелагея Тимоѳевна съ собакой, какъ съ человѣкомъ.—Они по снѣгу-то вотъ какіе лютые дѣлаются...

Но Культяпко рвался въ ворота, какъ сумасшедшій! Онъ смотрѣлъ на хозяйку такими умными глазами, точно хотѣлъ что-то сказать.

— Ну, чего тебѣ, глупый?—уговаривала его Пелагея Тимоѳевна. — Думаешь, хозяинъ изъ городу

Digitized by Google

ѣдетъ? Какъ-же, жди... Къ вечеру, — нѣтъ, — выворотится.

Отворивъ ворота, Пелагея Тимоѳеевна съ грустью посмотрѣла на широкую, точно помертвѣвшую отъ снѣга поляну, которая съ трехъ сторонъ была обойдена глухимъ ельникомъ, а четвертой упиралась въ озеро. Съ весны Лысуха паслась на этой полянѣ, а теперь изъ-подъ нароставшаго снѣгового покрова торчали только отдѣльные кустики высохшей осенней травы. Будетъ проситься коровушка въ поле погулять, а взять-то и нечего... Помертвѣлъ и разбитый на самомъ берегу озера небольшой огородъ. Изъ-подъ снѣга торчали одни кочерыжки отъ срубленной капусты, да чернѣла ботва отъ картофеля, свеклы и рѣпы. Небольшой былъ огородикъ, а Пелагея Тимоѳеевна дѣлала изъ него запасъ всякаго овощу на все время, вплоть до Петровокъ. Много-ли нужно троимъ,—а все свое, непокупное. Недаромъ говорится, что у зимы брюхо велико,—обо всемъ надо было позаботиться. На что шальной песъ Культяпко, а и тотъ зимой-то вотъ какъ подъѣдаетъ картошку изъ щей,—только за ушами пищитъ.

— А можетъ, снѣгъ-то и стаетъ...—соображала Пелагея Тимоѳеевна. — Какъ будто раненько ему падать. Ну, да годъ на годъ не приходится...

Озеро за одну ночь точно потемнѣло, и холодная осенняя вода тяжело билась мелкой волной въ мерзлый берегъ.

Digitized by Google

Пелагея Тимоѳеевна съ грустью посмотрѣла на широкую поляну.

Digitized by Google

II.

Свое маленькое хозяйство для Пелагеи Тимоѳеевны составляло все. Особенно любовно относилась она къ скотинѣ и домашней птицѣ, съ которыми разговаривала, какъ съ людьми. Дворикъ былъ маленькій и походилъ на клѣтку. Тѣсновато было, и Васька говорилъ каждую зиму:

— Ужо вотъ по веснѣ надо будетъ поставить новыя службы... Эти ужъ валятся, скотинѣ холодно да и тѣсно.

— Все мнѣ телочку хочется выкормить, Василій Петровичъ, а мѣста и не хватаетъ.

Пелагея Тимоѳеевна всегда называла мужа по имени и отчеству, точно хотѣла этимъ покрыть обидную кличку „Васька“.

Но весной у Васьки какъ-то все „руки не доходили“ до постройки, и онъ говорилъ, почесывая въ затылкѣ:

— Ужо вотъ по осени надо будетъ новыя службы поставить... Первое дѣло,—скотина не будетъ мерзнуть. А ежели скотина въ теплѣ стоитъ, она и кормъ въ себѣ держитъ. Лысуха будетъ молока больше давать, а курицы начнутъ класть яйца до Благовѣщенья.

— Это правильно, Василій Петровичъ... Какъ-же можно сравнять?

— Погоди, Паша, все выправимъ въ лучшемъ видѣ... Надѣйся на меня вполнѣ. Знаешь, какой я есть

Digitized by Google

человѣкъ? Только одно: не торопись. Все будетъ, какъ по щучьему велѣнью... И Евлампій Спиридонычъ обѣщалъ. Вѣдь его заимка-то, а не моя... Такъ прямо и сказалъ:—„Васька, я на тебя вполнѣ надѣюсь... Сиди на озерѣ, карауль карасей, а у меня сердце на мѣстѣ“.

Евлампій Спиридонычъ, дѣйствительно, обѣщалъ и, хлопая Ваську по плечу, говорилъ:

— Ты у меня въ томъ родѣ, Васька, какъ главнокомандующій надъ всѣми карасями... И жалованье у тебя генеральское: четыре недѣли въ мѣсяцъ, а пятую спать.

Любилъ пошутить сытый городской купецъ. Въ сущности, онъ никакого жалованья Васькѣ не платилъ, а давалъ время-отъ-времени муки, постнаго масла, чаю, ситцу, сапоги и т. д. Когда пріѣзжалъ на озеро, то совалъ Пелагеѣ Тимоѳевнѣ рубль и говорилъ:

— И куда вамъ деньги въ лѣсу, Пелагея Тимоѳевна? Квартира у васъ готовая, отопленіе — тоже, вода подъ носомъ... На рубль-то вотъ какой балъ можно задать!.. Однимъ словомъ, только не торопитесь...

— И то не торопимся, Евлампій Спиридонычъ,— съ бабьей покорностью отвѣчала Пелагея Тимоѳевна.— По горло мохомъ обросли...

Обходя свой дворикъ, Пелагея Тимоѳевна передумала всю свою жизнь. Что же, въ самомъ дѣлѣ, все,

Digitized by Google

слава Богу, есть, голодомъ не сидѣли, голые не ходили, на холодѣ не колѣли... Въ маленькомъ хозяйствѣ были и свои прорѣхи. Была лошадка, была коровушка, курочки, утки, гуси, а вотъ овечки не велись. Ужъ какъ хотѣлось Пелагеѣ Тимоѳевнѣ парочку овечекъ держать,—и парочку ягнятокъ каждый бы годъ онѣ приносили, и шерсть. Изъ своей бы шерсти она и чулки, и варежки, и крестьянское сукно дѣлала. Главное,—все бы свое было, некупленное. Она и заводила овецъ не одинъ разъ, да только ихъ съѣдали волки. Глупая скотинка—овца, всего боится, а встрѣтитъ волка въ лѣсу, вмѣсто того, чтобы убѣжать, остановится, вытаращитъ на него глаза и только ножками топочетъ. Ну, волку это и на-руку: возьметъ и зарѣжетъ глупую. Корова, небось, лѣтомъ волку ни за что не дастся, сейчасъ на рога подцѣпитъ да еще ногой лягнетъ, а то и убѣжитъ, смотря по дѣлу.

Послѣ огорода главную статью дохода представляла корова Лысуха, за которой Пелагея Тимоѳеевна ухаживала, какъ за родной дочерью. Она давала и молоко, и сметану, и творогъ, и масло да еще каждый годъ теленочка. Было изъ-за чего похлопотать. На заимкѣ строго соблюдались не только всѣ посты, но и всѣ постные дни. Молоко оставалось и передѣлывалось въ масло, которое потомъ Васька увозилъ въ городъ и продавалъ. Теленокъ тоже продавался. За него выручали рубля три, что составляло большое подспорье въ хозяйствѣ. Бычковъ Пелагея Тимоѳеевна

Digitized by Google

не особенно жалѣла, а съ телочками разставалась съ горькими слезами.

Чего ты ревешь-то, Паша?—утѣшалъ жену Васька.—Велика важность,—телка... По зимѣ-то я тебѣ сколько дикихъ козъ убью! Тоже вотъ глухарей, рябчиковъ, утокъ...

Васька, дѣйствительно, очень удачно „лѣсовалъ“. особенно по зимамъ, но убитая дичь увозилась, обыкновенно, въ городъ и Пелагея Тимоѳевна даже не знала, какой такой „скусъ“ у рябчика. Пусть ужъ господа да купцы ѣдятъ „дичину“, а намъ и такъ ладно. Очень ужъ любила Пелагея Тимофевна городскіе колачи,—нѣтъ ничего лучше, какъ напиться чаю съ такимъ колачикомъ. Языкъ проглотишь!..

— Сластена ты у меня, Паша,—удивлялся Васька.—Вотъ ежели бы въ городу попала въ „Обжорный рядъ“, такъ и не вытащилъ бы тебя. Меньше пятіалтыннаго не проѣла бы... И печенка, и горячія шти, и пельмени по 2 копѣйки десятокъ, и пироги,—на, чего душенька проситъ.

Либила Пелагея Тимоѳевна чайку попить; только вотъ самовара не было, а приходилось воду нагрѣвать въ котелкѣ. Въ городѣ она не бывала, хотя до города было всего сорокъ верстъ, и „Обжорный рядъ“ въ ея воображеніи рисовался чѣмъ-то сказочнымъ.

Лысуха всегда встрѣчала хозяйку легкимъ мычаньемъ и просила хлѣба. Сегодня Пелагеѣ Тимоѳевнѣ показалось, что корова какъ-то особенно жалобно мычала.

Digitized by Google

— Што, учуяла снѣгъ-то?—разговаривала съ ней Пелагея Тимоѳевна.—Видно, прокатилось красное лѣтичко, Лысуха... Засыпало снѣгомъ зеленую травушку-муравушку... Обидно тебѣ въ хлѣву-то стоять цѣльную зиму?

Пелагея Тимоѳевна была глубоко убѣждена, что Лысуха рѣшительно все понимаетъ, а только вотъ сказать ничего не умѣетъ. Всякая скотина понимаетъ, ежели къ ней съ умомъ подойти, а не зря. Лысуха для посторонняго человѣка была самая обыкновенная деревенская коровенка—небольшая, костлявая, какой-то необыкновенной масти: по бѣлой шерсти точно расплывались ржавыя, рыжія пятна. Всего удивительнѣе была голова,—точно она была раскрашена неумѣлымъ художникомъ-самоучкой, который отъ излишняго усердія замазалъ даже одинъ глазъ и второпяхъ позабылъ закрасить лѣвую щеку. Для Пелагеи Тимоѳевны Лысуха была красавица. Другой такой коровы нигдѣ нѣтъ. А чего стоило ее купить! Цѣлыхъ три года Пелагея Тимоѳевна копила деньги, откладывая по грошику, по копеечкѣ. Легко сказать, когда меньше семнадцати рублей нельзя было купить корову. И коровка издалась хорошая, ласковая, покорная, аккуратная.

— Портретъ, а не корова,—хвасталась Пелагея Тимоѳевна, когда пріѣзжалъ хозяинъ.—Только вотъ говорить не умѣетъ...

— Не хвались, нехорошо: скотина этого не лю-

Digitized by Google

битъ,—говорилъ Евлампій Спиридонычъ.—Ты похвалилась, а она и того...

— Тьфу! Тьфу!.. Охъ, и не говори, Еламній Спиридонычъ! Не пужай... Куды мы безъ Лысухи-то? Кормилица она наша...

Пелагеѣ Тимоѳеевнѣ дѣлалось страшно отъ одной мысли, что съ Лысухой можетъ, что-нибудь случиться. Можетъ захворать, можетъ попасть волкамъ въ зубы,—всякой напасти въ лѣсу не оберешься. Разъ Лысуха забралась въ болото, и едва ее вытащили. Конечно, —глупая скотина, лѣзетъ, куда не слѣдуетъ.

„Ахъ, ежели бы овечекъ держать!.. раздумывала Пелагея Тимоеевна. — И лучше бы не нужно... Тоже вотъ свинушку хорошо, ежели бы мѣсто. Каждую весну приносила бы двѣнадцать поросятокъ, лѣтомъ они отгулялись бы въ лѣсу, а осенью ужъ совсѣмъ большіе.“

Больше всего Пелагею Тимоѳеевну удивляло то, что у каждой-то скотинки есть свой врагъ. И медвѣдь деретъ, и волки рѣжутъ,—не углядишь. А у птицы свои вороги: ястреба тащатъ цыплятъ, щуки заглатываютъ утятъ. Разъ лиса забралась въ курятникъ и задавила лучшую курочку. Ужъ на что, кажется, безопасное мѣсто подъ печкой, гдѣ Пелагея Тимоѳеевна держала по зимамъ куръ и утокъ,—нѣтъ, и тутъ напасть. Одну зиму повадилась въ подпечье ласка и трехъ куръ задушила. Невеликъ и звѣрокъ, такъ, немного побольше крысы да подлиннѣе, а вотъ какой вредный. Тонень-

Digitized by Google

кій весь и, какъ ужъ, пролѣзетъ въ каждую щель. И вѣдь не съѣстъ курицы, а только задушитъ, выпьетъ кровь—и былъ таковъ. Тоже вотъ горностаи или хорьки—не лучше. Откуда только берутся, подумаешь... Хорошо еще, что Культяпко чуетъ и нѣтъ-нѣтъ да и задавитъ лукавую звѣрушку. Песикъ умственный, и хорошо знаетъ свою службу, за всѣмъ усмотритъ и все сбережетъ.

Пелагея Тимоѳеевна подоила корову, задала корму курицамъ, уткамъ и гусямъ, не забыла и Культяпку, который все вертѣлся около нея и самымъ безсовѣстнымъ образомъ просилъ ѣсть.

— Ахъ, ты, дармоѣдъ, дармоѣдъ!..—ворчала на него Пелагея Тимоѳеевна.—Никакого въ тебѣ проку нѣтъ: ни шерсти, ни молока... На, ѣшь, ненасытная утроба!.. Ишь, какъ накинулся, точно сроду не ѣдалъ...

У Культяпки всегда былъ отличный аппетитъ, и, съѣвъ свою порцію, онъ опять смотрѣлъ на хозяйку голодными глазами и вилялъ хвостомъ.

— Этакая прорва, подумаешь!.. Поѣлъ, надо и честь знать. Не хватаетъ толку зайчика поймать... Ты за нимъ, а онъ отъ тебя? Ахъ, ты, глупый, глупый!.. Только у тебя и ремесла, што подранковъ ѣсть... Кто на той недѣлѣ съѣлъ двухъ подстрѣленныхъ рябчиковъ? А? Ну, чего облизываешься? Видно, сладко вспоминать... А ты своимъ умомъ добывай свое пропитаніе.

Когда Пелагея Тимоѳеевна вернулась въ избу, печ-

Digitized by Google

ка уже истопилась. Съ полатей свѣшивалась бѣловолосая голова Таньки. Она только проснулась и плаксиво проговорила:

— Матушка, я ѣсть хочу...

— Ахъ, ты, милостивый Господи!.. — взмолилась Пелагея Тимоѳеевна.—Всѣ-то ѣду требуютъ съ меня... Не разорваться мнѣ для васъ на мелкія части! Ты сперва лобъ-то перекрести, а потомъ ужъ и объ ѣдѣ говори...

Любила поворчать Пелагея Тимоѳеевна, потому что въ дому нужно соблюдать порядокъ. Развѣ Василій Петровичъ что-нибудь можетъ понимать,—уѣхалъ въ городъ и былъ таковъ.

III.

Васька возвращался домой. Онъ всегда имѣлъ недовольный видъ, когда ѣхалъ изъ города къ себѣ въ лѣсъ. А сейчасъ и погода была скверная, и заморенная лошаденка едва плелась, и Васькина голова трещала съ похмѣлья.

— Ну, выпилъ.:. ну, встрѣтилъ благопріятеля...— разсуждалъ Васька, размахивая руками. — А пріѣду домой, жена первымъ дѣломъ:—„Подавай двугривенный... Куды дѣлъ двугривенный?“ Ужъ она носомъ учуетъ, што я двугривенный-то пропилъ... Ну, и пусть!.. Васька никого не боится... Да этакого дру-

Digitized by Google

гого человѣка днемъ съ огнемъ не сыщешь. И не пробуй лучше...

Васькина лошадь внимательно слушала хозяйскія разсужденія и отъ умиленья нѣсколько разъ останавливалась.

— Ахъ, ты, животная тварь! — ругался Васька, начиная дергать вожжами.—Погоди у меня, вотъ куплю тебѣ въ городѣ кнутъ потолще, тогда будешь хозяина уважать.

Узкая лѣсная дорожка казалась Васькѣ сегодня гораздо длиннѣе обыкновеннаго, а потомъ попадались постоянно ямы и рытвины, которыхъ раньше не было. Ну, вотъ точно кто на зло Васькѣ перекопалъ всю дорогу...

— Эхъ, ужъ только и жисть!—охалъ Васька, хватаясь за бока.—Всю душеньку вытрясетъ... То ли дѣло въ городу: сейчасъ тебѣ, напримѣръ, фонари горятъ... Х-ха!.. Вотъ бы Пелагея Тимоѳеевна поглядѣла да подивовалась!.. Или, напримѣръ, обжорный рядъ... Х-хо!..

Но что Васька ни думалъ и ни болталъ, а въ концѣ-концовъ, его мысли всетаки приходили къ пропитому съ пріятелемъ двугривенному и суровой отвѣтственности впереди. Храброе настроеніе Васьки уменьшалось по мѣрѣ приближенія къ дому. Конечно, другого такого человѣка, какъ онъ, не найти, а все-таки страшно... Вотъ выйдетъ встрѣчать Пелагея Тимоѳеевна, поглядитъ однимъ глазомъ на мужа и сразу

Digitized by Google

сообразитъ, что двугривеннаго-то нѣтъ... А сколько-бы добра можно было накупить въ городѣ на такой двугривенный: фунтъ сахару, или пять фунтовъ керосину, или четыре фунта ситнаго, или два фунта пряниковъ Танькѣ... Нѣтъ, два фунта много, довольно ей и одного, а на остальной гривенникъ вотъ какой можно было кнутъ купить!

— Ну, а чѣмъ я виноватъ?—вслухъ оправдывался Васька, вставая въ телѣгѣ на колѣни.—И не думалъ даже его пропивать... Нисколечко!.. Что я не видалъ развѣ этой самой водки? Да наплевать мнѣ на нее, и конецъ дѣлу!.. Тьфу!.. И очень даже просто... Вѣдь совсѣмъ мимо кабака проѣхалъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, Егора Тихоныча и нанесло. Все онъ виноватъ, а я за всѣхъ отвѣчай...

Культяпко волновался съ утра, ожидая хозяина. Наконецъ, онъ учуялъ далекій стукъ колесъ и ринулся на-встрѣчу, какъ сумасшедшій. Васька даже испугался, когда Культяпко точно вынырнулъ изъ густой лѣсной чащи и съ громкимъ, радостнымъ лаемъ принялся бѣгать кругомъ телѣги.

— Ахъ, это ты, Культяпко!..—бормоталъ онъ какимъ-то виноватымъ голосомъ, точно собаку послала сама Пелагея Тимоѳеевна, чтобы впередъ вынюхать недостававшій двугривенный. — Да, братъ, я тово... Ну, какъ у васъ дома-то?..

Собака радостно взвизгивала и вертѣла хвостомъ.

— Такъ, такъ...—разговаривалъ съ ней Васька.—

Digitized by Google

Ну, и слава Богу... Я тоже ничего... да... только подгадилъ всю музыку Егоръ Тихонычъ. Самый онъ есть вредный человѣкъ...

Лошадь прибавила шагу, и скоро телѣга выкатила на поляну, къ озеру. Въ дальнемъ концѣ поляны паслась Лысуха, щипавшая верхушки выставлявшейся изъ-подъ снѣга травы. Васька только покачалъ головой. „Прокатилось, видно, красное лѣтичко, и сидѣть Лысухѣ цѣлую зиму у себя въ хлѣву.“ Культяпко успѣлъ уже сбѣгать къ избушкѣ и радостнымъ лаемъ и визгомъ заявилъ о приближеніи домовладыки.

— Ишь, когда ты воротился!.. ворчала Пелагея Тимоѳеевна.—Опять, видно, встрѣтилъ Егора Тихоныча... Охъ, горюшко мое горькое!..

Танька надѣла дырявыя валенки и рваную шубейку и взапуски съ Культяпкой полетѣла навстрѣчу къ отцу.

— Тятенька... родной!.. Ухъ, какъ мы съ матушкой-то соскучились по тебѣ!.. До смерти...

— Ахъ, ты, жаръ-птица!.. Ну, полѣзай въ телѣгу... А я тебѣ гостинца привезъ изъ городу... На, вотъ колачикъ... Прямо изъ обжорнаго ряда. Еще тепленькимъ купилъ... Всю дорогу за пазухой его везъ.

Дѣвочка съ проворствомъ обезьяны вскарабкалась на телѣгу, одной рукой схватила городской колачъ, а другой вожжи.

— Эй, ты, вислоухая, пошевеливай!—кричала она на лошадь тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

Digitized by Google

Пелагея Тимоѳеевна вышла за ворота. Она была немножко сердита, что мужъ опоздалъ.

— Гдѣ это ты пропадалъ? — спрашивала она довольно сурово.—А я ужъ думала, что тебя волки заѣли...

— Зачѣмъ волки?.. Я, значитъ, тово... то-есть прямо домой...

— Оно и видно... Опять съ Егоромъ Тихонычемъ разговоры разговаривалъ?

— И не думалъ... Онъ меня самъ поймалъ и што-то такое говорилъ, а я ничего... я прямо домой...

— Ну, такъ и есть!.. Чуяло мое сердце... Навяжется-же такой человѣкъ, мимо котораго ни проходу, ни проѣзда.

— Муки тебѣ привезъ... Евлампій Спиридонычъ наказалъ тебѣ кланяться. Ну, потомъ харчу разнаго: крупка... соль... Ситчику купилъ пять аршинъ... нитокъ...

Покупки были внесены въ избу и разложены на столѣ. Пелагея Тимоѳеевна сразу смилостивилась.

— А я тебѣ штецъ припасла, Василій Петровичъ... Поди, проголодался дорогой-то?

— Едва доѣхалъ...

— Въ печкѣ горшокъ-то стоитъ.

Пока Васька закусывалъ, Пелагея Тимоѳеевна успѣла распречь лошадь и поставила ее къ сѣну.

— Эхъ, какъ лошадь-то извелъ!..—жалѣла она.— Ну, и погодка...

Digitized by Google

Вернувшись въ избу, Пелагея Тимоѳеевна даже полюбовалась, съ какимъ аппетитомъ мужъ доѣдаетъ вчерашніе щи. Даже покраснѣлъ весь отъ натуги.

— Что, видно, въ городѣ-то толсто звонятъ да тонко ѣдятъ?—пошутила она.—Кушай на здоровье... Это я такъ молвила, къ слову. Евлампій-то Спиридонычъ ничего тебѣ не говорилъ насчетъ самовара? Давно обѣщаетъ онъ подарить самоваръ...

— Какъ не говорилъ? Очень даже говорилъ. „Ты, говоритъ, Васька, надѣйся на меня, а я ужъ тебя произведу... А самоваровъ, говоритъ, по лавкамъ сколько угодно, не выкупишь“. Такъ и сказалъ.

— Вретъ что-нибудь, не иначе... Что ему стоило прислать самоваришко, хоть бы подержанный?

— По первопутку хотѣлъ самъ пріѣхать, ну, значитъ, самъ и самоваръ привезетъ...

— Давно ужъ что-то его везетъ да все привезти никакъ не можетъ... Надо полагать такъ, что ужъ очень большой самоваръ-то.

Васька нарочно растягивалъ ѣду, чтобы выиграть время. Вѣдь вотъ только кончитъ ѣсть,— сейчасъ и пойдетъ разговоръ о деньгахъ. Онъ старался не смотрѣть на жену и подолгу облизывалъ ложку.

— Молочка, можетъ, хочешь?

— Давай и молочка...

Еще выходила маленькая отсрочка, и Васька облегченно вздохнулъ. Танька сидѣла на лавкѣ рядомъ съ отцомъ и ѣла городской колачъ, закрывая

Digitized by Google

отъ наслажденія глаза. Она знала, что мать сейчасъ будетъ приставать къ отцу съ деньгами и будетъ ссориться. Кончивъ молоко, Васька, хотѣлъ, было, увильнуть.

— Ужо надо идти поглядѣть лошадь...— говорилъ онъ, поднимаясь.

Пелагея Тимоѳеевна сразу поняла хитрую уловку и остановила его.

— Чего тебѣ ее глядѣть-то? Я ее прибрала и къ корму поставила... А вотъ ты лучше покажи-ка, сколько денегъ-то привезъ изъ города.

— Денегъ-то?.. Ты говоришь, сколько денегъ привезъ?.. А вотъ сейчасъ...

Васька, не торопясь, полѣзъ за голенище и вытащилъ оттуда кожаный кисетъ. Онъ медленно его растегнулъ и высыпалъ на столъ всѣ капиталы. Принялись считать, сколько и почемъ было продано, сколько истрачено на покупки, и сколько должно было остаться. Не хватало какъ-разъ двугривеннаго.

— Должно полагать, обронилъ... смущенно говорилъ Васька и даже принялся искать на полу.

— Да ты не отводи глаза-то, а говори прямо!— строго потребовала Пелагея Тимоѳеевна.

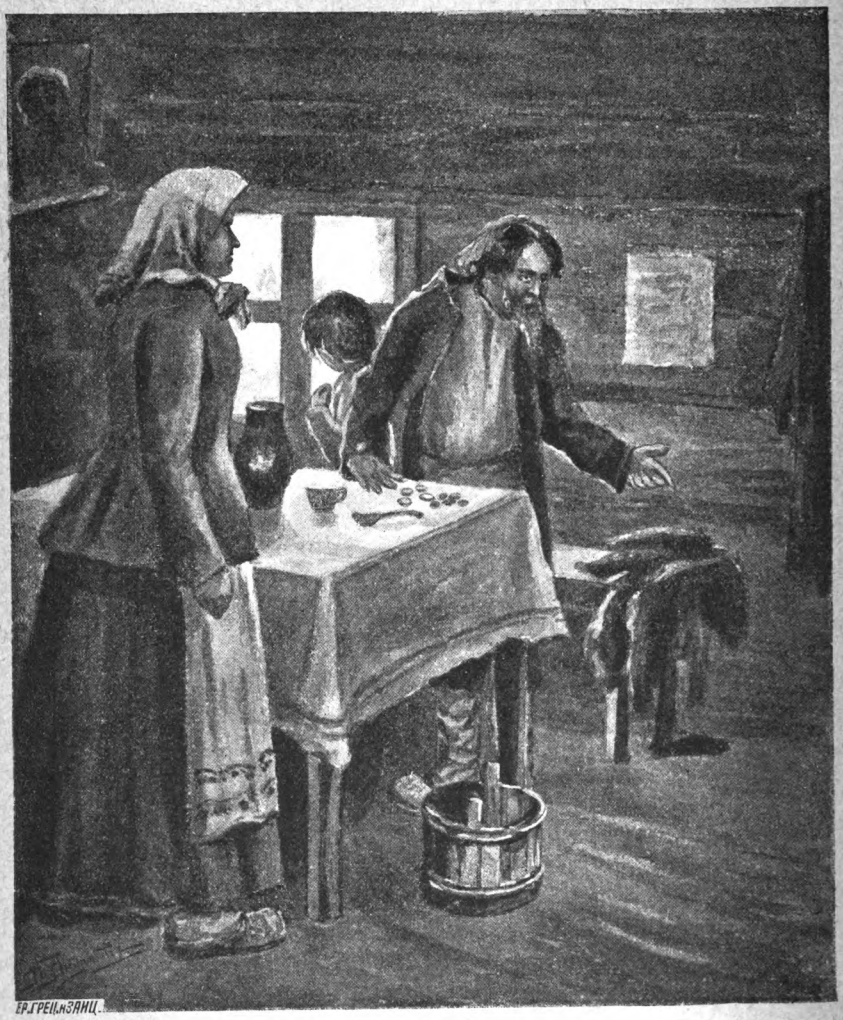
— Ну, значитъ, дорогой обронилъ...

— Извѣстно, дорогой, когда ѣхалъ мимо кабака.

Ссора готова была вспыхнуть, но Танька, глядѣвшая въ окно, вдругъ закричала:

Digitized by Google

— Тятенька, вонъ какая большая собака гоняется



за нашей Лысухой!.. Ой, батюшки!..

Digitized by Google

IV.

Пелагея Тимоѳеевна кинулась къ окну и только всплеснула руками.

— Батюшки, батюшки, да вѣдь это медвѣдь!..— закричала она благимъ матомъ и опрометью бросилась изъ избы.

Васька схватилъ со стѣны ружье и бросился за ней. На счастье, ружье было заряжено жеребьемъ, т.-е. большей пулей, какой стрѣляютъ въ большого звѣря. Культяпко „скулилъ“ у запертыхъ воротъ и вылетѣлъ изъ нихъ стрѣлой. Лысуха бѣшено металась по полянѣ, напрасно стараясь попасть къ своему двору. А медвѣдь старался отогнать ее къ лѣсу. Культяпко понесся прямо на него, но, увлеченный своей охотой, медвѣдь не обращалъ на него никакого вниманія. Этотъ неуклюжій, повидимому, звѣрь носился по полянѣ съ изумительной легкостью.

— Батюшки!!.. Батюшки!!..— кричала обезумѣвшая Пелагая Тимоѳеевна, размахивая руками.— Ой, батюшки... Василій Петровичъ, пали ты въ него, проклятущаго!..

— Чего напрасно палить, когда онъ бѣгаетъ?.. Какъ-разъ мимо попадешь...

— Задеретъ онъ Лысуху!.. Ой, ой!.. Пали, Василій Петровичъ!..

Въ этотъ моментъ медвѣдь укараулилъ Лысуху на

Digitized by Google

поворотѣ у самаго лѣса и однимъ броскомъ насѣлъ на нее.

— Василій Петровичъ!.. Батюшки!.. вопила Пелагея Тимоѳеевна.—Да что же ты стоишь-то?

Васька стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Ружье у него въ рукахъ тряслось, какъ веретено. Пелагея Тимоѳеевна оглянулась на мужа и все поняла: совсѣмъ мужикъ обезумѣлъ со страху. А медвѣдь съ страшнымъ ревомъ далъ Лысуху, не замѣчая вцѣпившагося въ него Культяпку. Пелагея Тимоѳеевна выхватила изъ рукъ мужа ружье, подбѣжала къ медвѣдю и выстрѣлила въ упоръ прямо въ голову. Медвѣдь дико взревѣлъ и метнулся на землю. Культяпко продолжалъ рвать его за шею, но страшный звѣрь уже не въ силахъ былъ подняться.

Пелагея Тимоѳеевна только теперь испугалась, когда увидѣла медвѣдя мертвымъ. Она бросила ружье и побѣжала къ своей избушкѣ. Васька пробовалъ ее остановить, но она его оттолкнула. Вбѣжавъ въ избу, Пелагея Тимоѳеевна заперлась на крючокъ и громко расплакалась...

Убитаго медвѣдя купилъ Евлампій Спиридонычъ, сдѣлалъ изъ него чучело и показывалъ всѣмъ гостямъ.

— Это моя сторожиха, Пелагея Тимоѳеевна убила... Я ей самоваръ подарилъ за звѣря. Теперь ее всѣ „медвѣдицей“ зовутъ...

Digitized by Google

Темное время.

Очеркъ.

I.

Какое „темное время“ было, и я его отлично помню. Это было время, когда считали на ассигнаціи, писали гусиными перьями, когда единственнымъ способомъ освѣщенія были сальныя свѣчи или лучина, а главное—когда не было и помину о школахъ, женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ съ среднимъ курсомъ. Какъ-то даже странно говорить объ этомъ сейчасъ, хотя этому времени минуло всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ. Я говорю о далекой, глухой уральской провинціи, гдѣ „темное время“ отзывалось особенно тяжело. Достаточно сказать, что въ нашемъ заводѣ, гдѣ служилъ мой отецъ священникомъ, не было, кромѣ него, ни одного человѣка даже съ среднимъ образованіемъ... Впрочемъ, былъ заводскій фельдшеръ Александръ Петровичъ, который получилъ „практическое“ образованіе при главномъ заводскомъ госпиталѣ, а главное—это былъ единственный въ нашемъ

Digitized by Google

заводѣ человѣкъ, который бывалъ въ Петербургѣ, что дѣлало его въ нашихъ глазахъ нѣкотораго рода сфинксомъ, и мы смотрѣли на него, какъ на человѣка, который вернулся съ того свѣта.

Итакъ, сорокъ лѣтъ назадъ, даже съ хвостикомъ. Я себя помню очень рано и помню роковой моментъ, когда явился вопросъ о школѣ. Наступило время учиться грамотѣ, наступило начало дѣтской страды. Нужно сказать, что у насъ въ заводѣ существовала небольшая заводская школа, потому что для своихъ заводскихъ потребностей нужны были грамотные люди. Эта школа являлась одной изъ тѣхъ прихотей, какими обставляло себя крупное барство того времени.

— Да, пора, пора, — нѣсколько разъ говорилъ отецъ.

Какъ теперь помню, что ученье мнѣ представлялось чѣмъ-то очень тяжелымъ, какъ солдатчина, и я думалъ о немъ съ большимъ страхомъ. Заводская школа была рядомъ съ нами, и каждое утро я слышалъ, какъ оттуда доносились неистовые вопли истязуемыхъ школяровъ. Слѣдовательно, было чего бояться... Въ школѣ свирѣпствовалъ заводскій учитель Ѳедоръ Минычъ, худенькій человѣкъ съ мочальной бородкой клинушкомъ, и я прятался, когда онъ проходилъ мимо.

Какъ я выучился грамотѣ, — я не помню, кромѣ того, что мнѣ очень хотѣлось учиться по-старинному, т.-е. учить „азы“ съ деревянной указкой.

Digitized by Google

— Азъ—ангелъ, буки—богъ, божество,—повторялъ я съ особеннымъ удовольствіемъ. — Буки азъ-ба, веди азъ-ва, глаголь азъ-га...

Въ школу къ Ѳедору Минычу я попалъ уже грамотнымъ. Школа помѣщалась рядомъ съ нами, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, и состояла всего изъ одной большой комнаты. Учились одни мальчики, которыхъ набиралось человѣкъ двадцать-тридцать. Заводское населеніе на половину состояло изъ православныхъ и раскольниковъ. Раскольники учили своихъ ребятъ дома, у своихъ собственныхъ мастерицъ, при чемъ половину учащихся составляли дѣвочки. Въ заводскую школу поступали только православные, которые не боялись „гражданской печати“.

Ѳедоръ Минычъ занималъ свое мѣсто за учительскимъ столикомъ и вѣчно чинилъ гусиныя перья, — чистописаніе стояло во главѣ всѣхъ остальныхъ предметовъ. Самъ Ѳедоръ Минычъ писалъ артистически, и это искусство дорого обходилось его ученикамъ, потому что онъ требовалъ и отъ нихъ такого же совершенства. За небрежное и скверное письмо сейчасъ же слѣдовало возмездіе, т.-е. часть плохихъ каллиграфовъ стояла около стѣны на колѣняхъ, а другую часть училищный каморникъ „расписывалъ“ розгой.

Наказываемый, конечно, вопилъ изо всей мочи, а Ѳедоръ Минычъ, продолжая чинить перья, добродушно повторялъ:

Digitized by Google

— Ну, теперь будешь хорошо писать... отлично будешь писать!

Добродушнѣйшій самъ по себѣ человѣкъ, Ѳедоръ Минычъ глубоко былъ убѣжденъ, что никакая наука безъ розги немыслима, и что чѣмъ больше человѣка драть, тѣмъ онъ дѣлается умнѣе. Училищный каморникъ былъ такого же мнѣнія, какъ отцы и матери учащихся, которые чуть не со слезами просили Ѳедора Миныча:

— Дери ты нашего Ваньку, Минычъ, чтобы прокъ изъ парня вышелъ, а то какъ разъ набалуется.

И Ѳедоръ Минычъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ старался внѣдрить въ своихъ учениковъ необходимую дозу ума. Я не думаю, чтобы ему доставляло особенное удовольствіе слушать каждый день неистовые вопли своихъ учениковъ и смотрѣть на ихъ слезы. Просто, человѣкъ старался вести свое дѣло добросовѣстно.

Кстати, какое громадное значеніе въ педагогіи имѣетъ такая простая вещь, какъ замѣна гусинаго пера стальнымъ. Половина времени Ѳедора Миныча уходило на очинку гусиныхъ перьевъ, хотя онъ въ этомъ дѣлѣ и достигъ своего рода совершенства. Когда явились стальныя перья, Ѳедоръ Минычъ отнесся къ нимъ почти враждебно.

— Все это нѣмцы придумали, — рѣшилъ онъ.— Какое же чистописаніе стальнымъ перомъ? Пустяки... Ничего изъ этого не выйдетъ.

Къ числу новостей рядомъ съ стальными перьями

Digitized by Google

являлись первыя фосфорныя спички. Я отлично помню, какъ онѣ появились у насъ въ домѣ. До этого времени кучеръ Яковъ приготовлялъ изъ березовой лучины самодѣльныя „сѣрнички“. Такую сѣрничку, чтобы добыть огонь, нужно было сунуть въ загнѣтку русской печи. Другой способъ добыванія огня—это древнее „огниво“, т.-е. кремень, стальная плитка и березовый трутъ. Фосфорныя спички, какъ стальныя перья, долгое время у благочестивыхъ людей находились въ подозрѣніи, и добытый ими огонь казался, какъ-будто, и не настоящимъ огнемъ.

Послѣ чинки перьевъ у Ѳедора Миныча не мало времени уходило на нюханье табаку изъ березовой тавлинки. Онъ нюхалъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ, пока на глазахъ не выступали слезы. Сдѣлавъ понюшку, Ѳедоръ Минычъ нѣкоторое время впадалъ въ осовѣлое состояніе и ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Глаза очищаетъ... — объяснялъ онъ, вытирая слезы.

Ѳедоръ Минычъ былъ нашъ заводскій, сынъ заводскаго крестьянина, очень почтеннаго худенькаго старичка съ бородкою клинушкомъ. Отецъ и сынъ часто не ладили между собой, благодаря слабости Ѳедора Миныча къ водкѣ. Старикъ Мина не пилъ, а Ѳедоръ Минычъ выпивалъ и за себя, и за него.

— Испорченъ онъ грамотой, — объяснилъ Мина, косвенно оправдывая сына.— Отъ мужика отсталъ, а къ заводскимъ служащимъ не пристalъ.

Digitized by Google

По-своему, старикъ былъ правъ, потому что Ѳедоръ Минычъ получалъ самое микроскопическое жалованье и въ заводской іерархіи, какъ учитель, занималъ послѣднее мѣсто. А тутъ еще семья, повышенныя потребности, сравнительно съ простотой крестьянской жизни. Для разныхъ печальныхъ думъ было достаточно всевозможныхъ поводовъ, и Ѳедоръ Минычъ привыкъ „придерживаться рюмочки“. Во всякомъ случаѣ, онъ являлся типичнымъ представителемъ старинаго учителя, который всего на одинъ шагъ стоялъ выше домашней прислуги и, вѣроятно, не особенно огорчился и не много потерялъ, когда подъ старость очутился каморникомъ въ пріисковой конторѣ на платиновыхъ промыслахъ. Для меня лично Ѳедоръ Минычъ остался однимъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ тружениковъ въ своемъ дѣлѣ, котораго я, по своему дѣтскому возрасту, не имѣлъ возможности ни понять, ни оцѣнить, но для меня со словомъ „учитель“ всегда неразрывно связано представленіе о худенькомъ, добродушномъ человѣкѣ въ казинетовомъ пиджакѣ, вѣчно чинившемъ перья, нюхавшемъ табакъ и насаждавшемъ въ насъ горькій корень ученія.

II.

Въ послѣдній разъ, я встрѣтился съ Ѳедоромъ Минычемъ лѣтъ черезъ двадцать. Это было на платиновыхъ промыслахъ, куда я завернулъ ночевать съ

Digitized by Google

охоты. Лѣтній день былъ на исходѣ. Знакомая лѣсная тропинка вывела къ широкому, изрытому по всѣмъ направленіямъ лугу. Издали слышался звонъ лошадиныхъ ботaлъ, собачій лай и тотъ неопредѣленный гулъ, который говорилъ о дружной работѣ сотенъ людей. Вотъ потянуло дымкомъ, вотъ вдали мелькнула крыша пріисковой конторы... Хорошо отдохнуть послѣ цѣлаго дня шатанья по горамъ.

На крылечкѣ пріисковой конторы сидѣлъ въ шубѣ, шапкѣ и валенкахъ самъ Ѳедоръ Минычъ, котораго я узналъ не сразу, — онъ еще сильнѣе похудѣлъ, посѣдѣлъ, и, вообще, имѣлъ какой-то совсѣмъ изношенный видъ. Передъ нимъ стояла баба, рослая и здоровая, не по-бабьи подперевъ руку въ бокъ. Оказалась тоже старой знакомой: раскольничья мастерица и начетчица Марѳа Егоровна.

— Присаживайся, такъ гость будешь,—по-хозяйски пригласила она, указывая на мѣсто рядомъ съ Ѳедоромъ Минычемъ.—А мы тутъ споримся со старикомъ.

— А все ты задираешь, все ты... — жаловался Ѳедоръ Минычъ, закашлявшись. — Не понимаешь ничего, а споришь.

— Ну, я-то понимаю, можетъ побольше твоего... Хоть и баба, а понимаю.

— Въ чемъ дѣло?—вмѣшался я.

— А такъ... пустяки... — уклончиво отвѣтилъ Ѳедоръ Минычъ.

Чтобы перевести разговоръ, онъ прибавилъ:

Digitized by Google

Передъ нимъ стояла баба, подперевъ руку въ бокъ.

Digitized by Google

— Семенъ Иванычъ скоро вернется съ пріиска...

Онъ пошелъ осматривать новую машину.

Семенъ Иванычъ служилъ смотрителемъ на платиновыхъ промыслахъ.

— Ничего, подождемъ,—отвѣтила за меня Марѳа Егоровна. — Мнѣ тоже нужно сказать ему словечко... Не нравится тебѣ, Минычъ, моя рѣчь. Не любишь, когда правду говорятъ...

— Отстань, говорятъ!—сурово отвѣтилъ Ѳедоръ Минычъ.

— А вотъ и не отстану!.. Не отстану, пока не покоришься.

Ѳедоръ Минычъ сердито плюнулъ въ сторону, а я еще разъ спросилъ, въ чемъ дѣло.

— О легкой грамотѣ споримся,—отвѣтила Марѳа Егоровна,—то-есть, Минычъ спорится...

— Нечего тутъ и спорить, — вступился Ѳедоръ Минычъ, махнувъ рукой.—Марѳа Егоровна говоритъ, что новыя земскія школы ничего не стоятъ, а я говорю, что ихняя раскольничья учеба ничего не стоитъ. Только напрасно ребятъ мучаютъ... Цѣлый годъ надо просидѣть съ указкой, чтобы научиться читать. Да и то рѣдко случается... А въ земской школѣ выучатъ въ одинъ мѣсяцъ и читать, и писать. Знаемъ мы ваши раскольничьи „азы“. Смѣшно про нихъ и говорить-то.

— Кому смѣшно, а кому и полсмѣха нѣтъ, — задорно отвѣчала Марѳа Егоровна.

Digitized by Google

— Второе дѣло — своихъ-то учениковъ ты какъ обхаживаешь лѣстовкой? И за ухо схватишь, и за вихры, и на поклоны поставишь. А въ земской школѣ никто пальцемъ не смѣетъ тронуть...

— Такъ, такъ... А самъ-то какъ дралъ въ школѣ своихъ учениковъ?

— Не я дралъ, а такое темное время было... Каждое дѣло изъ-подъ палки. А теперь — шабашъ... Честь честью все стараются сдѣлать, кромѣ васъ, мастерицъ. Вы и дѣвочекъ не стыдитесь сѣчь... Ну-ка, отопрись?

— Нечего мнѣ отпираться: за дѣло и дѣвчонку высѣку..,

— Вотъ, вотъ... А потомъ дѣвчонка-то вырастетъ большая, такъ тебѣ же и стыдно будетъ съ ней встрѣтиться.

Марѳа Егоровна разсердилась, потому что ее, богатую и уважаемую мастерицу, смѣлъ выкорить какой-то разнесчастный пріисковый каморникъ. Вѣроятно, она обругала бы Ѳедора Миныча, если бы ее не стѣсняло мое присутствіе.

— Видно, тебя мало драли, Минычъ, когда учился,— замѣтила она обидчиво.—Вотъ и говоришь разныя пустыя слова...

Она присѣла на обрубокъ дерева и заговорила уже другимъ тономъ:

— Мы ребятъ своихъ наказываемъ не отъ злости, а чтобы не баловались. Вырастетъ большой-то, такъ

Digitized by Google

мнѣ же спасибо скажетъ за правильную науку. А ваша легкая грамота ни къ чему... Вышелъ изъ школы—и все позабылъ. До порога вся ваша легкая грамота... Взять хоть тѣхъ же вашихъ земскихъ дѣвчонокъ,—ну, къ чему ей грамота? Такъ, одно баловство: съ чѣмъ пришла въ школу—съ тѣмъ и ушла. Однимъ словомъ, ничего ты, Минычъ, не понимаешь.

Тутъ обидѣлся ужъ Ѳедоръ Минычъ.

— Я не понимаю? Ну-ка, скажи, чего я не понимаю?

— А вотъ это самое... Бывалъ на нашихъ старообрядческихъ могильникахъ?

— Ну?

— Ваше православное кладбище всегда пустое. Снесли упокойничка и позабыли. Кто-кто завернетъ въ Радоницу или въ Христово Воскресеніе похристосоваться краснымъ яичкомъ. И дѣлать на вашемъ кладбищѣ нечего... А нашъ могильникъ не пустуетъ. Когда угодно пройди, всегда увидишь кого-нибудь... Наши-то бабы, какъ пчелки, около своихъ родныхъ могилокъ вьются. Наша-то баба не съ пустыми руками придетъ, а выправитъ все—и канунъ прочитаетъ надъ могилкой, и ладономъ покадитъ, и могилку обрядитъ. А ваша земская баба бродитъ на своемъ кладбищѣ, какъ слѣпая овца. Повоетъ, повоетъ, — тѣмъ дѣло и кончится, а настоящаго-то ничего и нѣтъ.

— Ну, а дальше что?

— Есть и дальше... Моя-то выученица и дома себѣ

532427

Digitized by Google

всегда праздникъ устроитъ—которое почитаетъ, которое споетъ, которое про себя скажетъ. Вотъ она и съ праздникомъ, миленькая... И мастерицу помянетъ на молитвѣ, и на могилкѣ у меня поплачетъ, и кацеей покадитъ, когда помру.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ смотрителя Семена Иваныча. Марѳа Егоровна отправились съ нимъ въ контору, а я остался на крылечкѣ съ Ѳедоромъ Минычемъ.

— Ну, что Ѳедоръ Минычъ?—спросилъ я.—Какъ вы думаете относительно того, что сейчасъ говорила Марѳа Егоровна?

— Да по ихнему-то, по-раскольничьи, все какъ-будто и правильно, а по нашему какъ-будто и не выходитъ... А относительно легкой земской грамоты даже и совсѣмъ напрасно. Развѣ можно сравнивать?

На другой день, рано утромъ я уѣхалъ съ пріиска и навсегда простился съ Ѳедоромъ Минычемъ.

Digitized by Google

Въ Каменномъ колодцѣ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Васька ѣдетъ на дачу!..—пронеслось по двору, гдѣ играли дѣти разныхъ возрастовъ.—Васька ѣдетъ!..

Это кричалъ взъерошенный мальчикъ лѣтъ восьми, выскочившій на дворъ, несмотря на холодный апрѣльскій день, въ одной рубахѣ, босикомъ и безъ шапки.

— А вотъ и врешь, Колька,—отозвалась дѣвочка лѣтъ семи, тоже босикомъ, съ запачканнымъ личикомъ. Мамка сказывала, что тетка Матрена ѣдетъ съ господами въ деревню, а не на дачу.

— Это все одно,—сказалъ Колька.

— А вотъ и не все одно...

— Говорятъ: все одно.

— Н-ѣтъ...

Чтобы доказать упрямой дѣвочкѣ, что дача и деревня одно и то же, Колька подскочилъ къ ней и

Digitized by Google

довольно больно толкнулъ въ спину, такъ что дѣвочка едва удержалась на ногахъ и заплакала.

— Анютка, а ты его сама ударь, — совѣтовалъ кто-то изъ толпы, окружавшей спорившихъ.

Но Анютка не желала драться, а только терла глаза грязнымъ кулачкомъ. Для городскихъ дѣтей, выросшихъ на дворѣ и не бывавшихъ дальше ближайшей мелочной лавочки, дача и деревня представляли пустыя слова, разница которыхъ заключалась только въ звукахъ. Можетъ быть, тетка Матрена, мать Васьки, дѣйствительно, соврала... Кухарки ѣздятъ съ господами только на дачи. Горячій споръ этой дворовой дѣтворы былъ прерванъ появленіемъ самого героя, Васьки, курносаго, бѣлокураго мальчика, всего меньше походившаго на героя. Онъ былъ одѣтъ, какъ и другія дѣти, т.-е. въ одну грязную ситцевую рубашонку.

— Ну, Васька, говори всю правду, а то побьемъ,— предупредилъ кто-то на всякій случай.—Въ деревню ѣдешь или на дачу?

— Въ деревню...—довольно равнодушно отвѣтилъ Васька, вытирая носъ рукавомъ своей рубашонки.— Мамка говоритъ...

Вся эта сцена происходила во дворѣ громаднаго пяти-этажнаго дома. Дворъ походилъ на глубокій каменный колодецъ, и солнце заглядывало въ него только лѣтомъ. Цѣлый день на этомъ дворѣ толклась дѣтвора, ухитряясь изъ ничего придумать себѣ игры и дѣтскія забавы. Дѣтей набиралось человѣкъ двадцать. Все

Digitized by Google

это были обитатели подваловъ и чердаковъ или дѣти господской прислуги. Послѣднихъ, впрочемъ, было очень немного, потому что господа не любили держать прислугъ съ дѣтьми. Сынъ кухарки, Васька, представлялъ въ своемъ родѣ исключеніе. Забіяка Колька, первый драчунъ, былъ сынъ прачки; побитая имъ Анютка—дочь сапожника, жившаго въ подвалѣ. Тутъ же проводили свое время дѣти двухъ швейцаровъ и шести подручныхъ дворниковъ.

Всѣ пять этажей были заняты господскими квартирами. Изъ большихъ оконъ этихъ квартиръ постоянно смотрѣли на дворъ блѣдныя личики барскихъ дѣтей. Всѣ эти Зизи, Мими, Коко, Сержики и Жоржики съ завистью наблюдали, какъ веселится на дворѣ босоногая дѣтвора. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть лучше, какъ выбѣжать босому, въ одной рубашонкѣ на дворъ и вмѣшаться въ эту пеструю ребячью толпу...

— Что вы тамъ сидите, какъ мухи?—вызывающе кричалъ имъ озорникъ Колька и показывалъ языкъ. — Идите къ намъ... Вотъ какъ отлично вздуемъ!..

Блѣдныя личики конфузливо прятались, а Колька грозилъ имъ кулакомъ.

Если была хорошая погода, что въ Петербургѣ случается не часто, то послушныхъ и прилежныхъ дѣтей изъ господскихъ квартиръ выводили на прогулку. Озорникъ Колька пользовался этимъ случаемъ, чтобы устроить „нѣженкамъ“ какую-нибудь каверзу. Онъ поджидалъ ихъ за воротами, а потомъ бѣжалъ нав-

Digitized by Google

стрѣчу и, какъ-будто нечаянно, толкалъ локтемъ или колѣнкой.

— Ахъ, извините, барчукъ,—оправдывался онъ.—Я сегодня на одинъ бокъ наѣлся и не могу ходить прямо...

Но за эти продѣлки Колькѣ иногда приходилось жестоко расплачиваться. Сѣдой швейцаръ Иванъ Митричъ, всегда стоявшій у главнаго подъѣзда, иногда ловилъ Кольку на мѣстѣ преступленія, хваталъ за ухо и съ позоромъ уводилъ на дворъ.

— Ахъ, ты, озорникъ этакій!.. Вотъ я тебѣ покажу, какъ господскихъ дѣтей обижать!

Колька не плакалъ, не кричалъ и никому не жаловался, а только старался въ слѣдующій разъ не попадаться на глаза Ивану Митричу. Въ сущности, онъ не былъ злымъ мальчикомъ, а просто его одолѣвала дѣтская шаловливость отъ избытка силъ.

II.

Васькины господа уѣхали въ деревню въ половинѣ апрѣля, когда въ Петербургѣ наступила холодная и сырая весна. Передъ самымъ отъѣздомъ Васьки, Колька побилъ его безъ всякой причины.

— Ты зачѣмъ дерешься?—удивился даже Васька, привыкшій къ побоямъ съ ранняго дѣтства.

— А вотъ затѣмъ... Пріѣдешь въ деревню и скажи деревенскимъ мальчишкамъ, какъ тебя вздулъ городской

Digitized by Google

Колька, и что онъ ихъ всѣхъ тоже вздуетъ. У насъ, братъ, по-питерски...

Колькѣ было завидно, что Васька куда-то уѣзжаетъ, и онъ возненавидѣлъ его. Конечно, господа не поѣдутъ въ худое мѣсто, и Васька все лѣто будетъ жить по-господски. Свой дворъ теперь казался Колькѣ и темнѣе, и грязнѣе, чѣмъ раньше. Ему дѣлалось душно въ этомъ каменномъ колодцѣ.

— А какъ Васька пріѣдетъ изъ деревни, я его вздую на всѣ корки, утѣшалъ себя Колька.—Баринъ какой выискался,—туда же, въ деревню...

Громадный каменный домъ быстро пустѣлъ. Всѣ господа торопились переѣзжать на свои дачи. Въ окнахъ уже не показывались блѣдныя личики господскихъ дѣтей,—всѣ Жоржики, Зизи и Мими уѣхали дышать свѣжимъ загороднымъ воздухомъ. Колька злился. О, какъ бы онъ приколотилъ всѣхъ этихъ барчатъ, если бы они попались ему въ руки... Колька дѣлался несправедливымъ, потому что завидовалъ, потому что ему дѣлалось душно на днѣ каменнаго колодца, потому что, какъ ему начинало казаться, именно на-зло ему другія дѣти пользовались всѣми благами жизни.

Дно каменнаго колодца—двора являлось настоящей ареной для неистощимой дѣтской изобрѣтательности. Кажется, что можно было устроить на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ саженъ, а дѣти устраивались. Зимой главнымъ матеріаломъ для вся-

Digitized by Google

ческихъ игръ служилъ снѣгъ, изъ котораго устраивали горки для катанья, лѣпили снѣжныхъ бабъ и т. п. Ранней весной, когда таялъ снѣгъ, проводились ручейки, а у отверстія водосточной канавы Колька ухитрился поставить даже маленькую деревянную мельницу. Лѣтомъ всѣ игры сосредоточивались около полѣнницы дровъ и кучи песку, служившаго для посыпки тротуаровъ. Трогательно было смотрѣть, какъ крошечныя дѣвочки устраивали изъ этого песку грядки и садили въ нихъ выдернутыя изъ дворницкой метлы прутья. Каждый кирпичъ, каждый камень тоже служили матеріаломъ для постройки. Но — увы, — всѣ произведенія созидающаго дѣтскаго генія каждое утро уничтожались метлой дворника. Но дѣтское терпѣніе было неистощимо, и вмѣсто уничтожаемыхъ крѣпостей, городовъ, домовъ и садовъ въ теченіе одного лѣтняго дня воздвигалось все снова.

— Ахъ, и народецъ только!—ворчали дворники, выметая всю дѣтскую работу.—И откуда только натащатъ всякаго хлама? Настоящіе разбойники... А того не подумаютъ, идолы: вдругъ на дворъ околодочный... „Это што-о у васъ... а?!..“ Тутъ, братъ, всѣмъ на орѣхи достанется изъ-за вашего брата, босоногая команда!

Случалось нерѣдко и такъ, что дворники не ограничивались одними словами и наказывали виноватыхъ своими средствати, т.-е. драли за вихры, рвали за уши, давали подзатыльники. Дѣлалось это, конечно,

Digitized by Google

не со злости, а „для порядку“, чтобы дворовые ребята чувствовали, что есть такое петербургскій дворникъ. Швейцаръ Иванъ Митричъ вполнѣ одобрялъ такое поведеніе и объяснялъ по-своему такъ:

— Что же, ежели, напримѣръ, эти самые ребята вырастутъ безстрашными галманами? Каждый человѣкъ долженъ, непремѣнно, кого-нибудь бояться. Я, напримѣрно, долженъ бояться домоваго управляющаго, домовый управляющій—домовладѣльца, дворники—околодочнаго, а ребята, ежели на дворѣ,—дворниковъ. Вотъ и вся музыка. Очень даже просто...

Что такое значило „безстрашный галманъ“ все-таки оставалось неизвѣстнымъ.

Дѣти постарше выбѣгали на улицу и заводили здѣсь свои шалости, постоянно рискуя попасть подъ лошадь и получая отъ прохожихъ тумаки и ругань. Самые смѣлые добѣгали до угла улицы, гдѣ былъ устроенъ крошечный сквэръ. Улица, обставленная громадными домами, походила на какое-то ущелье, и чахлыя деревья въ сквэрѣ напрасно тянулись кверху за свѣтомъ и теплом. Они походили на городскую уличную дѣтвору: такія же испитыя, тощія, съ какими-то зелеными лохмотьями вмѣсто листвы, и такія же грязныя отъ уличной пыли.

Этотъ сквэръ являлся для бѣдной уличной дѣтворы завѣтнымъ уголкомъ, но лиха-бѣда заключалась въ томъ, что въ сквэръ пускали только хорошо одѣтыхъ дѣтей, являвшихся сюда въ сопровожденіи своихъ

Digitized by Google

нянекъ и горничныхъ. Они такъ весело играли на круглой площадкѣ сквэра, а бѣдныхъ оборвышей не подпускали даже къ желѣзной рѣшеткѣ сквэра. Колька дѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ попытокъ прорваться въ этотъ завѣтный уголокъ, но былъ изгоняемъ отсюда стоявшимъ на посту городовымъ.

— Куда лѣзешь, чумазый?.. Развѣ не видишь, что тутъ господскія дѣти играютъ.

Колька въ такихъ случаяхъ вспоминалъ Ваську, который дышалъ свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, и клялся про себя, что вздуетъ его.

III.

Наступило лѣто, жаркое, душное, томительное. Отъ накаленныхъ каменныхъ домовъ и мостовой такъ и пыхало удушливымъ зноемъ. Главное несчастіе составляла уличная пыль, висѣвшая въ воздухѣ. Благодаря ей, по вечерамъ закатывавшееся солнце казалось багровымъ, раскаленнымъ до-красна шаромъ. Даже дождь мало освѣжалъ воздухъ, производя томящую испарину. Всѣ дѣти пріуныли какъ растенія, которыя забыли во-время полить. Они вяло бродили по двору, а днемъ, въ самую жаркую пору, играли гдѣ-нибудь по чернымъ лѣстницамъ, гдѣ всегда было прохладно и сыро. Всѣ были такія блѣдныя, изнуренныя, жалкія.

— Эй, Колька, будетъ тебѣ баклуши бить!—кри-

Digitized by Google

чалъ изъ подвальнаго окна сапожникъ.—Пора, братъ, и за работу приниматься...

Колькѣ эти любезныя приглашенія совсѣмъ не нравились, и онъ показывалъ сапожнику языкъ.

— Погоди, пострѣлъ, вотъ я ужо доберусь до тебя!—грозилъ сапожникъ.

Онъ уже нѣсколько разъ говорилъ съ матерью Кольки, чтобы она отдала сына къ нему въ ученье.

— Человѣкомъ будешь,—убѣждалъ онъ.—Лучше нашего ремесла нѣтъ. И всегда работа, потому какъ сапоги, братъ, первое дѣло.

Мать Кольки, вдова прачка, сама думала, что давно пора отдать сына куда-нибудь въ ученье, но боялась такихъ учителей, какъ сапожникъ. Она достаточно насмотрѣлась на такую науку, когда учениковъ морили голодомъ и били, чѣмъ ни попадя. Жалѣла она крѣпко своего Кольку, хотя и былъ онъ сорванецъ. Съ другой стороны, мальчишка росъ безъ всякаго дѣла и могъ избаловаться.

— Вотъ какъ избалуется,—увѣрялъ ее сапожникъ.— Потомъ и управы съ нимъ не будетъ... Говорю: человѣкомъ будетъ.

Долго крѣпилась бѣдная женщина, а потомъ рѣшила отдать Кольку въ науку.

Это случилось какъ разъ въ срединѣ самаго лѣта, когда Колька попалъ въ мастерскую сапожника. Онъ былъ огорченъ и ничего не говорилъ.

— Первое дѣло, ты не будешь объѣдать родную

Digitized by Google

мать,—объяснялъ ему сапожникъ.—А второе, будешь одѣтъ. У меня, братъ, такое положенье... У матери-то вонъ ужъ руки болятъ отъ работы, пора и тебѣ ей помогать.

Теперь Колька могъ наблюдать за игравшими на дворѣ дѣтьми только изъ подвальнаго окошка мастерской. Его костюмъ [попрежнему состоялъ] изъ одной рубахи, а питаться приходилось картошкой со шкварками. Сапогъ ученикамъ не полагалось, потому что, по убѣжденію сапожника, отъ сапогъ бываютъ только мозоли. Работа у сапожника для Кольки была, собственно, нетрудная. Онъ сучилъ верву, мочилъ кожу, бѣгалъ въ лавочку и, вообще, былъ на побѣгушкахъ; но скверно было то, что за малѣйшую провинность сапожникъ нещадно билъ своихъ учениковъ шпандыремъ, т.-е. толстымъ ремнемъ.

— Человѣкомъ, негодяй, будешь!—говорилъ сапожникъ, производя свою расправу.

Колька какъ-то сразу притихъ, отупѣлъ и рѣшилъ про себя, что онъ непременно убѣжитъ отъ такой науки. Сначала у него было желаніе сдѣлаться человѣкомъ, но оно постепенно уменьшалось.

„Убѣгу“...—думалъ Колька.

Куда бѣжать—Колька не зналъ, потому что дальше своей улицы нигдѣ не бывалъ, но это желаніе въ немъ росло и крѣпло съ каждымъ днемъ. Сапожникъ, въ свою очередь, отлично зналъ, какъ бѣгаютъ новички-ученики, и зорко слѣдилъ за Колькой.

Digitized by Google

— Ты у меня смотри,—предупреждалъ его сапожникъ.—Я тебя пою, кормлю, я съ тебя и шкурку сниму, ежели, напримѣръ, что-нибудь неподобное. Меня-то вотъ какъ били, когда въ наукѣ былъ... Хе-хе! Мѣста живого не осталось...

Всѣ эти рѣчи являлись плохимъ утѣшеніемъ, и Колька рѣшилъ, непремѣнно, бѣжать. Все равно, хуже не будетъ. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ онъ сильно похудѣлъ, ходилъ весь запачканный ваксой, волосы на головѣ стояли какими-то клочьями, какъ на крашеномъ мѣху. Но для того, чтобы бѣжать, нужно было имѣть запасъ хлѣба, т.-е. корочекъ, которыя онъ сберегалъ отъ ѣды. Колька теперь постоянно голодалъ и отлично понималъ, что безъ хлѣба далеко не уйдешь. Потомъ и въ одной рубахѣ бѣжать было тоже неспособно. Но мать какъ-то сколотилась и подарила Колькѣ рваный пиджачокъ, купленный по случаю у татарина. Именно только этого и недоставало Колькѣ. О сапогахъ онъ не мечталъ, но зато могъ выбрать по своему вкусу любыя опорки.

Но какъ разъ, дѣло было уже осенью, когда Колька рѣшился привести въ исполненіе свой завѣтный планъ, кухарка Матрена привела въ ученье къ сапожнику своего сына Ваську.

— Возьми ты его Христа ради,—умоляла она.—Въ деревнѣ совсѣмъ избаловался. Способа съ нимъ нѣтъ.

Digitized by Google

IV.

Въ первую минуту Колька даже не узналъ своего стараго пріятеля Ваську, такъ сильно послѣдній измѣнился за лѣто.

— Да ты весь распухъ, Васька,—удивлялся Колька и даже пощупалъ пріятеля.—Ишь, какъ отъѣлся, точно... точно нашъ старшій дворникъ. Щеки-то, щеки-то такъ и трясутся!

Васька, дѣйствительно, вернулся изъ деревни настоящимъ здоровякомъ, даже съ румянцемъ на щекахъ, чего петербургской дворовой дѣтворѣ ужъ совсѣмъ не полагалось. Васькѣ даже самому сдѣлалось совѣстно за свое чисто деревенское здоровье, и онъ какъ-то особенно глупо улыбнулся.

— Ничего, которое комариное сало наросло въ деревнѣ, такъ мы его живой рукой выпустимъ,— успокоивалъ сапожникъ.—У насъ некогда брюшину здѣсь распускать.

Колька долго не могъ успокоиться. Совсѣмъ другой Васька, а не тотъ, котораго онъ еще недавно колотилъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Теперь, пожалуй, Васька и самъ сдачи дастъ. Послѣднее предположеніе не замедлило оправдаться, когда Колька хотѣлъ еще разъ убѣдиться въ толщинѣ Васькина живота,— онъ быстро полетѣлъ на полъ и получилъ нѣсколько здоровыхъ тумаковъ. Сапожникъ хохоталъ до слезъ.

— Ну-ка, Вася, еще залѣпи озорнику Колькѣ...

Digitized by Google

Ха-ха! А ты, Колька, не приставай впередъ. Ишь, какъ онъ разбухъ отъ деревенскаго вольнаго воздуха. Погоди, когда воздухъ-то весь выйдетъ изъ него, ну, тогда и озорничай...

Сапожникъ былъ, какъ говорилъ о немъ швейцаръ Иванъ Митричъ, какой-то „несообразный человѣкъ". То онъ былъ съ учениками за панибрата, то начиналъ ни съ того, ни съ сего придираться и проявлять свою хозяйскую власть. Послѣднее случалось, когда у него „таяло" въ головѣ послѣ вчерашней выпивки, и ему начинало казаться, что его рѣшительно никто не уважаетъ, а всего больше не уважаютъ собственные ученики.

Я вамъ всѣмъ покажу, каковъ есть человѣкъ Поликарпъ Гавриловичъ Чумаевъ! — кричалъ онъ, размахивая руками.—Мнѣ и старшій дворникъ наплевать... Самому околодочному недавно подметки выправилъ въ лучшемъ видѣ. Да...

— Охъ, не пугай!—шутилъ Иванъ Митричъ.—Вотъ только надъ землей-то тебя не много видно, а значитъ, все остальное подъ землей...

Подгулявшій сапожникъ успокаивался только тогда, когда бралъ къ себѣ на колѣни свою дочь Анютку, для которой у него ничего не было завѣтнаго. „Одна дочь, какъ бѣльмо въ глазу"...—говорилъ Чумаевъ.

Возвращеніе Васьки изъ деревни произвело среди дворовой дѣтворы большое волненіе. Стояла уже осень, дождь неудержимо лилъ цѣлыми днями, и дѣти свои

Digitized by Google

игры перенесли на черныя лѣстницы. Поступившаго въ ученики къ сапожнику можно было видѣть только мелькомъ, когда онъ босой и безъ шапки летѣлъ черезъ дворъ куда-нибудь въ мелочную лавку.

— Эй, Васька, постой!—кричали ему въ догонку.— Васька, разскажи про деревню..·

— Некогда!—на ходу отвѣчалъ Васька, исчезая въ воротахъ.

Свободный день у Васьки былъ только въ воскресенье и то, если не было срочной работы. Вотъ въ одно изъ такихъ воскресеній Васька, наконецъ, показался на дворѣ. Онъ былъ въ бѣломъ сапожническомъ фартукѣ и въ опоркахъ. Дѣти окружили его со всѣхъ сторонъ и всячески тормошили. Васька немного важничалъ и не вдругъ принялся разсказывать.

— Что́ деревня, просто избы стоятъ...

— А что такое изба?

— А это... ну, вотъ въ томъ родѣ, какъ нашъ дровяной сарай, только съ печкой. Ну, и огородъ при этомъ.

— А огородъ что такое?

— Ну, значитъ: гряды накопаны, а на грядахъ всякая овоща насажена: капуста, рѣпа, горохъ, морковь. Мужикъ не побѣжитъ въ мелочную лавочку, потому какъ все у него свое. У него и хлѣбъ свой... да.

Понятіе объ избѣ и огородѣ кое-какъ укладывалось въ головахъ слушателей Васьки, но что такое „свой хлѣбъ“,— они никакъ не могли понять.

Digitized by Google

— Это, значитъ, у каждаго мужика своя мелочная лавочка?— догадывался Колька.— Сколько захотѣлъ, столько и отрѣзалъ ситнаго или ржаного.

— Ну, вотъ и нѣтъ,— объяснялъ Васька уже съ видомъ спеціалиста.—Муку видалъ?

— Слава Богу, достаточно насмотрѣлся... Постоянно клестеръ варимъ изъ муки для подметокъ.

— Ну, мука дѣлается изъ зерна...

— Изъ зерна кашу варятъ, ты не ври, пожалуйста...

— Зерно, зерну рознь, Колька... Тамъ греча — одно, ячмень—другое. Ну, изъ нихъ кашу и варятъ. А хлѣбъ это совсѣмъ наоборотъ: первое дѣло—рожь, потомъ пшеница... Изъ ржи мелютъ на мельницѣ ржаную муку, а изъ пшеницы—пшеничную. Вотъ тебѣ и свой хлѣбъ выйдетъ...

Васькѣ пришлось разъ пять объяснять одно и то же; но городскія дѣти, не видавшія ни пашни, ни колоса, ничего не могли понять.

— Вы просто дураки!—въ отчаяніи рѣшилъ Васька.

V.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ Ваську заставляли разсказывать о деревнѣ, и съ каждымъ разомъ недовѣріе къ нему росло все сильнѣе. Городскія дѣти, не бывавшія никогда за городомъ, никакъ не

Digitized by Google

могли себѣ представить, что такое лѣсъ, пашня и т. д. Васька выбивался изъ силъ, стараясь объяснить все, что видѣлъ, но изъ этого ничего не выходило.

Дерево-то во какое, повыше нашего дома будетъ... А въ лѣсу даже днемъ темно.

— Кто-же его садилъ лѣсъ-то?—коварно спрашивалъ Колька.

— Никто не садилъ, а самъ выросъ.

— Ну, это ужъ ты врешь!.. Я своими глазами видѣлъ, какъ садили деревья въ сквэрѣ. Ямку выкопаютъ, а потомъ дворники привезутъ дерево и посадятъ въ ямку, засыплютъ землей, польютъ водой, колышекъ воткнутъ и къ колышку веревкой привяжутъ.

Дѣти не знали разницы между березой и сосной, не говоря о другихъ лѣсныхъ породахъ, и смѣялись надъ Васькой. Какое же это дерево, которое и зимой стоитъ зеленое.

— Врешь ты все, Васька...

— Ей Богу, не вру! Ну, вотъ сейчасъ провалиться... Своими глазами все видѣлъ. Сосна вó какая высокая, елка вó какая высокая... А дворниковъ въ деревнѣ никакихъ нѣтъ. Всякій въ своемъ дому дворникъ.

— Послѣднее было уже совсѣмъ невѣроятно. Ну, какой же домъ безъ дворника? Ваську поднимали на смѣхъ и изводили всячески. Особенно донимали его просьбами не врать, а говоритъ правду. Васька божился, колотилъ себя въ грудь кулаками, но не могъ

Digitized by Google

Дерево-то во какое, повыше нашего дома будетъ.

Digitized by Google

разсказать другого, кромѣ того, что видѣлъ собственными глазами.

— Да ей Богу же!.. Ахъ, Господи...

— Васенька, миленькій, не ври...

— Я?.. Да вотъ сейчасъ провалиться на самомъ этомъ мѣстѣ...

Относительно лѣса ребята еще соглашались съ Васькой, хотя и не совсѣмъ. Ну, что же, ежели высокое дерево выросло безъ дворниковъ,—это дѣтская фантазія еще допускала. Мѣрой для этого пониманія служили тахлыя деревца въ сквэрѣ, притянутыя къ выкрашеннымъ зеленой краской палкамъ веревками, точно преступники. Но вотъ „свой хлѣбъ„—это было уже выше дѣтскаго пониманія.

— А солому видали?—спрашивалъ Васька.

— Очень просто: желтая колючая... Ей матрацы набиваютъ.

— Ну, а на каждой соломинѣ колосъ, а въ колосѣ зерна, а изъ зеренъ муку смелютъ...

— Васька, не ври?.. Это сколько же надо твоихъ колосьевъ, чтобы одинъ фунтъ ситнаго вышло?

— А столько, сколько надо?

— Цѣлаго воза соломы не хватитъ... Что-нибудь да не такъ.

— Ничего вы не понимаете!..

— А ты еще приври...

— Кончилось дѣло тѣмъ, что Васька обидѣлся и

Digitized by Google

пересталъ разсказывать о деревнѣ. Но это повело только къ новымъ обидамъ и насмѣшкамъ.

— Ну, Васька, соври еще что-нибудь про деревню!

— Васька—лгунъ!..

Особенно озлобился на него Колька и преслѣдовалъ на каждомъ шагу, а въ заключеніе пребольно поколотилъ.

— А вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!—выкрикивалъ Колька отдѣлывая впереду.—А Васька не ври... Не обманывай публику...

— Колька, валяй его!—поощряли другіе.

* * *

Время шло. Васька превратился въ настоящаго сапожника. Колька служилъ у него подмастерьемъ. Сидя за своей безконечной работой, Васька часто думалъ о свой единственной поѣздкѣ въ деревню, и ему самому начинало казаться, что это былъ какой-то сонъ.

Digitized by Google

Богачъ и Еремка.

Разсказъ.

I.

Еремка, сегодня будетъ пожива, сказалъ старый Богачъ, прислушиваясь къ завывавшему въ трубѣ вѣтру. — Вонъ какая погода разыгралась.

Еремкой звали собаку, потому что она когда-то жила у охотника Еремы. Какой она была породы, — трудно сказать, хотя на обыкновенную деревенскую дворняжку и не походила. Высока на ногахъ, лобаста, морда острая, съ большими глазами. Покойный охотникъ Ерема не любилъ ея за то, что у нея одно ухо „торчало пнемъ“, а другое висѣло, и потомъ за то, что хвостъ у нея былъ какой-то совсѣмъ необык-

Digitized by Google

новенный—длинный, пушистый и болтавшійся между ногъ, какъ у волка. Къ Богачу она попала еще щенкомъ и потомъ оказалась необыкновенно умной.

— Ну, твое счастье,— посмѣивался Еремка.— И шерсть у нея хороша, точно вотъ сейчасъ изъ лужи вылѣзла. Тоже и песъ уродился... Ужъ видно намъ на роду написано вмѣстѣ жить. Два сапога—пара.

Охотникъ Ерема, до извѣстной степени, былъ правъ. Дѣйствительно, существовало какое-то неуловимое сходство между Богачемъ и Еремкой. Богачъ былъ высокаго роста, сутуловатъ, съ большой головой и длинными руками, и весь какой-то сѣрый. Онъ всю жизнь прожилъ бобылемъ. Въ молодости былъ деревенскимъ пастухомъ, а потомъ сдѣлался сторожемъ. Послѣднее занятіе ему нравилось больше всего. Лѣтомъ и зимой онъ караулилъ сады и огороды. Чего-же лучше: своя избушка, гдѣ всегда тепло; сытъ, одѣтъ, и еще кое-какая прибыль навертывалась. Богачъ умѣлъ починять ведра, ушаты, кадочки, мастерилъ бабамъ коромысла, плелъ корзины и лапти, вырѣзывалъ изъ дерева ребятамъ игрушки. Однимъ словомъ, человѣкъ безъ работы не оставался и лучшаго ничего не желалъ. Богачемъ его почему-то назвали еще съ дѣтства, и эта кличка осталась на всю жизнь.

Снѣжная буря разыгрывалась. Нѣсколько дней уже стояли морозы, а вчера оттеплѣло, и началъ падать мягкій снѣжокъ, который у охотниковъ называется „порошей“. Начинавшую промерзать землю

Digitized by Google

порошило молодымъ снѣжкомъ. Поднявшійся къ ночи вѣтеръ началъ заметать канавы, ямы, ложбинки.

— Ну, Еремка, будетъ намъ сегодня съ тобой пожива... повторилъ Богачъ, поглядывая въ маленькое оконце своей сторожки.

Собака лежала на полу, положивъ голову между переднихъ лапъ, и въ отвѣтъ слегка вильнула хвостомъ. Она понимала каждое слово своего хозяина и не говорила только потому, что не умѣла говорить.

Было уже часовъ девять вечера. Вѣтеръ то стихалъ, то поднимался съ новой силой. Богачъ, не торопясь, началъ одѣваться. Въ такую погоду непріятно выходитъ изъ теплой сторожки; но ничего не подѣлаешь, если ужъ такая служба. Богачъ считалъ себя чѣмъ-то вродѣ чиновника надъ всѣми звѣрями, птицами и насѣкомыми, нападавшими на сады, огороды. Онъ воевалъ съ капустнымъ червемъ, съ разными гусеницами, портившими фруктовыя деревья, съ воробьями, галками, скворцами, дроздами-рябинниками, съ полевыми мышами, кротами и зайцами. И земля, и воздухъ были наполнены врагами, хотя большинство на зиму умирало или засыпало по своимъ норамъ и логовищамъ. Оставался только одинъ врагъ, съ которымъ приходилось Богачу воевать, главнымъ образомъ, именно зимой. Это были зайцы...

— Какъ поглядѣть—такъ одинъ страхъ въ емъ, въ зайцѣ,—разсуждалъ Богачъ, продолжая одѣваться.— А самый вредный звѣрь... Такъ, Еремка? И хитрый-

Digitized by Google

прехитрый... А погодка-то какъ разгулялась: такъ и мететъ. Это ему, косому, самое первое удовольствіе...

Нахлобучивъ шапку изъ заячьяго мѣха, Богачъ взялъ длинную палку и сунулъ за голенище валенокъ, на всякій случай, ножъ. Еремка сильно потягивался и зѣвалъ. Ему тоже не хотѣлось идти изъ теплой избушки на холодъ.

Сторожка Богача стояла въ углу громаднаго фруктоваго сада. Сейчасъ за садомъ начинался крутой спускъ къ рѣкѣ, а за рѣкой синѣлъ небольшой лѣсокъ, гдѣ, главнымъ образомъ, гнѣздились зайцы. Зимой зайцамъ нечего было ѣсть, и они перебѣгали черезъ рѣку къ селенью. Самымъ любимымъ мѣстомъ для нихъ были гумна, окруженныя хлѣбными кладями. Здѣсь они кормились, подбирая упавшіе со стоговъ колосья, а иногда забирались въ самыя клади, гдѣ для нихъ было ужъ настоящее раздолье, хотя и не безъ опасности. Но всего больше нравилось зайцамъ полакомиться въ фруктовыхъ садахъ молодыми саженцами и побѣгами яблоней, сливъ и вишни. Вѣдь у нихъ такая нѣжная и вкусная кора, не то что на осинѣ или другихъ деревьяхъ. Въ одинъ удачный набѣгъ зайцы портили иногда цѣлый садъ, несмотря на всѣ предосторожности. Только одинъ Богачъ умѣлъ съ ними справляться, потому что отлично зналъ всѣ ихъ повадки и хитрости. Много помогалъ старику Еремка, издали чуявшій врага. Кажется, ужъ на что тихо крадется заяцъ по мягкому снѣгу въ своихъ

Digitized by Google

валенкахъ, а Еремка лежитъ у себя въ избушкѣ и слышитъ. Вдвоемъ Богачъ и Еремка много ловили каждую зиму зайцевъ. Старикъ устраивалъ на нихъ западни, капканы и разныя хитрыя петли, а Еремка бралъ прямо зубомъ.

Выйдя изъ избушки, Богачъ только покачалъ головой. Очень ужъ разыгралась погода и засыпала снѣгомъ всѣ его ловушки.

— Видно, придется тебѣ, Еремка, идти подъ гору... говорилъ Богачъ смотрѣвшей на него собакѣ.— Да, подъ гору... А я на тебя погоню зайцевъ. Понялъ? То-то... Я вотъ обойду по загуменьямъ да и шугну ихъ на тебя.

Еремка въ отвѣтъ только слабо взвизгнулъ. Ловить зайцевъ подъ горой было для него самымъ большимъ удовольствіемъ. Дѣло происходило такъ. Зайцы, чтобы попасть на гумна, пробѣгали изъ-за рѣки и поднимались на гору. Обратный путь для нихъ уже шелъ подъ гору. А извѣстно, что заяцъ лихо бѣжитъ въ гору, а подъ гору, въ случаѣ опасности, скатывается кубаремъ. Еремка прятался подъ горой и ловилъ зайца именно въ это время, когда заяцъ ничего не видѣлъ.

— Любишь зайчика-кубаря поймать?—дразнилъ собаку Богачъ.—Ну, ступай...

Еремка повилялъ хвостомъ и медленно пошелъ къ селенью, чтобы оттуда уже спуститься подъ гору. Умная собака не хотѣла пересѣкать заячью тропу.

Digitized by Google

Зайцы отлично понимали, что значатъ слѣды собачьихъ лапъ на ихъ дорогѣ.

— Экая погодка-то, подумаешь!—ворчалъ Богачъ, шагая по снѣгу въ противоположную сторону, чтобы обойти гумна.

Вѣтеръ такъ и гулялъ, разметая кругомъ облака крутившагося снѣга. Даже дыханіе захватывало. По пути Богачъ осмотрѣлъ нѣсколько занесенныхъ снѣгомъ ловушекъ и настороженныхъ петель. Снѣгъ засыпалъ всѣ его хитрости.

— Ишь ты, какая причина вышла—ворчалъ старикъ, съ трудомъ вытаскивая изъ снѣга ноги.—Въ такую непогодь и зайцы по своимъ логовищамъ лежатъ... Только вотъ голодъ-то не тетка: день полежитъ, другой полежитъ, а на третій и пойдетъ промышлять себѣ пропитаніе. Онъ, хоть и заяцъ, а брюхото—не зеркало...

Богачъ прошелъ половину дороги и страшно усталъ. Даже въ испарину бросило. Ежели-бы не Еремка, который будетъ ждать его подъ горой, старикъ вернулся бы въ свою избушку. Ну, ихъ зайцевъ, никуда не дѣнутся. Можно и въ другой разъ охоту устроить. Вотъ только передъ Еремкой совѣстно: обмани его одинъ разъ, а въ другой онъ и самъ не пойдетъ. Песъ умный и прегордый, хоть и песъ. Какъ-то Богачъ побилъ его совсѣмъ напрасно, такъ тотъ потомъ едва помирился. Подожметъ свой волчій хвостъ, глазами моргаетъ и какъ будто ничего не понимаетъ, что ему русскимъ

Digitized by Google

языкомъ говорятъ... Хоть прощенья у него проси,— вотъ какой прегордый песъ. А теперь онъ ужъ залегъ подъ горой и ждетъ зайцевъ.

Обойдя гумна, Богачъ началъ „гонъ“ зайцевъ. Онъ подходилъ къ гумну и стучалъ палкой по столбамъ, хлопалъ въ ладоши и какъ-то особенно фыркалъ, точно загнанная лошадь. Въ первыхъ двухъ гумнахъ никого не было, а изъ третьяго быстро мелькнули двѣ заячьихъ тѣни.

— Ага, косая команда, не любишь!..—торжествовалъ старикъ, продолжая свой обходъ.

И удивительное дѣло,—каждый разъ одно и то же: ужъ, кажется, сколько зайцевъ придавилъ онъ съ Еремкой, а все та же заячья ухватка. Точно и зайцы-то одни и тѣ же. Ну, побѣги онъ, заяцъ, въ поле,— и конецъ. Ищи его, какъ вѣтра въ полѣ. Анъ, нѣтъ, онъ норовитъ непремѣнно къ себѣ домой, за рѣку, а тамъ, подъ горой, его ужъ ждутъ Еремкины зубы ..

Богачъ обошелъ гумна и началъ спускаться съ горы къ рѣкѣ. Его удивило, что Еремка всегда выбѣгалъ къ нему на встрѣчу, а теперь стоялъ какъ-то виновато на одномъ мѣстѣ и, очевидно, поджидалъ его.

— Еремка, да что ты дѣлаешь?

Собака слабо взвизгнула. Передъ ней на снѣгу лежалъ на спинѣ молоденькій зайчикъ и безсильно болталъ лапками.

— Бери его!.. Кусь!.. закричалъ Богачъ.

Digitized by Google

Еремка не двигался. Подбѣжавъ близко, Богачъ понялъ въ чемъ дѣло: молоденькій зайченокъ лежалъ съ перешибленной передней лапкой. Богачъ остановился, снялъ шапку и проговорилъ:

— Вотъ такъ штука, Еремка!..

II.

— Ну, и оказія!..—удивлялся Богачъ, нагибаясь, чтобы получше разсмотрѣть беззащитнаго зайчишку.— Экъ тебя угораздило, братецъ ты мой!.. а? И совсѣмъ еще молоденькій!..

Заяцъ лежалъ на спинкѣ и повидимому оставилъ всякую мысль о спасеніи. Богачъ ощупалъ перешибленную ногу и покачалъ головой.

— Вотъ оказія-то... Еремка, что мы съ нимъ будемъ дѣлать то? Прирѣзать, што ли, чтобы понапрасну не маялся.

Но и прирѣзать было какъ-то жаль. Ужъ, если Еремка не взялъ зубомъ калѣку, посовѣстился, такъ ему, Богачу, подавно совѣстно беззащитную тварь убивать. Другое дѣло, если бы онъ въ ловушку попалъ, а то больной зайчишка,—и только.

Еремка смотрѣлъ на хозяина и вопросительно взвизгивалъ. Дескать, надо что-нибудь дѣлать ..

— Эге, мы вотъ что съ нимъ сдѣлаемъ, Еремка: возьмемъ его къ себѣ въ избушку... Куда онъ хромой-то дѣнется? Первый волкъ его съѣстъ...

Digitized by Google

Богачъ взялъ зайца на руки и пошелъ въ гору. Еремка шелъ за нимъ, опустивъ хвостъ.

— Вотъ тебѣ и добыча...— ворчалъ старикъ...— Откроемъ съ Еремкой заячій лазаретъ... Ахъ, ты, оказія!..

Когда пришли въ избу, Богачъ положилъ зайца на лавку и сдѣлалъ перевязку сломанной лапки. Онъ, когда былъ пастухомъ, научился дѣлать такія перевязки ягнятамъ. Еремка внимательно слѣдилъ за работой хозяина, нѣсколько разъ подходилъ къ зайцу, обнюхивалъ его и отходилъ.

— А ты его не пугай...—объяснялъ ему Богачъ.— Вотъ привыкнетъ, тогда и обнюхивай...

Больной зайчикъ лежалъ неподвижно, точно человѣкъ, который приготовился къ смерти. Онъ былъ такой бѣленькій и чистенькій, только кончики ушей точно были выкрашены черной краской.

— А вѣдь надо его покормить, бѣднягу...—думалъ вслухъ Богачъ.

Но заяцъ упорно отказывался ѣсть и пить.

— Это онъ со страху,—объяснялъ Богачъ.—Ужо завтра добуду ему свѣжей морковки, да молочка...

Въ углу подъ лавкой Богачъ устроилъ зайцу изъ разнаго тряпья мягкое и теплое гнѣздо и перенесъ его туда.

— Ты у меня, Еремка, смотри, не пугай его...— уговаривалъ онъ собаку, грозя пальцемъ.—Понимаешь: хворый онъ...

Digitized by Google

Еремка, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ зайцу и лизнулъ его.

— Ну, вотъ такъ, Еремка... Значитъ, не будешь обижать? Такъ, такъ... Вѣдь ты у меня умный песъ, только вотъ сказать не умѣешь. Съ насъ будетъ и здоровыхъ зайцевъ.

Ночью Богачу плохо спалось. Онъ все прислушивался, не крадется ли къ зайцу Еремка. Хоть и умный песъ, а все-таки песъ, и полагаться на него нельзя. Какъ разъ сцапаетъ...

— Ахъ, ты, оказія...—думалъ Богачъ, ворочаясь съ боку на бокъ.—Ужъ, кажется, достаточно наглядѣлся на зайцевъ... Не одну сотню ихъ переколотилъ, а вотъ этого жаль. Совсѣмъ, вѣдь, глупый еще... несмышленышъ...

И во снѣ Богачъ видѣлъ загубленныхъ имъ зайцевъ. Онъ даже просыпался и прислушивался къ завывавшей бурѣ. Ему казалось, что къ избушкѣ сбѣжались всѣ убитые имъ зайцы, лопочутъ, по снѣгу кувыркаются, стучатъ въ дверь передними лапками... Старикъ не утерпѣлъ, слѣзъ съ печи и выглянулъ изъ избушки. Никого нѣтъ, а только вѣтеръ гуляетъ по полю и гудитъ на всѣ голоса.

— Ахъ, ты, оказія!..—ворчалъ старикъ, забираясь на теплую печку.

Просыпался онъ по-стариковски, раннимъ утромъ, затоплялъ печь и приставлялъ къ огню какое-нибудь варево—похлебку, старыхъ штецъ, кашку размазню.

Digitized by Google

Сегодня было, какъ всегда. Заяцъ лежалъ въ своемъ уголкѣ неподвижно, точно мертвый, и не притронулся къ ѣдѣ, какъ его Богачъ ни угощалъ.

— Ишь, ты, какой важный баринъ,—корилъ его старикъ.—А ты вотъ попробуй кашки гречушной—лапка-то и срастется. Право, глупый... У меня кашуто и Еремка вотъ какъ уплетаетъ, за ушами пищитъ.

Богачъ прибралъ свою избушку, закусилъ и пошелъ въ деревню.

— Ты у меня смотри, Еремка,—наказывалъ онъ Еремкѣ.—Я-то скоро вернусь, а ты зайца не пугай...

Пока старикъ ходилъ, Еремка не тронулъ зайца, а только съѣлъ у него все угощенье,—корочки чернаго хлѣба, кашу и молоко. Въ благодарность онъ лизнулъ зайца прямо въ мордочку и принесъ въ награду изъ своего угла старую обглоданную кость. Еремка всегда голодалъ, даже когда ему случалось съѣсть какого-нибудь зайченка. Когда Богачъ вернулся, онъ только покачалъ головой: какой хитрый зайчишка—когда угощаютъ, такъ и не смотритъ, а когда ушли,—такъ все дотла поѣлъ.

— Ну, и лукавецъ!—удивлялся старикъ.—А я тебѣ гостинца принесъ, косому плуту...

Онъ досталъ изъ-за пазухи нѣсколько морковокъ, пару кочерыжекъ, рѣпку и свеклу. Еремка лежалъ на своемъ мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; но когда онъ облизнулся, вспомнивъ съѣденное у зайца

Digitized by Google

угощенье, Богачъ понялъ его коварство и принялся его журить.

— И не стыдно тебѣ, старому плуту... а?!.. Что, не ѣдалъ ты каши? Ахъ, ненасытная утроба...

Когда старикъ увидѣлъ валявшуюся передъ зайцемъ кость, онъ не могъ удержаться отъ смѣха. Вотъ такъ Еремка, тоже сумѣлъ угостить... Да не хитрый ли плутище!..

Заяцъ отдохнулъ за-ночь и пересталъ бояться. Когда Богачъ далъ ему морковку, онъ съ жадностью ее съѣлъ.

— Эге, братъ, вотъ такъ-то лучше будетъ!.. Это, видно, не Еремкина голая кость... Будетъ чваниться-то. Ну-ка, еще рѣпку попробуй...

И рѣпка была съѣдена съ тѣмъ же аппетитомъ.

— Да ты у меня совсѣмъ молодецъ!..—хвалилъ старикъ.

Когда совсѣмъ разсвѣтало, въ дверь послышался стукъ, и гоненькій дѣтскій голосокъ проговорилъ:

— Дѣдушка, отвори... Смерть какъ замерзла!..

Богачъ отворилъ тяжелую дверь и впустилъ въ избушку дѣвочку лѣтъ семи. Она была въ громадныхъ валенкахъ, въ материнской кацавейкѣ и закутана рваным платкомъ.

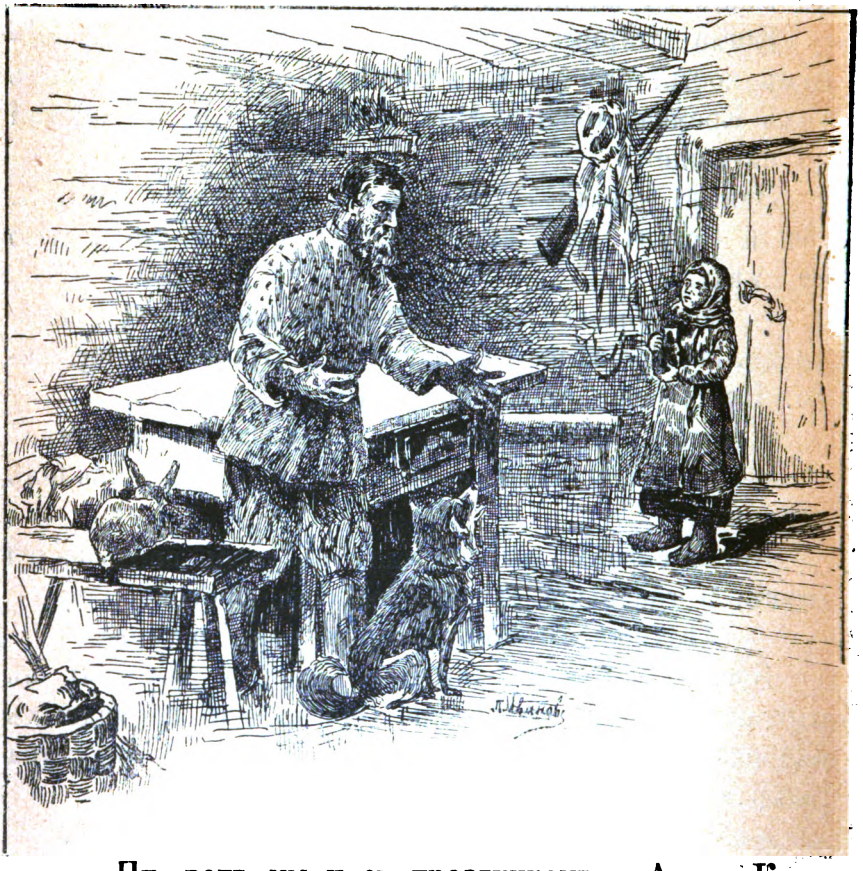
— Ахъ, это ты, Ксюша... Здравствуй, птаха.

— Мамка послала тебѣ молочка... не тебѣ, а зайцу...

— Спасибо, красавица...

Digitized by Google

Онъ взялъ изъ покраснѣвшихъ на морозѣ дѣтскихъ ручонокъ небольшую крынку молока и поставилъ ее бережно на столъ.



— Ну, вотъ мы и съ праздникомъ... А ты, Ксюша, погрѣйся. Замерзла?

— Студено...

Digitized by Google

— Давай, раздѣвайся. Гостья будешь... Зайчика пришла посмотрѣть?

— А то какъ же...

— Неужто не видала?

— Какъ не видать... Только я-то видѣла лѣтнихъ зайцевъ, когда они сѣрые, а этотъ совсѣмъ бѣлый у тебя.

Ксюша раздѣлась. Эта была самая обыкновенная деревенская бѣлоголовая дѣвочка, загорѣлая, съ тоненькой шейкой, тоненькой косичкой и тоненькими ручками и ножками. Мать одѣвала ее по-старинному въ сарафанъ. Оно и удобно, и дешевле. Чтобы согрѣться, Ксюша попрыгала на одной ногѣ, грѣла дыханіемъ окоченѣвшія ручонки и только потомъ подошла къ зайчику.

— Ахъ, какой хорошенькій зайчикъ, дѣдушка...

Digitized by Google

Бѣленькій весь, а только ушки точно оторочены чернымъ.

— Это ужъ по зимѣ всѣ такіе зайцы, бѣляки, бываютъ...

Дѣвочка сѣла около зайчика и погладила его по спинкѣ.

— А что у него ножка завязана тряпочкой, дѣдушка?

— Сломана лапка, вотъ я и завязалъ ее чтобы всѣ косточки срослись.

— Дѣдушка, а ему больно было?

— Извѣстно, больно...

— Дѣдушка, а заживетъ лапка?

— Заживетъ, ежели онъ будетъ смирно лежать... Да онъ и лежитъ, не ворохнется. Значитъ, умный!..

— Дѣдушка, а какъ его зовутъ?

— Зайца-то? Ну, заяцъ и есть заяцъ,—вотъ и все названіе.

— Дѣдушка, то другіе зайцы, которые здоровые въ полѣ бѣгаютъ, а этотъ хроменькій... Вонъ у насъ кошку Машкой зовутъ.

Богачъ задумался и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ксюшу. Вѣдь, совсѣмъ глупая дѣвчонка, а, вѣдь, правду сказала...

— Ишь, ты, какая птаха...—думалъ онъ вслухъ.— И въ самомъ дѣлѣ, надо какъ-нибудь назвать, а то зайцевъ-то много... Ну, Ксюша, такъ какъ его мы назовемъ... а?..

Digitized by Google

— Черное Ушко...

— Вѣрно!.. Ахъ, ты, умница... Значитъ, ты ему будешь въ томъ родѣ, какъ крестная...

Вѣсть о хромомъ зайцѣ успѣла облетѣть всю деревню, и скоро около избушки Богача собралась цѣлая толпа любопытныхъ деревенскихъ ребятъ.

— Дѣдушка, покажи зайчика!—просили.

Богачъ даже разсердился. Всѣхъ пустить заразъ нельзя, не помѣстятся въ избѣ, а по одному пускать—выстудятъ всю избу.

Старикъ вышелъ на крылечко и сказалъ:

— Невозможно мнѣ показывать вамъ зайца, потому онъ хворый... Вотъ поправится,—тогда и приходите, а теперь ступайте домой.

III.

Черезъ двѣ недѣли Черное Ушко совсѣмъ выздоровѣлъ. Молодыя косточки скоро срастаются. Онъ уже никого не боялся и весело прыгалъ по всей избѣ. Особенно ему хотѣлось вырваться на волю, и онъ сторожилъ каждый разъ, когда открывалась дверь.

— Нѣтъ, братъ, мы тебя не пустимъ,—говорилъ ему Богачъ.—Чего тебѣ на холодѣ мерзнуть да голодать... Живи съ нами, а весной—съ Богомъ, ступай въ поле. Только намъ съ Еремкой не попадайся.

Еремка, очевидно, думалъ то же самое. Онъ ло-

Digitized by Google

жился у самой двери и, когда Черное Ушко хотѣлъ перепрыгнуть черезъ него, скалилъ свои бѣлые зубы и рычалъ. Впрочемъ, заяцъ его совсѣмъ не боялся и даже заигрывалъ съ нимъ. Богачъ смѣялся до слезъ надъ ними. Еремка растянется на полу во весь ростъ, закроетъ глаза, будто спитъ, а Черное Ушко начинаетъ прыгать черезъ него. Увлекшись этой игрой, заяцъ иногда стукался головой о лавку и начиналъ по-заячьи плакать, какъ плачутъ на охотѣ смертельно раненые зайцы.

— И точно младенецъ,—удивлялся Богачъ.—По ребячьи и плачетъ... Эй, ты, Черное Ухо, ежели тебѣ своей головы не жаль, такъ пожалѣй хоть лавку. Она не виновата...

Эти увѣщанія плохо дѣйствовали, и заяцъ не унимался. Еремка тоже увлекался игрой и начиналъ гоняться по избѣ за зайцемъ, раскрывъ пасть и высунувъ языкъ. Но заяцъ ловко увертывался отъ него.

— Что, братъ Еремка, не можешь его догнать?— подсмѣивался надъ собакой старикъ.—Гдѣ тебѣ, старому... Только лапы понапрасну отобьешь.

Деревенскіе ребята частенько прибѣгали въ избушку Богача, чтобы поиграть съ зайчикомъ, и приносили ему что-нибудь изъ съѣстного. Кто тащитъ рѣпку, кто морковку, кто свеклу или картошку. Черное Ушко принималъ эти дары съ благодарностью и тутъ же ихъ съѣдалъ съ жадностью. Ухватитъ передними лапками морковку, припадетъ къ ней головой и быстро-быстро

Digitized by Google

обгрызетъ, точно обточитъ. Онъ отличался большой прожорливостью, такъ что даже Богачъ удивлялся.

— И въ которое мѣсто онъ ѣстъ такую прорву... Не велика скотинка, а все-бы ѣлъ, сколько ему ни дай.

Чаще другихъ бывала Ксюша, которую деревенскіе ребята прозвали „заячьей крестной“. Черное Ушко отлично ее зналъ, самъ бѣжалъ къ ней и любилъ спать у нея на колѣняхъ. Но онъ же и отплатилъ ей самой черной неблагодарностью. Разъ, когда Ксюша уходила домой, Черное Ушко съ быстротой молніи шмыгнулъ въ дверяхъ около ея ногъ,—и былъ таковъ. Дѣвочка горько расплакалась. Еремка сообразилъ, въ чемъ дѣло, и бросился въ погоню.

— Какъ же, ищи вѣтра въ полѣ...—посмѣялся надъ нимъ Богачъ.—Онъ похитрѣе тебя будетъ... А ты, Ксюшка, не реви. Пусть онъ побѣгаетъ, а потомъ самъ вернется. Куда ему дѣться?

— Наши деревенскія собаки его разорвутъ, дѣдушка...

— Такъ онъ и побѣжалъ тебѣ въ деревню... Онъ прямо махнулъ за рѣку, къ своимъ. Такъ и такъ, молъ, живъ и здоровъ, имѣю собственную квартиру и содержаніе. Побѣгаетъ, поиграетъ и назадъ придетъ, когда ѣсть захочетъ. А Еремка-то, глупый, бросился его ловить... Ахъ, глупый песъ!..

„Заячья крестная“ все-таки ушла домой со слезами, да и самъ старый Богачъ мало вѣрилъ тому, что говорилъ. И собаки по дорогѣ могутъ разорвать,

Digitized by Google

и у себя дома лучше покажется. А тутъ еще Еремка вернулся домой— усталый, виноватый, съ опущеннымъ хвостомъ. Старому Богачу сдѣлалось даже жутко, когда наступилъ вечеръ. А вдругъ Черное Ушко не придетъ... Еремка легъ у самой двери и прислушивался къ каждому шороху. Онъ тоже ждалъ. Обыкновенно, Богачъ разговаривалъ съ собакой, а тутъ молчалъ. Они понимали другъ друга безъ словъ.

Наступилъ вечеръ. Богачъ засидѣлся за работой дольше обыкновеннаго. Когда онъ уже хотѣлъ ложиться спать на свою печь, Еремка радостно взвизгнулъ и бросился къ двери.

— Ахъ, косой, вернулся изъ гостей домой...

Это былъ, дѣйствительно, онъ, Черное Ушко. Съ порога онъ прямо бросился къ своей чашкѣ и принялся пить молочко, потомъ съѣлъ кочерыжку и двѣ морковки.

— Что, братъ, въ гостяхъ-то плохо тебя угощали?—говорилъ Богачъ, улыбаясь.—Ахъ, ты, безстыдникъ, безстыдникъ... И крестную свою до слезъ довелъ.

Еремка все время стоялъ около зайца и ласково помахивалъ хвостомъ. Когда Черное Ушко съѣлъ все, что было въ чашкѣ, Еремка облизалъ ему морду и началъ искать блохъ.

— Ахъ, вы, озорники!—смѣялся Богачъ, укладываясь на печи.—Видно, правду пословица говоритъ: вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно...

Digitized by Google

Ксюша прибѣжала на другое утро чѣмъ-свѣтъ и долго цѣловала Черное Ушко.

— Ахъ, ты, бѣгунъ скверный...—журила она его.— Впередъ не бѣгай, а то собаки разорвутъ. Слышишь, глупый? Дѣдушка, а, вѣдь, онъ все понимаетъ...

— Еще-бы не понимать,—согласился Богачъ,—не бойсь, вотъ какъ знаетъ, гдѣ его кормятъ...

Послѣ этого случая за Чернымъ Ушкомъ уже не слѣдили. Пусть его убѣгаетъ поиграть и побѣгать по снѣжку. На то онъ и заяцъ, чтобы бѣгать. Мѣсяца черезъ два Черное Ушко совсѣмъ измѣнился: и выросъ, и потолстѣлъ, и шерсть на немъ начала лоснниться. Онъ, вообще, доставлялъ много удовольствія своими шалостями и веселымъ характеромъ, и Богачу казалось, что и зима нынче какъ-то скорѣе прошла.

Одно только было нехорошо. Охота на зайцевъ давала Богачу порядочный заработокъ. За каждаго зайца онъ получалъ по четвертаку, а это большія деньги для бѣднаго человѣка. Въ зиму Богачъ убивалъ штукъ сто. А теперь выходило такъ, какъ будто и совѣстно губить глупыхъ зайцевъ, совѣстно передъ Чернымъ Ушкомъ. Вечеромъ Богачъ и Еремка уходили на охоту, крадучись, и никогда не вносили въ избу убитыхъ зайцевъ, какъ прежде, а прятали ихъ въ сѣняхъ. Даже Еремка это понималъ, и когда въ награду за охоту получалъ заячьи внутренности, то уносилъ ихъ куда-нибудь подальше отъ сторожки и съѣдалъ потихоньку.

Digitized by Google

— Что, братъ, совѣстно?—шутилъ надъ нимъ старикъ.—Оно, конечно, заяцъ тварь вредная, озорная, а все-таки оно того... Можетъ, и въ емъ своя заячья душонка тоже есть, такъ, плохонькая совсѣмъ душонка.

Зима прошла какъ-то особенно быстро. Наступилъ мартъ. По утрамъ крыши обрастали блестящей бахромой изъ ледяныхъ сосулекъ. Показались первыя проталинки. Почки на деревьяхъ начали бухнуть и наливаться. Прилетѣли первые грачи. Все кругомъ обновлялось и готовилось къ наступающему лѣту, какъ къ празднику. Одинъ Черное Ушко былъ невеселъ. Онъ началъ пропадать изъ дому все чаще и чаще, похудѣлъ, пересталъ играть, а вернется домой, наѣстся и цѣлый день спитъ въ своемъ гнѣздѣ подъ лавкой.

— Это онъ линяетъ, ну, вотъ ему и скучно,—объяснялъ Богачъ.—По веснѣ-то зайцевъ не бьютъ по этому самому... Мясо у него тощее, шкурка какъ молью подбита. Однимъ словомъ, какъ есть ничего не стоитъ...

Дѣйствительно, Черное Ушко началъ мѣнять свою зимнюю бѣлую шубку на лѣтнюю,—сѣрую. Спинка сдѣлалась уже сѣрой, уши, лапки тоже, и только брюшко оставалось бѣлымъ. Онъ любилъ выходить на солнышко и подолгу грѣлся на завалинкѣ.

Разъ прибѣжала Ксюша провѣдать своего крестника, но его не было дома уже цѣлыхъ три дня.

— Теперъ ему и въ лѣсу хорошо,—вотъ и ушелъ, пострѣлъ,—объяснялъ Богачъ пригорюнившейся дѣвочкѣ.—Теперь зайцы почку ѣдятъ, ну, а на прота-

Digitized by Google

линкахъ и зеленую травку ущипнетъ. Вотъ ему и любопытно...

— А я ему молочка принесла, дѣдушка..

— Ну, молочко мы и безъ него съѣдимъ...

Еремка вертѣлся около Ксюши и лаялъ на опустѣвшее подъ лавкой заячье гнѣздо.

— Это онъ тебѣ жалуется,—объяснялъ Богачъ.— Хотя и песъ, а все-таки обидно... Всѣхъ насъ обидѣлъ, пострѣлъ.

— Онъ недобрый, дѣдушка...—говорила Ксюша со слезами на глазахъ.

— Зачѣмъ недобрый? Просто, заяцъ,—и больше ничего. Лѣто погуляетъ, пока ѣда въ лѣсу есть, а къ зимѣ, когда нечего будетъ ѣсть, и вернется самъ... Вотъ увидишь. Однимъ словомъ, заяцъ...

Черное Ушко пришелъ еще разъ, но къ самой сторожкѣ не подошелъ, а сѣлъ пенькомъ и смотритъ издали. Еремка подбѣжалъ къ нему, лизнулъ въ морду, повизжалъ, точно приглашая въ гости, но Черное Ушко не пошелъ. Богачъ поманилъ его, но онъ оставался на своемъ мѣстѣ и не двигался.

— Ахъ, пострѣлъ!—ворчалъ старикъ.—Ишь, какъ сразу зазнался, косой...

IV.

Прошла весна. Наступило лѣто. Черное Ушко не показывался. Богачъ даже разсердился на него.

Digitized by Google

— Вѣдь, могъ-бы какъ-нибудь забѣжать на минутку... Кажется, не много дѣла, и время найдется.

Ксюша тоже сердилась. Ей было обидно, что она цѣлую зиму такъ любила такого нехорошаго зайца... Еремка молчалъ, но тоже былъ недоволенъ поведеніемъ недавняго пріятеля.

Прошло и лѣто. Наступила осень. Начались заморозки. Перепадалъ первый мягкій, какъ пухъ, снѣжокъ. Черное Ушко не показывался.

— Придетъ, косой... утѣшалъ Богачъ Еремку.— Вотъ, погоди: какъ занесетъ все снѣгомъ, нечего будетъ ѣсть, ну, и придетъ. Вѣрно тебѣ говорю...

Но выпалъ и первый снѣгъ, а Черное Ушко не показывался. Богачу сдѣлалось даже скучно. Что же это, въ самомъ дѣлѣ: ужъ нынче и зайцу нельзя повѣрить, не то что людямъ...

Однажды утромъ Богачъ что-то мастерилъ около своей избушки, какъ вдругъ послышался далекій шумъ, а потомъ выстрѣлы. Еремка насторожился и жалобно взвизгнулъ.

— Батюшки, да, вѣдь, это охотники поѣхали стрѣлять зайцевъ! проговорилъ Богачъ, прислушиваясь къ выстрѣламъ, доносившимся съ того берега рѣки.—Такъ и есть... Ишь, какъ запаливаютъ... Охъ убьютъ они Черное Ушко! Непремѣнно убьютъ...

Старикъ, какъ былъ, безъ шапки побѣжалъ къ рѣкѣ. Еремка летѣлъ впереди.

Digitized by Google

— Охъ, убьютъ! повторялъ старикъ, задыхаясь на ходу. — Опять стрѣляютъ...

Съ горы было все видно. Около лѣсной заросли, гдѣ водились зайцы, стояли на извѣстномъ разстояніи охотники, а изъ лѣсу на нихъ гнали дичь загонщики. Вотъ затрещали деревянныя трещетки, поднялся страшный гамъ и крикъ, и показались изъ заросли перепуганные, оторопѣлые зайцы. Захлопали ружейные выстрѣлы, и Богачъ закричалъ не своимъ голосомъ:

— Батюшки, поголите!!. Убьете моего зайца... Ой, батюшки!!.

До охотниковъ было далеко, и они ничего не могли слышать, но Богачъ продолжалъ кричать и махалъ руками. Когда онъ добѣжалъ, загонъ уже кончился. Было убито около десятка зайцевъ.

— Батюшки, что вы дѣлаете?—кричалъ Богачъ, подбѣгая къ охотникамъ.

— Какъ: что? Видишь, зайцевъ стрѣляемъ.

— Да, вѣдь, въ лѣсу-то мой собственный заяцъ живетъ...

— Какъ твой?

— Да такъ... Мой заяцъ, и больше ничего. Лѣвая передняя лапка перешиблена... Черное Ушко...

Охотники засмѣялись надъ сумасшедшимъ старикомъ, который умолялъ ихъ не стрѣлять со слезами на глазахъ.

— Да намъ твоего зайца совсѣмъ не надо,—пошутилъ кто-то.—Мы стрѣляли только своихъ...

Digitized by Google

— Ахъ, баринъ, баринъ, не хорошо... Даже вотъ какъ не хорошо...

Богачъ осмотрѣлъ всѣхъ убитыхъ зайцевъ, но среди нихъ Чернаго Ушка не было. Всѣ были съ цѣлыми лапками.

Охотники посмѣялись надъ старикомъ и пошли дальше по лѣсной опушкѣ, чтобы начать слѣдующій загонъ. Посмѣялись надъ Богачемъ и загонщики, ре-

Digitized by Google

бята-подростки, набранные изъ деревни, посмѣялся и егерь Терентій, тоже знакомый мужикъ.

— Помутился немножко разумомъ нашъ Богачъ,— пошутилъ еще Терентій.—Этакъ каждый начнетъ разыскивать по лѣсу своего зайца...

Для Богача наступало время охоты на зайцевъ, но онъ все откладывалъ. А вдругъ въ ловушку попадетъ Черное Ушко? Пробовалъ онъ выходить по вечерамъ на гумна, гдѣ кормились зайцы, и ему казалось, что каждый, пробѣгавшій, мимо заяцъ—Черное Ушко.

— Да, вѣдь, Еремка-то по запаху узнаетъ его, на то онъ песъ... рѣшилъ онъ.—Надо попробовать...

Сказано-сдѣлано. Разъ, когда поднялась непогода, Богачъ отправился съ Еремкой на охоту. Собака пошла подъ гору какъ-то неохотно и нѣсколько разъ оглядывалась на хозяина.

— Ступай, ступай, нечего лѣниться... —ворчалъ Богачъ.

Онъ обошелъ гумна и погналъ зайцевъ. Выскочило заразъ штукъ десять.

— Ну, будетъ Еремкѣ пожива... думалъ старикъ.

Но его удивилъ собачій вой. Это выл Еремка, сидя подъ горой на своемъ мѣстѣ. Сначала Богачъ подумалъ, что собака сбѣсилась, и только потомъ понялъ, въ чемъ дѣло. Еремка не могъ различить зайцевъ... Каждый заяцъ ему казался Чернымъ Ушкомъ. Сначала старикъ разсердился на глупаго пса, а потомъ проговорилъ:

Digitized by Google

— А, вѣдь, правильно, Еремка, даромъ, что глупый песъ... Вѣрно, шабашъ намъ зайцевъ душить. Будетъ...

Богачъ пошелъ къ хозяину фруктоваго сада и отказался отъ своей службы.

— Не могу больше...—коротко объяснилъ онъ.

Digitized by Google

Темные люди.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Погода была отвратительная, и кругомъ было совершенно темно. Сѣялъ мелкій осенній „бусъ“, точно весь воздухъ былъ насыщенъ водяной пылью. Продрогшій ямщикъ Ѳедотка ежился на своихъ козлахъ, какъ грѣшная душа, предоставивъ лошадямъ бѣжать, какъ онѣ хотятъ. Да и какъ тутъ править, когда ни зги не видать. Привычная почтовая тройка плелась своей козлиной побѣжкой, замедляя ходъ только въ „сумнительныхъ“ мѣстахъ, когда старый опытный коренникъ соображалъ, какъ половчѣе выпутаться изъ бѣды.

— Эй, ты, идолъ!—кричалъ на него Ѳедотка.—Смотри у меня...

— А ты самъ смотри...—слышался встревоженный

Digitized by Google

голосъ сѣдока, спрятавшагося подъ спасительной сѣнью болка и кожанаго фартука.—Еще вывалишь, пожалуй...

— И то смотрю, ваше превосходительство,—обиженно отвѣчалъ Ѳедотка.—Не впервой мнѣ васъ возить-то, слава Богу. Лучше бы вамъ было заночевать у насъ, на Таломъ заводѣ... Темь стоитъ— не углядишь.

— А ты все-таки смотри,—уже съ раздраженіемъ совѣтовалъ опасавшійся какого-нибудь дорожнаго сюрприза гражданскій генералъ.

— Будьте спокойны, ваше превосходительство... Окромя собачьихъ логовъ, никакой вреды не будетъ. Значитъ, тамъ есть такой земскій мостикъ, самый вредный мостикъ...

— Значитъ, надо въ оба смотрѣть, Ѳедотка...

— Ужъ, кажется, смотрю. Эхъ, вы, трухмальные!..

Гражданскій генералъ Ѳедоръ Петровичъ Зеленинъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ изъѣздилъ весь Уралъ вдоль и поперекъ, но сегодня не могъ не удивляться проклятой осенней ночи. Настоящая волчья ночь... Дѣйствительно, слѣдовало остаться переночевать на Таломъ, какъ говоритъ Ѳедотка, промокшій до костей. Но приходилось торопиться и наверстывать время ночными переѣздами. Какъ человѣкъ, привыкшій къ путешествіямъ по дряннымъ трактамъ и всевозможнымъ проселкамъ, Зеленинъ старался думать о чемъ-нибудь серьезномъ, чтобы время шло незамѣтно. Стан-

Digitized by Google

ція была въ тридцать шесть верстъ и шла горами — въ такую погоду меньше пяти-шести часовъ не выѣхать. Сидя въ абсолютной темнотѣ, Зеленинъ началъ думать о докладѣ, который долженъ былъ сдѣлать въ земскомъ собраніи. Выяснилось одно больное мѣсто: именно, что школьныя помѣщенія были малы, и приходилось отказывать въ пріемѣ желающимъ учиться. На Таломъ по этому вопросу у Зеленина вышелъ довольно непріятный разговоръ съ земскимъ врачемъ. Конечно, медицина вещь почтенная, а гигіена и необходимыя санитарныя мѣры обязательны, но отказывать изъ-за какихъ-то кубическихъ футовъ воздуха въ духовномъ хлѣбѣ очень ужъ тяжело. Зеленинъ доказывалъ доктору, что, въ виду крайности, можно и поступиться этими футами на время, конечно, пока будутъ выстроены болѣе просторныя школьныя помѣщенія, но земскій докторъ считалъ себя честнымъ человѣкомъ, молился на свою медицину и ни за что не хотѣлъ согласиться на палліативныя мѣры. Оба горячились и спорили. Зеленинъ доказывалъ, что дома всѣ ученики не имѣютъ никакихъ футовъ воздуха, слѣдовательно, для нихъ будетъ совершенно незамѣтнымъ маленькій недостатокъ, установленной для европейскихъ дѣтей, нормы. Но докторъ заявилъ, что будетъ протестовать, и т. д. Въ этомъ смыслѣ Зеленинъ хотѣлъ представить земскому собранію докладъ и мысленно подготовлялъ необходимую аргументацію, прислушиваясь къ шлепанью лошадиныхъ ногъ, уны-

Digitized by Google

лому позвякиванью почтовыхъ колокольчиковъ и покрикиваньямъ Ѳедотки.

Эти дорожныя соображенія прерывались неожиданными мыслями, которыя налетали, какъ ночныя птицы на огонь. Почему-то, напримѣръ, Зеленину припомнилась одна дѣвочка, которой пришлось сегодня отказать, и которая никакъ не могла понять, почему другія дѣвочки учатся, а ея не пускаютъ въ школу. У нея были слезы на глазахъ, а онъ про себя обвинялъ упрямаго земскаго доктора. Потомъ онъ сталъ думать о своей дочери, которая кончаетъ курсъ въ женской гимназіи. У него была всего одна дочь, и онъ ее очень любилъ. „Отказанная“ дѣвочка походила на нее лицомъ, и Зеленинъ еще разъ ее пожалѣлъ. Потомъ онъ сталъ думать, что какъ странно всѣ люди повторяютъ одну и ту же ошибку: каждый думаетъ, что онъ столько-то лѣтъ поработаетъ, а потомъ устроится и будетъ просто жить. Онъ также думалъ въ свое время, но вотъ ему уже шестьдесятъ лѣтъ, а впереди работы еще больше. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше работы... Одна земская служба чего стоитъ. Взять хоть сегодняшнюю поѣздку... Теперь хорошо было бы посидѣть въ теплой комнатѣ, выпить стаканъ горячаго чая, просмотрѣть газеты, а тутъ тащись по мертвому проселку. Потомъ уже безъ всякой ассоціаціи идей, точно вынырнула мысль о томъ, что Ѳедотка имѣетъ привычку иногда напиваться, и если сегодня онъ тоже выпилъ...

Digitized by Google

— Ѳедотка, а скоро будутъ эти Собачьи лога?— спросилъ онъ, такимъ тономъ, какъ спрашивалъ на экзаменахъ.

— А вотъ скоро... Тутъ будетъ, значитъ, поверт-ка въ полугорѣ, гдѣ стоитъ убитый столбъ—значитъ, убили на этомъ самомъ мѣстѣ пріисковаго повѣрен-наго, который везъ деньги,—ну, а подъ горой-то и будутъ эти самые Собачьи лога.

Нѣтъ, кажется, Ѳедотка не пьянъ, а говоритъ съ трудомъ потому, что сильно продрогъ. Зеленинъ опять подумалъ, что, дѣйствительно, лучше было бы остаться на Таломъ—Ѳедотка не дрогъ бы на козлахъ, а лошади стояли бы въ своей конюшнѣ. Выходило такъ, что какъ-будто Зеленинъ и виноватъ, что не подумалъ объ этомъ раньше, и какъ-будто не виноватъ. Скоро по этимъ мѣстамъ пройдетъ желѣзная дорога, и его преемники не будутъ ѣздить по ночамъ при такихъ условіяхъ. Они, эти будущіе счастливцы, не будутъ даже знать, какъ вотъ онъ, Зеленинъ, мучился. Отъ долгаго сидѣнья въ экипажѣ нѣмѣютъ ноги, является какая-то тупая боль въ спинѣ и т. д.

— Это старость...—рѣшилъ онъ, перемѣняя за спиной подушку.—Да, старость, безсильная, обидная, несправедливая и... неизбѣжная...

Ему вдругъ сдѣлалось грустно. Другіе старики теперь сидятъ по домамъ, а онъ мыкается по дорогамъ, какъ, „неприкаянный“. Потомъ, вообще, жизнь вещь грустная... Вотъ онъ сколько работаетъ, хлопочетъ,

Digitized by Google

думаетъ, что это кому-то нужно, а можетъ быть, именно, это никому и не нужно. Простой неграмотный человѣкъ, можетъ быть, проживетъ гораздо счастливѣе, чѣмъ онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зеленинъ. Можетъ быть, даже грамота и не нужна совсѣмъ...

— Нѣтъ, позвольте, что-же это такое?!—ловилъ Зеленинъ самого себя и даже пощупалъ голову, точно хотѣлъ убѣдиться, что не спитъ и не сошелъ еще съ ума. Фу, какая глупость... Богъ знаетъ, какая чушь лѣзетъ въ голову, когда темно.

— Эй, Ѳедотка, скоро ли твой убитый столбъ?— громко спросилъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса.

— А только што проѣхали, ваше превосходительство. Эй, вы, трухмальные, помѣшивай...

— Значитъ, скоро Собачьи лога?

— Они самые, ваше превосходительство...

Дѣйствительно, экипажъ началъ осторожно спускаться куда-то подъ гору. Такіе спуски въ темнотѣ были очень непріятны, и Зеленину казалось, что вотъ-вотъ экипажъ полетитъ куда-то въ бездну. О томъ, чтобы выскочить, какъ можно было сдѣлать днемъ— нечего и думать. Онъ открылъ сбоку фартукъ и выглянулъ—разсмотрѣть ничего было нельзя. Чуть-чуть брезжили неясные силуэты громадныхъ сосенъ и елей. Зеленинъ опять спрятался и подумалъ: э, будь, что будетъ!.. Вѣроятно, то же самое думалъ и тотъ

Digitized by Google

несчастный повѣренный, котораго здѣсь убили. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ думалъ, когда ѣхалъ вотъ по этой самой дорогѣ: о своей семьѣ, можетъ быть, о разныхъ пріисковыхъ дѣлахъ—рѣшительно, обо всемъ, кромѣ того, что ему оставалось жить нѣсколько минутъ. Потомъ выскочили изъ лѣса неизвѣстные люди, онъ хотѣлъ бѣжать... Вѣдь всѣ такія трагедіи происходятъ такъ быстро и просто. Вѣроятно, онъ защищался, кричалъ о помощи... Нѣтъ, положительно, жить на свѣтѣ грустно. Отъ живого человѣка остался одинъ „убитый столбъ“, какъ говоритъ Ѳедотка.

А экипажъ все продолжалъ спускаться. Слышно было, какъ храпѣлъ упиравшійся коренникъ. Мѣстами экипажъ сильно накренивало, а колеса постоянно наталкивались на камни, которые, точно нарочно, подкладывала подъ нихъ какая-то невидимая рука. Колокольчики перезванивали съ интервалами, точно задерживали дыханіе. Въ одномъ мѣстѣ что-то треснуло, и экипажъ накренило сильно на лѣвый бокъ.

— Держи, держи!—крикнулъ Зеленинъ.—Опрокинешь, Ѳедотка...

— Эхъ, баринъ...—отвѣтилъ Ѳедотка.—Ну, и штука... Вотъ такъ угораздило! Въ самый разъ... Передняя-то ось того, баринъ... Какъ есть подъ самымъ куркомъ переѣло, точно кто зубомъ откусилъ.

— Что же мы будемъ дѣлать, Ѳедотка?

— А что тутъ подѣлаешь? Поѣду за другой осью...

— А я-то какъ же?

Digitized by Google

— Что же вамъ-то: лежите себѣ въ тарантасѣ, пока я сгоняю.

II.

Ѳедотка обошелъ кругомъ экипажъ, осмотрѣлъ при свѣтѣ спички сломанную ось, покачалъ головой и началъ ругаться. Для него все было ясно, какъ день. Когда выѣзжали изъ Талаго, какая-то баба перешла дорогу—кажется, ясно?

— Ты, просто, дуракъ!—обругалъ его генералъ за эту счастливую мысль.—При чемъ тутъ баба... Просто, была скверная ось...

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, тутъ никакая ось не выдержитъ, ежели, напримѣрно, баба черезъ дорогу...

— Перестань болтать глупости...

Ѳедотка съ обозленнымъ видомъ началъ распрягать лошадей и продолжалъ ругать проклятую бабу. Вѣдь, вотъ, поди-жъ ты, подвернулась-таки, анаѳема...

Зеленинъ молчалъ, угнетенный перспективой просидѣть въ лѣсу цѣлую ночь. Впрочемъ, можно было лечь спать. Ѳедотка предлагалъ развести огонь, но генералъ отказался. Дождь шелъ по-прежнему—что за удовольствіе мокнуть, хотя и у костра. Притомъ ему не хотѣлось шевелиться съ нагрѣтаго мѣста.

— Такъ ты поскорѣе, Ѳедотка...

Digitized by Google

— Ужъ постараюсь, ваше превосходительство,— увѣрялъ Ѳедотка, взбираясь верхомъ на пристяжку.— Стриженая дѣвка не успѣетъ косы заплести...

Генералу было немного совѣстно, что онъ давеча обругалъ Ѳедотку дуракомъ, и онъ далъ ему въ видѣ умилостивительной жертвы двугривенный.

— Пожалуйста, только не напивайся...

— Я? Да я,—ахъ, Боже мой... Эхъ, ты, трухмальная, трогай!..

Лучшимъ утѣшеніемъ въ самомъ скверномъ положеніи, какъ извѣстно, служитъ мысль о еще болѣе скверномъ положеніи. Прислушиваясь, какъ уѣзжалъ Ѳедотка все дальше и дальше, Зеленинъ представлялъ себѣ, какъ онъ потащится верхомъ восемнадцать верстъ, потомъ заберетъ ось и потащится съ ней обратно тѣ же восемнадцать верстъ—это было похуже, чѣмъ сидѣть въ закрытомъ экипажѣ. Конечно, скучно ждать, но что же дѣлать? Зеленинъ устроился въ своемъ тарантасѣ по діагонали, чтобы вытянуть нѣмѣвшія ноги, закрылъ глаза и началъ перебирать давешнія мысли о своемъ докладѣ, упрямомъ докторѣ, убитомъ повѣренномъ, о счастьѣ и смыслѣ жизни и началъ приходить къ заключенію, что, собственно говоря, и жить не стоитъ, и все на свѣтѣ устроено ужасно скверно, до ломающихся осей включительно.

Въ лѣсу было тихо-тихо, какъ бываетъ только въ такія осеннія ночи. Ѳедотка привязалъ лошадей гдѣ-то у травы, и слышно было, какъ онѣ рвали и раз-

Digitized by Google

жевывали траву. Вотъ онѣ счастливы, что могутъ отдохнуть и поѣсть.

Сколько прошло времени—Зеленинъ не могъ опредѣлить. Онъ, кажется, заснулъ. Его заставилъ проснуться осторожный храпъ коренника. Кто-то подходилъ, и умное животное чуяло. Зеленинъ началъ прислушиваться, чувствуя, какъ бьется собственное сердце. Ему вдругъ сдѣлалось страшно. Съ собой не было никакой обороны, кромѣ перочиннаго ножа. Да и какая тутъ могла быть оборона... Онъ прислушивался нѣсколько времени, но въ лѣсу было тихо. Лошади перестали жевать и тоже прислушивались. Вообще, скверно.

— Неужели я трушу?—подумалъ Зеленинъ.—Э, пустяки...

Въ минуту опасности всѣ чувства пріобрѣтаютъ необыкновенную чуткость, а умъ достигаетъ прозорливости. Сейчасъ Зеленинъ отлично понималъ, почему лошади не ѣдятъ травы, что онѣ насторожились, почуявъ врага, что кто-то не идетъ и не ѣдетъ, какъ ходятъ и ѣздятъ по дорогѣ, а подкрадывается. Онъ слышалъ, какъ подкрадывался этотъ кто-то, и сообразилъ сразу, что подкрадывается не одинъ человѣкъ, а нѣсколько. Почему то онъ раскурилъ папиросу и сталъ вслушиваться. *Они* были уже недалеко, и онъ слышалъ осторожный шопотъ. Очевидно, его обходили... Вотъ хрустнулъ сучокъ подъ ногой... кто-то выругался шопотомъ.

Digitized by Google

Самое томительное чувство — ожиданіе. Зеленинъ наблюдалъ за собой, какъ у него начинаютъ холодѣть руки, а по спинѣ пробѣгаетъ непріятная дрожь. *Они* были уже совсѣмъ близко... Онъ собралъ все свое мужество и спросилъ, выглядывая въ темноту:

— Кто тутъ бродитъ?

Отвѣта не послѣдовало, и все замерло на одно мгновеніе. Для него теперь было ясно, что это были бродяги, которыхъ ему въ поѣздкахъ по Уралу приходилось встрѣчать сотни разъ. Но то было днемъ, а сейчасъ была ночь, и онъ былъ совершенно одинъ въ глухомъ лѣсу. У него защемило на душѣ, вспомнилась любимая дочь, и мелькнула мысль о смерти. Да, вотъ завтра его найдутъ здѣсь убитымъ... выѣдетъ слѣдователь... произведутъ вскрытіе, и потомъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ появится его некрологъ, а въ земскомъ собраніи почтутъ его смерть вставаніемъ...

— Кто тамъ?

Отвѣтъ послѣдовалъ не вдругъ.

— Вашескородіе, нельзя-ли огоньку... — проговорилъ неизвѣстный мужской голосъ изъ темноты.

— Бродяги?

— Случалось, вашескородіе... Одолжите огоньку.

Наступалъ рѣшительный моментъ. У Зеленина тряслись руки, когда онъ протянулъ въ темноту руку съ коробкой спичекъ—одно мгновеніе, и онъ могъ повалиться съ разможенной головой. Невидимая рука взяла у него спички, а онъ еще остался живъ. Эки-

Digitized by Google

пажъ окружили человѣкъ пять, и всѣ старались разглядѣть его въ темнотѣ. Эхъ, если бы былъ молодъ, схватилъ бы давеча лошадь и ускакалъ..

— Можетъ быть, хотите папиросъ? — предложилъ онъ.

— Покорно благодаримъ, вашескородіе...

Онъ протянулъ въ темноту кожаный портсигаръ. Въ отвѣтъ вспыхнула зажженная спичка, освѣтивъ нѣсколько лицъ, глядѣвшихъ на него съ жаднымъ любопытствомъ. Зеленина удивило больше всего то, что одинъ бродяга уже сидѣлъ на козлахъ.

— Ось сломалась, вашескородіе? Вотъ у насъ такъ нечему ломаться, кромѣ спины да ногъ...

— Васъ пятеро?—спросилъ Зеленинъ.

— Около того... Пять душъ съ половиной, вашескородіе. А вы по какой части будете?

— Я? Я—инспекторъ народныхъ училищъ.

— Это по части учебы?

— Да...

— Значитъ, ребятъ учите?

— Я не учу, а только наблюдаю за школами...

— Такъ. Правильно... Законъ требуетъ порядку.

Наступила неловкая пауза. Бродяги заподозрили въ директорѣ народныхъ училищъ чиновника, т.-е. кого-то карающую власть. Зеленинъ понялъ эту невысказанную общую мысль и объяснилъ подробнѣе сущность своихъ занятій. Это произвело благопріятное впечатлѣніе, потому что бродяги поняли, въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

Мѣшало окончательному пониманію только то, что всѣ говорили въ темнотѣ и не видѣли другъ друга. Единственнымъ освѣщеніемъ служили тлѣвшія папиросы.

— Что же, дѣло хорошее,—рѣшилъ сидѣвшій на козлахъ бродяга.

До сихъ поръ онъ упорно молчалъ, и Зеленинъ чувствовалъ, что онъ его наблюдаетъ съ какимъ то озлобленнымъ упорствомъ. Сейчасъ, по тону его голоса, онъ догадался, что это былъ коноводъ партіи—то, что называется на языкѣ бродягъ „головкой“. Его одобреніе сразу измѣнило немного натянутыя отношенія, и Зеленинъ пересталъ бояться.

— Вотъ что, ребята, вы промокли на дождѣ,—уже смѣло заговорилъ онъ:—а у меня есть съ собой немного коньяку...

Кто-то аппетитно чмокнулъ въ темнотѣ, кто-то умиленно вздохнулъ, кто-то замеръ въ сладкомъ ожиданіи. Простые мужики не слыхали даже слова „коньякъ“, а бродяги отлично понимали, что это значитъ. Сидѣвшій на козлахъ бродяга съ молчаливымъ благоговѣніемъ принялъ небольшую дорожную флягу и при свѣтѣ постоянно потухавшей спички началъ производить дѣлежъ драгоцѣнной влаги. Бродяги подходили по очереди, вытирали ротъ рукой, залпомъ опрокидывали стаканчикъ и нѣкоторое время блаженно молчали.

— Вотъ такъ водка... Ай, да баринъ!.. И закуска при этомъ...

Сидѣвшій на козлахъ бродяга размѣрялъ коньякъ

Digitized by Google

на глазъ съ математической точностью, но свою порцію не выпилъ, а спряталъ флягу за пазуху. Это не понравилось Зеленину, хотя онъ и жалѣлъ, что съ нимъ не было еще запасной бутылки—вотъ когда она могла пригодиться. Продрогшіе, иззябшіе, изголодавшіеся бродяги выпили бы ее и оцѣнили, какъ никто другой въ свѣтѣ.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе, потому что всѣ аппетитно жевали. Къ счастью, закуски было достаточно—и дорожные пирожки, и холодная телятина, и колбаса, и сыръ, и хлѣбъ. Сидѣвшій на козлахъ бродяга взялъ самый большой кусокъ хлѣба и спряталъ его за пазуху. Въ теченіе одного получаса Зеленинъ уже успѣлъ познакомиться съ ними, хотя и видѣлъ отдѣльныя лица мелькомъ: на лѣвомъ приступкѣ тарантаса сидѣлъ старикъ, на правомъ совсѣмъ молодой, на козлахъ сидѣли теперь трое остальныхъ.

— Вотъ что, ребята, а я васъ всѣхъ знаю,—заговорилъ Зеленинъ, когда закуска была кончена.—Т.-е. знаю, кто изъ какой губерніи...

— Но-о?

— Ну-ка, скажи: онъ?

— Енъ...

— Рязанской губерніи.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой...

— Ну-ка, а ты скажи: у меня?

— Въ мене...

— Воронежской...

Digitized by Google

Бродяги были удивлены до послѣдней степени, когда мудреный баринъ опредѣлилъ всѣхъ по губерніямъ.

— Вотъ такъ баринъ! Можно сказать, вполнѣ изуважилъ...

III.

Этотъ лингвистическій пріемъ опытнаго педагога послужилъ окончательнымъ пунктомъ сближенія, а упомянутая родина вызвала цѣлый рой воспоминаній. Бродяги наперерывъ разсказывали про свою губернію и удивлялись, что баринъ зналъ всѣ города, рѣки и пути сообщенія.

— Чего тутъ дивиться,—сурово замѣтилъ бродяга „головка“:—одно дѣло, мы темные люди, а другое, когда человѣка всему обучатъ сызмала. Дай-ко намъ грамоту-то, да мы бы... Эхъ, што тутъ говорить! Ежели вольному человѣку грамота нужна, такъ нашему брату, бродягѣ, въ тыщу разъ нужнѣе...

— Ну, въ острогѣ-то и насъ достаточно выучатъ,—отвѣтилъ другой.—Тоже, не сравнишь съ мужикомъ... Острогъ-то всему научитъ.

— Куда вы идете теперь?—спросилъ Зеленинъ.

— А по своимъ мѣстамъ...—отвѣтилъ за всѣхъ „головка“.—У насъ свое волчье положеніе. Ежели поймаютъ бродягу въ восточной Сибири—каторга и плети, ежели въ западной—одна каторга, а какъ перевалили

Digitized by Google

въ матушку тобольскую губернію — ссылка на поселенье *). Вотъ и вся наша наука...

— А какъ васъ зовутъ?

— Извѣстно какъ: всѣ Иваны непомнящіе родства... Кто съ бору,—кто съ сосенки, а званіе одно.

— А между собой какъ вы другъ друга называете?

— Да такъ, у каждаго своя кличка: вотъ этотъ—Кулага, тотъ — Носи-не-потеряй, я — Перекати-поле, вотъ этотъ—Гуляй-вѣтеръ, а тотъ—Козьи-ножки.

— Что же вы дѣлаете въ лѣсу?

— А такъ...—уклончиво отвѣтилъ Гуляй-вѣтеръ.— Своя маленькая неустойка вышла.

Бродяги засмѣялись.

— А гдѣ у васъ шестой?—спросилъ неожиданно Зеленинъ.

— Никакого шестого нѣтъ....

— Есть. Я знаю, что есть. Лошади сторожатся...

— Ахъ, ты, баринъ... Ну, и баринъ, одно слово.

Бродяги пошептались между собой, и Гуляй-вѣтеръ отвѣтилъ за всѣхъ:

— Угадалъ баринъ. Есть и шестой.

---

*) Этотъ законъ сейчасъ отмѣненъ, и всѣхъ бродягъ ссылаютъ на Сахалинъ.

Digitized by Google

Онъ повернулся на козлахъ и крикнулъ:

— Эй, Причина, выходи... Баринъ хорошій.

Бродяги опять засмѣялись, но Гуляй-вѣтеръ строго объяснилъ:

— Женщина одна съ нами есть, вашескородіе. Причиной ее зовемъ. Только вы того, вашескородіе, не подумайте, што мы тутъ молодушествомъ или пустяками занимаемся... Изъ за этой вотъ Причины и сидимъ въ лѣсу вторую недѣлю. Обезножила она у насъ бабьимъ дѣломъ.—Эй, Причина, выходи! Сумлѣвается она, вашескородіе, потому, какъ все-таки по женскому дѣлу, совѣстно въ другой разъ...

Причина подошла не вдругъ. Ее подвели насильно, и Гуляй-вѣтеръ налилъ ей оставленную для себя порцію коньяку.

— Вотъ, на... Лѣкарство первый сортъ.

Причина еще разъ поломалась, но выпила весь стаканъ маленькими глотками, какъ пьютъ курицы.

— Эй, баба,—баба и есть,—укоризненно замѣтилъ кто-то.—Выпить выпила, а крякнуть и не умѣетъ...

— На, закуси,—сурово предлагалъ Гуляй-вѣтеръ спрятанный кусокъ хлѣба.—Истощала совсѣмъ, глупая... Она, вашескородіе, значитъ, эта самая Причина, совсѣмъ у насъ глупая. Характеръ у ней такой, потому какъ она изъ старовѣровъ и ни за што не будетъ

Digitized by Google

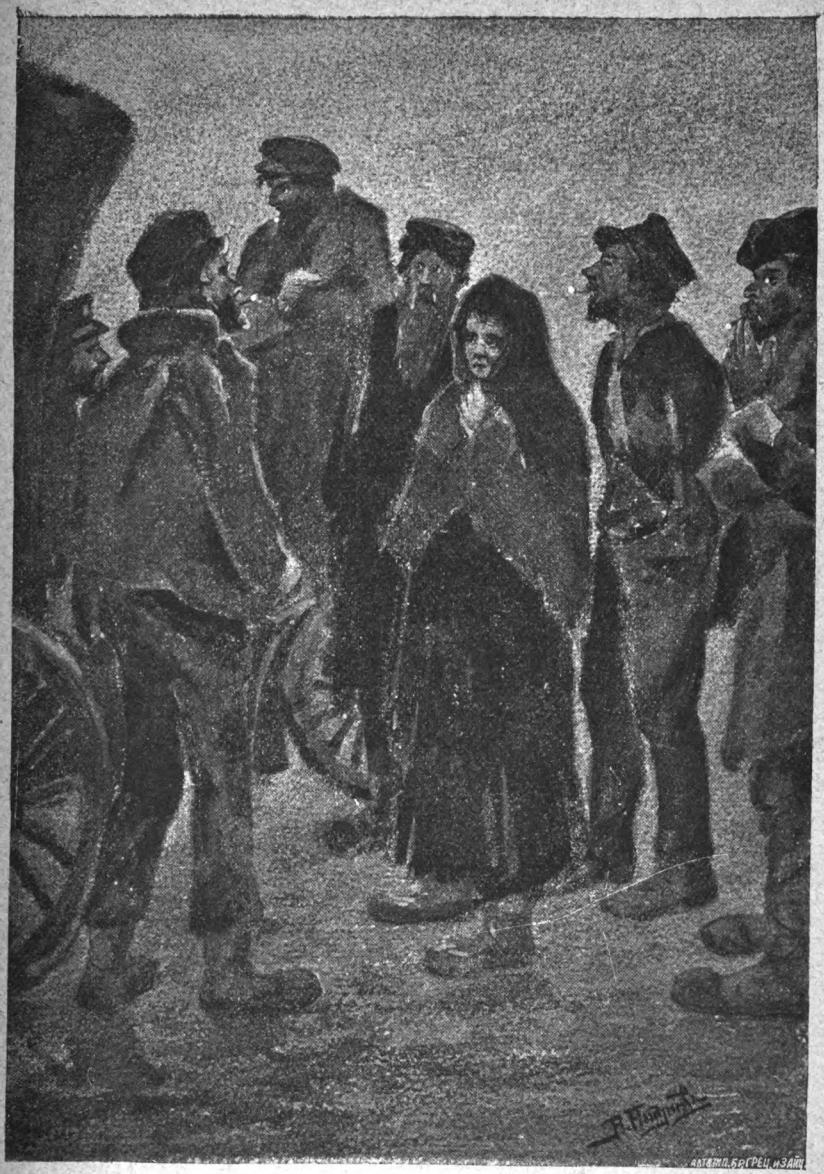
ѣсть скоромнаго въ постный день. Ну, мы-то все ѣдимъ—гдѣ разбирать ѣду. Со страннаго *) человѣка Господь не взыщетъ... Вотъ и севодни у насъ пятница, а вся закуска у васъ скоромная. Пусть хоть хлѣбца пожуетъ...

Зеленинъ пожалѣлъ тысячу разъ, что не художникъ и не можетъ написать картины: въ темнотѣ чуть вспыхиваютъ огоньки папиросъ, и при этомъ неровномъ, колеблющемся свѣтѣ неясно обрисовываются только одни силуэты „темныхъ людей“. Въ картинѣ безъ лицъ должны были говорить за себя только эти силуэты и характерныя позы. Вѣдь въ жизни много такихъ случаевъ, положеній и встрѣчъ, когда память сохраняетъ только одни неясно обрисованные силуэты, расплывающіеся и туманные, но говорящіе иногда краснорѣчивѣе самой ярко-освѣщенной картины.

Съ появленіемъ на сцену Причины общій разговоръ замѣтно оживился. Когда Зеленинъ посмотрѣлъ на часы—оказалось, что въ этой бесѣдѣ незамѣтно прошло больше двухъ часовъ. Бездомные люди были рады поговорить съ чужимъ человѣкомъ и разсказывали, не стѣсняясь, о своей бродяжнической жизни, о злосчастной судьбѣ, которая завела въ далекую Сибирь, и о надеждахъ на будущее. Да, у этихъ отверженцевъ были свои надежды, и на первомъ планѣ—„хоть однимъ

*) Странный—странствующій, странникъ.

Digitized by Google



Неясно обрисовывались силуэты „темныхъ людей".

Digitized by Google

глазомъ посмотрѣть“ на свои родныя мѣста и на близкихъ людей. Ихъ всѣхъ неудержимо вела впередъ одна общая сила—тоска по родинѣ.

Въ этихъ разсказахъ „темныхъ людей“ Зеленина поразила одна черта, именно, что всѣхъ ихъ выбила изъ родной обстановки какая-нибудь роковая случайность,—„темные люди“ и попадались въ темнотѣ своего великаго невѣдѣнія. Потомъ, всѣ они считали себя пострадавшими несправедливо или, по меньшей мѣрѣ, незаслуженно. Такъ, Причина „запалила„ домъ грознаго батюшки-свекра, отъ котораго ей житья не было, Кулага размѣнялъ въ кабакѣ какую то дурацкую фальшивую „бумажку“, Носи-не-потеряй любилъ чужихъ лошадей, Перекати-поле въ пьяной дракѣ, по ошибкѣ, убилъ своего благопріятеля, Гуляй-вѣтеръ ушелъ „изъ-за жены“, какъ объяснилъ онъ коротко.

— Однимъ словомъ, вашескородіе, темнота насъ всѣхъ одолѣла... объяснилъ Перекати-поле. — Да и теперь одолѣваетъ она же самая. Для чего мы, напримѣрно, какъ овцу, эту самую Причину волокемъ за собой?

— Для чего?

— Говорить, братцы, правду всю истинную?

— Говори, чего ужъ тутъ...—отвѣтили всѣ голоса.

— А для того, вашескородіе, што одна у насъ грамотная во всей артели. Тоже намъ безъ грамоты-

Digitized by Google

то крышка, хотя мы и бродяги. Вотъ и таскаемъ ее за собой... Только одна есть ошибочка у ней, у Причины, вашескородіе... да... Она учена по своему, по старовѣрски, ну, значитъ, все по церковному вычитываетъ, а што касаемо гражданской печати, такъ другое слово дня три разбираетъ. А главная обида, што пишетъ она, глупая, вашескородіе, церковными буквами... Мы ее ужъ какъ уговариваемъ, а она свое долбитъ: не умѣю писать по гражданскому.

— Ишь, чего захотѣли...—ворчала Причина, обиженная этимъ упрекомъ.—Ладно и по церковному...

— Мы ее, вашескородіе, доучивать ужъ хотѣли въ Тобольской губерніи: одного пропойцу чиновника подрядили было совсѣмъ за три цѣлковыхъ, а тутъ насъ всѣхъ чуть и не накрыли. Ужо въ Расеѣ какъ-нибудь доучимъ...

Выходила довольно комическая и въ то же время грустная картина.

Когда Ѳедотка вернулся черезъ шесть часовъ, онъ нисколько не удивился, что около тарантаса сидятъ бродяги. Что же, хотѣли сдѣлать удовольствіе генералу... Даже очень просто. Ѳедотка выпилъ съ устатку, и для него теперь рѣшительно все на свѣтѣ было ясно и понятно.

— Эй, вы, лѣсные дворяне, помогайте ось налаживать!—крикнулъ онъ, подъѣзжая.

Бродяги принялись за дѣло съ особеннымъ усер-

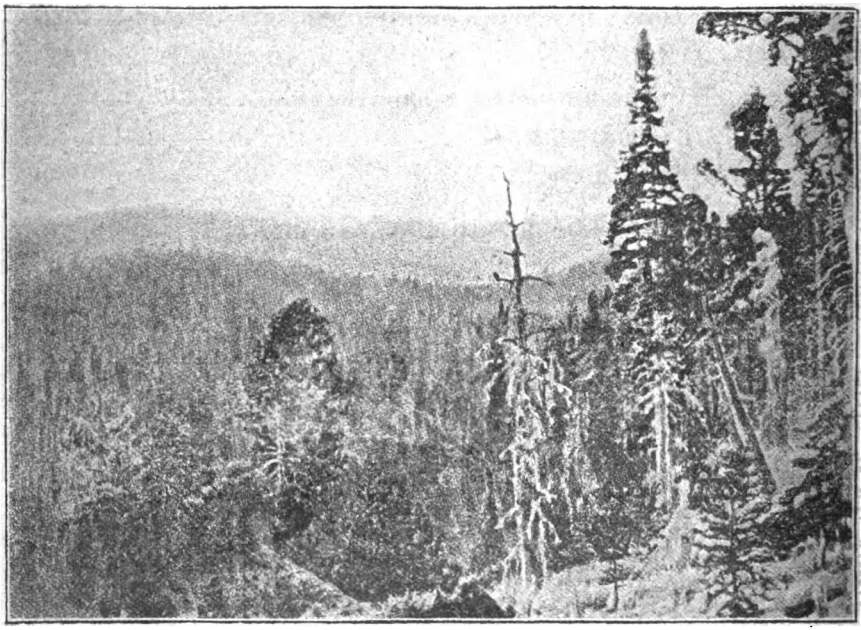
Digitized by Google

дiемъ, и въ нѣсколько минутъ все было налажено. Они помогли Ѳедоткѣ заложить лошадей и, когда онъ взмостился на козла, въ голосъ проговорили:

— Гладкой дороги, вашескородіе?

Зеленинъ далъ имъ на братію три рубля, и экипажъ началъ осторожно спускаться къ земскому мосту.

Темные люди остались въ темнотѣ...



Digitized by Google

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. И. ТИХОМИРОВА.

(Москва, Б. Молчановка, д. № 24).

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ. Дорогой камень. Ц. **10** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 10508, отъ 24 марта 1904 года).

ЕГО-ЖЕ. Упрямый козелъ. Сказка. Съ рис. **А. Н. Аѳанасьева.** Ц. **10** к. О. О. У. К. М. П. П. **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 11530, отъ 5 апрѣля 1904 года).

ЕГО-ЖЕ. Сѣрая шейка. Разсказъ. Съ рис. Ц. **5** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 11530, отъ 5 апрѣля 1904 года).

ЕГО-ЖЕ. Дѣдушкино золото. Разсказъ. Ц. **10** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 10508, отъ 24 марта 1904 года).

ЕГО-ЖЕ. Въ глуши. Разсказъ. Съ рис. **А. Кучеренко.** Ц. **7** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 10508, отъ 24 марта 1904 года).

ЕГО-ЖЕ. Земля не принимаетъ. Разсказъ. Съ рисун. **В. Андреева. Второе изданіе.** Ц. **5** к.

ЕГО-ЖЕ. Ангелочки. Разсказъ. Съ рис. **В. Андреева.** Ц. **5** к.

ЕГО-ЖЕ. Сударь Пантелей — свѣтъ Ивановичъ. Новгородское преданіе Ц. **7** к.

ЕГО-ЖЕ. Свѣтлячки. Сказки. Изящное изданіе на роскошной бумагѣ, съ рисунками; четкая печать. (Для маленькихъ дѣтей). Ц. **1** р. **Содержаніе:** Присказка. Сказка про дѣдушку Водяного. Первая ночь. Вторая ночь. Третья ночь. Четвертая ночь. Пятая ночь. Шестая ночь. Послѣдняя ночь. Второе изданіе. О. О. У. К. М. Н. Пр. книга **допущена** въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ таковыя же библіотеки для младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 28923, отъ 4 ноября 1900 г.).

ЕГО-ЖЕ Кара-ханымъ. Разсказъ. Съ рисунками. Ц. **5** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 11529, отъ 5 апрѣля 1904 г.).

Каталоги и проспекты высылаются безплатно.

Складъ изданій и редакція журналовъ „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“ находятся: **Москва, Б. Молчановка, д. № 24.**

Digitized by Google

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Д. И. ТИХОМИРОВА.

(Москва Б. Молчановка, д. № 24),

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Разсказы и сказки. **Второй томъ.**—Законъ.—Дурной товарищъ.—Дѣдушка.—Страшный человѣкъ.—Неудача.—Сумасшедшій звонарь.—Волшебникъ.—Конецъ войнѣ.—Онъ.—Хитрый нѣмецъ.—Черная армія.—Пѣсня мистера Каль.—Первая охота. Ц. 1 р. **2-е изданіе.** О. О. У. К. М. Н. Пр. книга во 2 изданіи **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 13622, отъ 29 апрѣля 1904 г.).

ЕГО-ЖЕ. Акъ-Бозатъ. Разсказъ. Съ 6-ю рисунками художника А. С. Степанова Ц. **20** к. **Второе изданіе.** О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 21191, отъ 10 іюля 1904 года.

ЕГО-ЖЕ. Бѣлое золото. Повѣсть. Ц. **50** к. 4-е изданіе, **1903 года. У. К.** М. Н. Пр. книга **допущена** для ученическ. библ. средн. и низш. учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отношеніе № 11446, отъ 8 апр. 1904 г.

ЕГО-ЖЕ. По Уралу. Новый сборникъ разсказовъ: Дорогой камень. Дѣдушкино золото. Вертелъ. Въ глуши. Кормилецъ. На рѣкѣ Чусовой. Ц. **50** к. **Второе изданіе.** О. О. **У. К. М. Н. П. допущена** въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. (Отношеніе № 10215, отъ 23 марта 1904 г.

ЕГО-ЖЕ. Зарницы. **Второй сборникъ разсказовъ для старшаго возраста.** Съ 10-ю рисунками. Ц. **75** к. 4-е изданіе. **Содержаніе:** I. Акъ-Бозатъ. II. На вольномъ воздухѣ. III. Кара-ханымъ. IV. Зимовье на Студеной. V. Отъѣздъ. VI. Послѣдняя треба. VII. Жидъ. VIII. Сочельникъ. IX. Исповѣдь. Книга **допущена** У. К. М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безпл. библіотеки и читальни. (Отношеніе № 11446, отъ 8 апрѣля 1904 г.).

ЕГО-ЖЕ. Хитрый нѣмецъ. Разсказъ. Съ рис. **В. Андреева.** Ц. **5** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. (Отношеніе № 10503, отъ 24 марта 1904 года.)

ЕГО-ЖЕ. Черная армія. Сказка. Съ рис. **Ѳ. Бондаренко.** Ц. **5** к. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 11530, отъ 5 апрѣля 1904 года).

ЕГО-ЖЕ. Послѣдняя треба. Разсказъ. Съ рис. **В. Андреева и А. Кучеренко** Ц. **6** коп.

ЕГО-ЖЕ. Живая вода. Разсказы. Съ рисунками художниковъ: **Воронова, Спасскаго и др.** Ц. **50** к. **Содержаніе:** Живая вода. Кукольный магазинъ. На линіи. Suum cuique. Въ ученіи. Святой уголокъ.

Каталоги высылаются безплатно.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google